

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2024**

2

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, чл.-кор. РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Al'bekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel' - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berkov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

Doi: 10.18522/2687-0770-2024-2

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 2 (222) 2024 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 2 (222) 2024*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

- Киричек А.В., Ходикова Н.А.** Уроки Фейерабенда: ограниченность науки, значение ценностей и разнообразия 4
- Пантузенко Е.С.** Сепаратизм в политике и религии: сравнительный анализ 13
- Хоконов М.А., Лисев Р.П.** К вопросу о междисциплинарном изучении традиционного черкесского праздника Созереш 19

- Kirichek A.V., Khodikova N.A.** Feyerabend Lessons: The Limitations of Science, the Importance of Values and Diversity 4
- Pantuzenko E.S.** Separatism in Politics and Religion: a Comparative Analysis 13
- Khokonov M.A., Lissev R.P.** On the Issue of Interdisciplinary Study of the Traditional Circassian Festival of Sozeresh 19

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCE

- Агафонов А.И.** Самобытные (неутвержденные) дворянские гербы М.И. Платова на гравированных портретах 27
- Ануфриенко М.С.** К истории становления русско-горской торговли на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX века 36
- Венков А.В.** Матримониальные связи казачьей верхушки Дона в XVIII веке 45
- Козлов С.С., Лебеденко В.А., Рылова Н.Е.** Александр Рубенович Ханамиров – основатель школы оториноларингологии в Ростовском государственном медицинском институте 54
- Мордовин П.С.** Обстоятельства развития внутренней и внешней экспансии горцев Северного Кавказа в начале XIX века 59

- Agafonov A.I.** Original (Unapproved) M.I. Platov Noble Coats of Arms on Engraved Portraits 27
- Anufrienko M.S.** To the History of the Formation of Russian-Mountain Trade in the North Caucasus at the End of the 18th - Beginning of the 19th Century 36
- Venkov A.V.** Matrimonial Relations of the Cossack Elite of the Don in the 18th Century 45
- Kozlov S.S., Lebedenko V.A., Rylova N.E.** Alexander Rubenovich Khanamirov is the Founder of the School of Otorhinolaryngology at the Rostov State Medical Institute 54
- Mordovin P.S.** Circumstances of the Development of Internal and External Expansion of the North Caucasus Mountain People at the Beginning of the 19th Century 59

Петров А.С. Преподавание восточных языков в мужских гимназиях Казанского учебного округа как элемент национальной политики Российской империи в XIX – начале XX века (на материалах Казанской и Астраханской мужских гимназий)	67
Середина И.В. Образование и новые реалии повседневности у горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX века	73
Ткаленко Н.С. Меры российских властей по развитию здравоохранения на Северо-Западном Кавказе в 20–30-е годы XIX века	80

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Альбекова С.А. Концепция и реализация альтернативной методики оценки национальной конкурентоспособности	91
Декина М.П., Макаров А.В., Найминова Э.А., Подгорных И.В. Оценка территориальной дифференциации показателей уровня жизни в Российской Федерации	100

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Билалов М.И. В точках отсчета дагестанской национальной философии (к 100-летию Ахеда Агаева)	108
---	-----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Мининков Н.А. Дмитрий Владимирович Сень – историк казачества (к 50-летию со дня рождения)	115
--	-----

Petrov A.S. Teaching Oriental languages in Boy's Gymnasiums of Kazan Educational District as an Element of the National Policy of the Russian Empire in the 19th - early 20th Century (on the Materials of Kazan and Astrakhan Boy's Gymnasium)	67
Seredina I.V. Education and New Realities of Everyday Life Among the Mountain Peoples of the North Caucasus in the Second Half of the 19th Century	73
Tkalenko N.S. Measures of the Russian Authorities to Develop Health Care in the North-West Caucasus in the 20-30s of the 19th Century	80

ECONOMIC SCIENCE

Albekova S.A. Concept and Implementation of An Alternative Methodology for National Competitiveness Assessing	91
Dekina M.P., Makarov A.V., Nayminova E.A., Podgornykh I.V. Assessment of Territorial Differentiation of Living Standard Indicators in the Russian Federation	100

TOUCHES TO THE PORTRAIT

Bilalov M.I. At the Starting Points of Dagestan National Philosophy (to the 100th Anniversary of Ahd Agaev)	108
--	-----

OUR PERSONS

Mininkov N.A. Dmitry Vladimirovich Sen' - Cossack Historian (on the 50th Birthday)	115
---	-----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

Научная статья

УДК 1(091)+101.1:316

doi: 10.18522/2687-0770-2024-2-4-12

УРОКИ ФЕЙЕРАБЕНДА: ОГРАНИЧЕННОСТЬ НАУКИ, ЗНАЧЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ И РАЗНООБРАЗИЯ

Александр Владимирович Киричек¹, Нина Анатольевна Ходикова²✉

^{1,2} Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, Москва, Россия

¹ kirichek70@mail.ru

² 5856243@mail.ru ✉

Аннотация. Анализируется философское наследие Пола Фейерабенда – последнего постпозитивиста и главного «анархиста» от философии науки. На основе исследования идейного наследия в контексте его жизненного и творческого пути выявлены и сформулированы центральные максимы его философской доктрины. Прослеживается связь этих максим со сквозными идеями русской философской мысли (стремление к свободе во всех сферах бытия, поиск истины не только на путях рациональности, но и с привлечением всех познавательных способностей человека и т.д.). Идеи философа особенно актуальны в современных геополитических условиях – в контексте нового осмысления места и роли науки в меняющемся мире, осознания необходимости многообразия способов познания мира и роли традиционных духовно-нравственных ценностей во всех сферах социального бытия.

Ключевые слова: наука, эпистемологический анархизм, социальные функции науки, русская философия, традиционные ценности, сциентизм, антисциентизм, многообразие, рациональность

Для цитирования: Киричек А.В., Ходикова Н.А. Уроки Фейерабенда: ограниченность науки, значение ценностей и разнообразия // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 2. С. 4–12.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

FEYERABEND LESSONS: THE LIMITATIONS OF SCIENCE, THE IMPORTANCE OF VALUES AND DIVERSITY

Alexander V. Kirichek¹, Nina A. Khodikova²✉

^{1,2} State Fire Academy of EMERCOM of Russia, Moscow, Russia

¹ kirichek70@mail.ru

² 5856243@mail.ru ✉

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the philosophical legacy of Paul Feyerabend, the last post-positivist and the main “anarchist” from the philosophy of science. Based on the study of his ideological heritage in the context of his life and creative path, the central maxims of his philosophical doctrine are identified and formulated. The connection between these maxims and the cross-cutting ideas of Russian philosophical thought is traced (the desire for freedom in all spheres of existence, the search for truth only on the paths of rationality, but the involvement of all human cognitive abilities, etc.). The philosopher's ideas are especially relevant in modern geopolitical conditions - in the context of a new understanding of the place and role of science in a changing world, awareness of the need for a variety of ways of knowing the world and the role of traditional spiritual and moral values in all spheres of social existence.

Keywords: science, epistemological anarchism, social functions of science, Russian philosophy, traditional values, scientism, anti-scientism, diversity, rationality

For citation: Kirichek A.V., Khodikova N.A. Feyerabend Lessons: The Limitations of Science, the Importance of Values and Diversity. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(2):4-12. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В январе и феврале этого года мировое философское сообщество отметило два взаимосвязанных юбилея – 100-летие со дня рождения и 30-летие со дня смерти одного из самых ярких и скандальных мыслителей XX в. – Пола Фейерабенда (1924–1994). Первое знакомство одного из авторов этой статьи с идеями самобытного австро-американского философа произошло еще в студенческие годы на закате перестройки в рамках спецкурса по истории и философии науки, который читал на философском факультете МГУ Александр Леонидович Никифоров – первый переводчик работ Фейерабенда в нашей стране. Александр Леонидович называл его ласково-панибратски Пашей, изложил суть его воззрений примерно за полчаса, заключив, что на нем позитивизм завершил свое развитие, ибо дальше идти некуда, после чего дал одну на всю группу дефицитную книгу избранных трудов Фейерабенда [1], дабы мы могли ознакомиться со взглядами эпатажного философа самостоятельно.

С тех самых пор – вот уже почти 35 лет – свободолюбивый и скептически настроенный «Паша» остается одним из главных наших виртуальных собеседников. Сегодня же – в год его юбилея – настало время подвести некоторые итоги этого общения и отдать дань великому анархисту от науки, ответив, пожалуй, на самый главный и животрепещущий вопрос – чему нас научил и продолжает учить неистовый Пол.

Второй автор изучал представления Фейерабенда о развитии науки (наряду с моделями Т. Куна и И. Лакатоса, К. Поппера) в связи с темой своей кандидатской диссертации, итогом этого изучения стало, с одной стороны, критическое отношение к некоторым его идеям, с другой – понимание, что эти взгляды гораздо глубже, чем это кажется на первый взгляд [2].

Цель настоящей статьи – на основе исследования идейного наследия Фейерабенда в контексте его жизненного и творческого пути, используя методы сравнительно-исторического, биографического и логического анализа, правила и принципы герменевтики, выявить и лаконично сформулировать в форме уроков-наставлений центральные максимы его философской доктрины. При этом одной из особенностей данной публикации является акцент на связи воззрений Фейерабенда с наследием русской философской мысли, оказавшейся (как это будет показано ниже) во многих отношениях созвучной мировидению последнего постпозитивиста.

Изложение результатов в форме уроков представляется вполне конгруэнтным духу и букве творчества Фейерабенда, поскольку ему самому нередко вполне был свойствен назидательный стиль изложения собственных интеллектуальных построений (разумеется, вкупе с иронией и самоиронией, чувством юмора, эпатажностью, гиперболичностью и т.п.).

Но сначала скажем несколько слов о жизненном пути Фейерабенда, следуя его автобиографии [3]. Пол родился во вполне заурядной семье – его отец был мелким чиновником, а мать – швеей, детство и юность его прошли в Вене. В младшей школе он ничем не выделялся, а в старшей за ним закрепилась репутация ученика, который знает физику и математику. С девяти лет он много читал, сначала приключенческую литературу, затем «набрел на драму и философию», занимался астрономическими наблюдениями с помощью телескопа собственной сборки, хорошо пел и даже поступил в музыкальную академию – поэтому неудивительно, что всю жизнь Пол был заядлым театралом и киноманом.

В свой первый научный спор Пол ввязался в 15 лет, после чего стал замечать за собой склонность «принимать странные взгляды и развивать их до крайности», которая сохранилась у него на всю жизнь.

Во время немецкой оккупации Фейерабенд был призван на военную службу, итогом которой стало участие в бесславной кампании на восточном фронте, воинское звание лейтенанта, Железный крест и несколько ранений, в результате которых всю оставшуюся жизнь Пол то перемещался на костылях, то ходил с палочкой.

В 1946 г. он возвращается в Вену, изучает астрономию и физику в университете, берет уроки пения и актерского мастерства, в общем «был везде, где происходило что-нибудь интересное, и всех задира». Ключевую роль в его жизни сыграли семинары в Альпбахе – небольшой австрийской деревушке, которая в конце 1940-х гг. становится «мировым центром интеллектуального, художественного, политического обмена». Здесь Фейерабенд знакомится с Карлом Поппером, а через него – с другими известными учеными (Л. Берталанфи, К. Ранером, Ф. Хайском и др.). После этого начинается череда заграничных поездок, учеба в Англии под руководством К. Поппера, а затем и академическая карьера в различных университетах Англии, США, Австралии, где Фейерабенд читал курсы по общей философии, философии науки, квантовой механике и др., сочетая эту деятельность с написанием статей, участием в симпозиумах и т. п. [3].

Наверное, самой известной и скандальной стала книга Фейерабенда «Против метода», увидевшая свет в 1975 г., которую сам автор называет «коллажем», как и более поздний труд с характерным названием «Прощай, разум!» [4], поскольку обе книги – это скорее собрание статей и размышлений, написанных в разные годы без четкой связи друг с другом. Последней работой Пола стала его интеллектуальная биография «Убийство времени» [3], над которой он работал до последних дней своей бурной жизни. 11 февраля 1994 г. в возрасте 70 лет Фейерабенд скончался от рака мозга на руках любимой жены Грации Боррини-Фейерабенд.

Урок 1. Ограниченность науки и недостаточность разума

Пожалуй, среди широких кругов интеллектуалов Фейерабенд более всего известен как «злейший враг науки». Именно так еще в 1987 г. его окрестил авторитетный журнал *Nature* [3, с. 251], разумеется, окрестил несправедливо, что в 2000 г. в предисловии к сборнику очерков «Злейший враг науки?» отметил Г. Муневар, подчеркнув, что, напротив, Фейерабенд «показал, насколько сложна и захватывающая наука, и теперь она может стать одновременно и более плодотворной, и более гуманной» [5, р. 6].

Действительно, разве можно считать врагом того, кто прямо и без обиняков рассказывает нам о наших недостатках, умеряя тем самым наше самомнение и умирняя наш гибрис? Именно это, в сущности, и говорил почти всю свою жизнь Фейерабенд науке, адресуя свою критику прежде всего точным дисциплинам, в которых он неплохо разбирался (прежде всего в физике и астрономии).

В чем же видит философ основные недостатки и ограниченность науки? Во-первых, он рассматривает ее всего лишь как один из способов объяснения и понимания мира, возникновение которого тесно связано с европейской цивилизацией [1, с. 454]. Этот способ хотя и доказал свою высокую эффективность и плодотворность в решении многих проблем, тем не менее не может быть абсолютизирован как единственно верный. С одной стороны, многие важнейшие достижения человечества были сделаны вне рамок науки (например, селекция растений и животных, изобретение колеса, металлургия, народная медицина) [1, с. 138]. С другой стороны, наука до сих пор, несмотря на всю свою показную мощь, не способна решить самые животрепещущие проблемы человечества, будь то социальное неравенство, войны, преступность и пр.

Во-вторых, наука достаточно агрессивна, нетерпима к инакомыслию, поэтому она вытесняет другие формы знания и практики, оценивая их как лженаучные, примитивные и т. п., тогда как на самом деле с их помощью люди на протяжении тысяч лет адекватно отвечали на возникающие вызовы [1, с. 138]. Эти донаучные пути познания, разрушенные западной цивилизацией, «были эффективны в том смысле, что помогали людям выжить и делали их существование постижимым» [3, с. 246].

В-третьих, наука – это не только система обоснованных знаний о мире и деятельность по их получению, но также и разновидность идеологии, и бизнес-предприятие, ее авторитет во многом держится на пропаганде [1, с. 134, 282]. Многие приходят в науку не ради поиска истины или улучшения жизни людей, а ради заработка и карьеры, поэтому неудивительно, как отмечает Фейерабенд, что «наилучшим средством для того, чтобы заставить замолчать “научную совесть” современного ученого, является все-таки доллар» [1, с. 184].

В-четвертых, наука не только приносит пользу, но и ощутимый вред – от разрушения природы до создания смертоносного оружия и способов промывки мозгов. Поэтому одной из центральных идей Фейерабенда стало требование общественного контроля за наукой: например, он предлагал народную проверку безопасности ядерных реакторов, достоверности психологических тестов на интеллект, возможностей официальной медицины и пр. [6, с. 143–144].

Другим объектом критики Фейерабенда выступает разум, а вместе с ним и вся традиция рационализма, идущая от Платона и Аристотеля через Декарта, Спинозу и Лейбница к позитивистам, неопозитивистам и неорационалистам. В понимании Фейерабенда, «разум не является силой, направляющей другие традиции, он сам – традиция, предъявляющая такие же претензии на превосходство, как любая другая» [6, с. 10]. Иначе говоря, разум – это не высшее в человеке, как европейцы привыкли считать едва ли не со времен Аристотеля, а лишь одно из многих достижений человечества, которое не лучше и не хуже других. Вместе с тем Фейерабенд подчеркивал, что «никогда не “унижал разум”, а лишь критиковал наиболее окаменелые и тиранические его формы» [3, с. 232]. И целью такой критики было не ниспровержение разума, а стремление улучшить и науку, и общественное устройство в целом.

Фейерабендовская критика разума смыкается с аналогичной критикой со стороны русского экзистенциального философа Льва Шестова, хотя последний идет в своих сомнениях не со стороны науки, а с противоположного полюса – со стороны религии [7]. По мнению Шестова, разум (вместе с моралью) загоняет человека в мир необходимости, в мир абсолютных и непреодолимых законов природы и общества, перед которыми люди должны покорно смириться, тогда как вера рассматривается как «окно» в мир свободы, через которую мы можем получить то, что разум считает невозможным [8].

Отметим ряд примечательных исследований, проводящих параллели между учениями русских мыслителей и идеями Фейерабенда. Так, в одном из них отмечается, что критика Фейерабендом науки в связи с тем, что она в какой-то момент уподобляется мифу в ряде существенных характеристик, во многом коррелирует со взглядами А. Ф. Лосева на соотношение научной и мифологической картин мира: «несмотря на... разницу в методологии и несоответствие самих целей их исследований, мы обнаруживаем, что в центре их теорий оказывается единое гуманистическое ядро» [9, с. 94]. Интересная работа посвящена сравнительному анализу эпистемологического анархизма Фейерабенда и политического анархизма П. Кропоткина [10].

Если же посмотреть на русскую философскую традицию в целом, то, по нашему убеждению, именно она выглядит более взвешенной и адекватной, чем узколобий сциентизм или фанатичный антисциентизм. Речь идет об одной из центральных сквозных идей русской философии – идее цельности духовной жизни и целостного познания, разрабатывавшейся и славянофилами (прежде всего И. В. Киреевским), и В. С. Соловьевым и его последователями, для которых взаимодополнительность науки, искусства, религии, философии в деле совместного отыскания истины являлась очевидной [11, с. 98, 137].

Таким образом, науку и разум не следует абсолютизировать как высшие достижения мировой цивилизации, оценивая все иное (искусство, религию, обыденный опыт, внеученные практики, чувства, ценности, эстетический и мистический опыт и т. п.) как второсортное, примитивное, а потому подлежащее вытеснению и забвению. Иными словами, наука не единственный способ постижения истины, которая может быть открыта и на других путях познания.

Урок 2. Польза разнообразия

Если взглянуть на жизненный путь самого Фейерабенда, то мы увидим, что занятия наукой и философией были лишь одной из частей его богатой жизни, возможно даже не самой главной. Не меньшее значение для него имело искусство. Уже в детстве окружающие и эксперты отметили у него наличие выдающегося голоса, полноценному развитию которого помешала, с одной стороны, Вторая мировая война, а с другой – увлечение наукой. Тем не менее Пол и в юности, и в зрелости занимался пением, лелея надежду прорваться на большую сцену. С другой стороны, Фейерабенд, как указывалось выше, был заядлым театралом и киноманом – в его автобиографии десятки страниц посвящены подробному описанию спектаклей и фильмов, которые он посещал в разных городах мира.

На наш взгляд, центральный эпистемологический принцип концепции Фейерабенда – принцип пролиферации (умножения) гипотез является воплощением идеи разнообразия в науке. Развивая идею Поппера о том, что ученый должен стремиться к опровержению своих гипотез, Фейерабэнд указывает, что «целесообразно предлагать объяснение какому-то явлению сразу в нескольких вариантах, желательно – на альтернативной основе» [2, с. 214]. Отметим, что современная наука не пренебрегает такими возможностями. Стоит вспомнить хотя бы обилие интерпретаций квантовой механики [12, с. 29–38], множество вариантов решения парадокса Ферми (парадокса молчания Вселенной), десятки формулировок антропного космологического принципа и т. п.

Разумеется, разнообразие, его сохранение и приумножение, рассматривается Фейерабэндом не только как прерогатива ученых, а намного шире – как требование ко всей культуре. При этом различные культурные традиции имеют не только право на существование, но и должны иметь «равные права и равный доступ к центрам власти» [6, с. 11]. Кстати, как подчеркивает сам философ, одной из причин, по которым он не хотел возвращаться в Европу из США, была «монохромность ее населения», тогда как Америка притягивала его «культурным и расовым разнообразием», «здесь было множество разных лиц и много разнообразных взглядов на жизнь» [3, с. 196, 271].

Защищая культурное разнообразие, Фейерабэнд, в сущности, выступает против гегемонии Запада, его претензий на мировое лидерство, права навязывать другим народам и странам свой образ жизни, свои представления о должном и запретном как единственно правильные. Он пишет: «Даже самое маленькое племя может дать что-то новое западному мышлению» [4, с. 50].

Аналогичные идеи о пользе разнообразия мы находим в историософской концепции К. Н. Леонтьева, который в развитии любого организма, любой культуры, любого духовного явления выделяет три стадии: первоначальной простоты – цветущей сложности – вторичного смесительного упрощения [13, с. 101].

Созвучны мировоззрению Фейерабенда и идеи евразийцев (в частности, Н. С. Трубецкого), которые достаточно активно боролись с европоцентризмом за право народов на сохранение собственной самобытности. Как справедливо отмечает В. Н. Липский, евразийцы «полагали категорически неприемлемым дифференциацию культур на вышестоящие и нижестоящие и считали, что анализировать культуры необходимо сообразно эпохе, их “месторазвитию”» [14, с. 10].

Естественно, не любое разнообразие выступает как ценность. Например, вполне правомерно искоренение в природе тех или иных вредоносных вирусов и бактерий. Равным образом, и в жизни человека, общества в целом не всякое разнообразие должно приветствоваться (например, едва ли кто сомневается сегодня в пагубности вредных привычек, разного рода зависимостей, экстремистских идеологий и пр.).

Очевидно в этой связи, что и знаменитый фейерабендовский принцип «Все дозволено» (anything goes) [1, с. 153–159] нельзя абсолютизировать в смысле вседозволенности в рамках научного поиска. Последний должен по меньшей мере ограничиваться интересами человека и общества в духе заповеди «Не навреди», иначе говоря, согласовываться с гуманистическими цивилизационными ценностями.

В целом же разнообразие, богатство и сложность как в индивидуальной, так и в общественной жизни можно и нужно культивировать. И ясно также, что оно не должно замыкаться только на науку, не должно сводиться к выдвиганию и обоснованию различных гипотез (концепций, методов и пр.), а включать самые разные формы деятельности (художественной, религиозной, технической), наполняющие нашу жизнь красотой, добром, радостью, любовью, смыслом.

Урок 3. Роль ценностей и традиций (философских оснований)

Признание ценности разнообразия как внутри науки, так и вне ее с неизбежностью детерминирует и утверждение важности ценностей и внутри науки, и во всей социальной жизни. Действительно, едва ли следует доказывать, что за теми или иными концепциями и взглядами стоят определенные философские основания, фундированные в своей основе именно ценностными ориентациями мыслителей [15]. Сам Фейерабэнд считал, что «разговор о ценностях относится к тому, как человек хотел бы жить или, как он считает, нужно жить» [4, с. 34].

Ценностная ангажированность науки сегодня трактуется как важнейшая черта постнеклассической рациональности, а Фейерабенд был, несомненно, одним из тех, кто способствовал утверждению этой новой рациональности. «Ключевые научные движения, – замечает он в своей биографии, – вдохновлялись философскими и религиозными (или теологическими) сентиментами» [3, с. 247]. Иными словами, он довольно рьяно боролся с классическим взглядом на науку как нейтральное объективное исследование, свободное от субъективных ценностей и философских предпочтений ученых.

Безусловно, сама история науки при ее внимательном прочтении неизбежно подталкивала и Фейерабенда, и других методологов к таким выводам. Стоит вспомнить, например, следующие показательные эпизоды из истории науки:

– недюжинное упорство, с которым несколько веков ученые – от Платона и Аристотеля до Коперника и Тихо Браге – держались за представление о том, что планеты могут двигаться только по идеальным окружностям;

– настойчивое нежелание Эйнштейна признавать правоту расчетов А. Фридмана и адекватность наблюдений «разбегания галактик» В. М. Слайфером, поскольку из них следовал факт расширения нашей Вселенной, с чем Эйнштейн как поборник идеи вечного и бесконечного Универсума не хотел смириться, так что даже после эпохальных открытий Э. Хаббла конца 1920-х гг. он «отчаянно пытался реанимировать неподвижную Вселенную» [16, с. 55, 64, 79];

– неприятие многими из творцов квантовой механики, начиная с М. Планка и А. Эйнштейна и заканчивая Н. Бором и Э. Шредингером, «ужасных» следствий из нее в лице квантовой спутанности (нелокальности), корпускулярно-волнового дуализма, неискоренимости вероятностного описания событий микромира и др., которые не укладывались в привычную для них классическую картину мира, где всё предсказуемо, однозначно и т. п. [17, с. 55–64].

Однако ценности могут быть не только тормозом науки, но и способствовать её прогрессу. Например, убежденность в красоте и целесообразности мироздания регулярно позволяла ученым выявлять простые и ясные законы мироздания, будь то законы обращения планет, открытые И. Кеплером, законы наследственности, найденные Г. Менделем, периодический закон Д. Менделеева и др.

Исходя из вышесказанного, учитывая способность ценностей как замедлять, так и ускорять научный прогресс, вполне резонно задать вопрос, а как может или должно сказаться на научных изысканиях нынешнее ценностное противостояние между коллективным Западом – с одной стороны, и Россией и «глобальным югом» – с другой? Если вспомнить, что наука с ее демократизмом, критицизмом, новаторством, индивидуализмом – это зримое воплощение именно западных ценностей, то не грозит ли России, в случае её затяжной конфронтации с Западом и продолжения курса на культивирование ценностной самобытности, отставание в области науки и, как следствие, технологическая, экономическая и военная отсталость?

Даже если мы предположим, что в перспективе Россия станет таким же закрытым (в терминологии К. Поппера) обществом, которым был Советский Союз (что представляется нам весьма маловероятным в силу нарастающей интенсификации международного обмена различными ресурсами, в том числе и информационными), то очевидные успехи советской науки (вспомним хотя бы первую атомную электростанцию, первый спутник, советский пенициллин-крустазин) зримо показывают, что в условиях господства традиционных ценностей (а именно такова была ситуация в СССР с присущим ему коллективизмом, авторитаризмом, патриотизмом, культом семьи и т. п.), наука вполне может успешно развиваться, сохраняя внутри себя такие важнейшие механизмы роста, как свободомыслие, организованный скептицизм, демократизм. Мало того, советская власть смогла создать собственную уникальную многоуровневую систему подготовки научных и технических кадров и стимуляции научных изысканий, включающую в себя специализированные школы, олимпиады, кружки, научно-популярные журналы, подготовительные курсы (рабфаки), соревнования новаторов и изобретателей, аспирантуры и докторантуры, научно-производственные объединения, именные стипендии, государственные премии и др.

Нельзя не отметить, что для многих выдающихся советских ученых важнейшими ценностями, выполнявшими мотивирующую функцию, были именно те, которые сегодня получили название «традиционных духовно-нравственных ценностей», прежде всего патриотизм, служе-

ние Отечеству и ответственность за его судьбу, приоритет духовного над материальным, созидательный труд, коллективизм и взаимопомощь¹. Подтверждением этому являются многочисленные факты самопожертвования, беззаветной преданности Родине советских ученых в годы Великой Отечественной войны, в период восстановления народного хозяйства. Нельзя не вспомнить в этой связи подвиг сотрудников Всесоюзного института растениеводства, которые в блокадном Ленинграде, умирая от голода, сохранили уникальную коллекцию семян, не съев из нее ни одного зернышка, или достижения наших микробиологов (в частности, З. В. Ермольевой), создавших отечественный пенициллин, с помощью которого были спасены тысячи жизней наших солдат. О сущности подвига как нравственной ценности доступно ведет беседу с читателем Г.В. Елагина [18]. Также выдающийся вклад в обороноспособность страны в годы ВОВ и сразу после неё внесли такие выдающиеся ученые, как М. Келдыш, П. Капица, Е. Патон, И. Курчатов, С. Королев, Е. Трофимук, С. Бернштейн, А. Туполев и многие другие.

Возможно, именно возвращение (разумеется, на новом уровне) к советским традициям в области образования, поиска и воспитания ученых, изобретателей, инженеров позволит нашей стране вернуть утраченные за последние 30 лет лидирующие позиции в мировой науке, вырастить новых Королевых, Курчатовых, Келдышей.

Подводя итог изложению первых трех уроков, приходим к выводу, что благодаря Фейерабенду (конечно же, не только ему одному) мы можем более реалистично и непредвзято оценить природу науки и ее место в нашей жизни. Наука, безусловно, играет важнейшую роль в культуре и общественной жизни. Однако она вовсе не всесильна и не безгрешна. Наука – это порождение западной цивилизации, а потому является лишь одним из способов понимания и освоения мира, который имеет не только свои плюсы, но и минусы. Хиросима и Чернобыль, мусорные острова в океанах и все более смертоносные виды оружия, совершенствование искусственного интеллекта и усиливающаяся роботизация заставляют все больше людей задумываться о цене научного прогресса – не будет ли она слишком велика? Очевидно, что остановить развитие науки невозможно, но тогда необходимо ее подчинение таким ценностям, которые способны обеспечить выживание человечества, направить развитие науки в максимально безопасное для людей русло.

По-видимому, реальной эта перспектива станет лишь тогда, когда само человечество в лице его наиболее видных представителей из числа ученых и политиков осознает необходимость всечеловеческого объединения на основе единых ценностей перед нарастающими глобальными вызовами – экологическим, сырьевым, энергетическим, демографическим и др. Такое объединение не означает унификацию (в особенности на западный манер), а должно поддерживать и сохранять культурное многообразие как источник новаций во всех сферах социальной жизни. Но вместе с тем это многообразие должно фундаментализироваться единой системой ценностей. По нашему убеждению, в основе такой системы должны лежать именно те приоритеты, которые сегодня получили название традиционных духовно-нравственных ценностей. Этот вывод вполне соответствует взглядам Фейерабенда, который полагал, что за видимым культурным разнообразием лежит «единая человеческая природа» [3, с. 261], следовательно, должны быть и единые общечеловеческие ценности, причем Запад вовсе не обладает правом решать, что они из себя представляют.

Список источников

1. Фейерабэнд П. Избранные труды по методологии науки : переводы с англ. и нем. / общ. ред. и авт. вступ. ст. И. С. Нарский. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
2. Кузнецова Н. И. Неопознанный Фейерабэнд // Эпистемология и философия науки. 2005. № 1. С. 210–216.
3. Фейерабэнд П.К. Убийство времени : автобиография / пер. с англ. В. Зацепина. М.: Rosebud Publishing, 2020. 368 с.
4. Фейерабэнд П. Прощай, разум / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ: Астрель, 2010. 477 с.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 10.02.2023).

5. The most enemy of science? Essays in Memory of Paul Feyerabend. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 2000. 189 p. URL: <https://archive.org/details/worstenemyofscie00john/page/3/mode/2up> (дата обращения: 10.01.2024).
6. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ, 2009. 378 с.
7. Сазеева И.Б. Проблема границ рационального в познании (опыт сравнительного анализа произведений Льва Шестова и Пола Фейерабенда) // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее : материалы III Междунар. науч. конф. Псков: Логос, 2020. С. 62–75.
8. Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М.: Прогресс-Гнозис, 1992. 304 с.
9. Михалевская А.С. Наука и миф в концепциях Пола Фейерабенда и А. Ф. Лосева // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 2 (22). С. 92–94.
10. Кравченко А.М. Эпистемологический анархизм П. Фейерабенда в контексте политического анархизма П. Кропоткина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (31). С. 140–146.
11. Киричек А.В. Русская философская мысль XI – начала XX века : учеб. пособие. М.: Академия ГПС МЧС России, 2010. 220 с.
12. Севальников А.Ю. Современное физическое познание: в поисках новой онтологии. М.: ИФ РАН, 2003. 144 с.
13. Леонтьев К.Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 728 с.
14. Липский В.Н. Идеи евразийцев о взаимодействии национальных культур (на материале творчества Н. Трубецкого) // Культура и безопасность. 2023. № 4. С. 5–13. DOI: 10.25257/KB.2023.4.5-13.
15. Ходикова Н.А., Киричек А.В. Философские основания науки: проблемы и перспективы изучения (значение осмысления философских оснований для прогресса науки) // Культура и безопасность. 2021. № 2. С. 5–11. DOI: 10.25257/KB.2021.2.5-11.
16. Натараджан П. Карта Вселенной. Главные идеи, которые объясняют устройство космоса. М: Альпина нон-фикшн, 2019. 318 с.
17. Сухотин А.К. Парадоксы науки. М.: Молодая гвардия, 1978. 240 с.
18. Елагина Г.В. О моральном статусе подвига: к постановке проблемы // Культура и безопасность. 2023. № 3. С. 18–27. DOI: 10.25257/KB.2023.3.18-27.

References

1. Feyerabend P. *Selected works on the methodology of science*. Moscow: Progress Publ.; 1986. 542 p. (In Russ.).
2. Kuznetsova N.I. Unidentified Feyerabend. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology and Philosophy of Science*. 2005;(1):210-216. (In Russ.).
3. Feyerabend P.K. *Killing time: autobiography*. Moscow: Rosebud Publishing; 2020. 368 p. (In Russ.).
4. Feyerabend P. *Goodbye, mind*. Moscow: AST: Astrel' Publ.; 2010. 477 p. (In Russ.).
5. *The most enemy of science? Essays in Memory of Paul Feyerabend*. New York; Oxford: Oxford University Press; 2000. 189 p. Available from: <https://archive.org/details/worstenemyofscie00john/page/3/mode/2up> [Accessed 10th January 2024].
6. Feyerabend P. *Science in a free society*. Moscow: AST Publ.; 2009. 378 p. (In Russ.).
7. Sazeeva I.B. The problem of the boundaries of rational cognition (the experience of comparative analysis of the works of Lev Shestov and Paul Feyerabend). *Cultural landscape of the borderland: past, present, future: Collection of materials of the III International Scientific Conference*. Pskov: Logos Publ., 2020:62-75. (In Russ.).
8. Shestov L. *Kierkegaard and existential philosophy (The voice of one crying in the desert)*. Moscow: Progress-Gnoziz Publ.; 1992. 304 p. (In Russ.).
9. Mikhalevskaya A.S. Science and myth in the concepts of Paul Feyerabend and A.F. Losev. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki = Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences*. 2011;(2):92-94. (In Russ.).

10. Kravchenko A.M. P. Feyerabend Epistemological Anarchism in the context of P. Kropotkin political Anarchism. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke = Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East*. 2015;(1):140-146. (In Russ.).
11. Kirichek A.V. *Russian philosophical thought of the 11th - early 20th century: textbook*. Moscow: Academy of SFS of the MES of Russia Press; 2010. 220 p. (In Russ.).
12. Seval'nikov A.Yu. *Modern physical cognition: in search of a new ontology*. Moscow: IF RAN Publ.; 2003. 144 p. (In Russ.).
13. Leont'ev K.N. *Selected works*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2010. 728 p. (In Russ.).
14. Lipsky V.N. The ideas of Eurasians about the interaction of national cultures (based on the material of N. Trubetskoy creativity). *Kul'tura i bezopasnost' = Culture and Safety*. 2023;(4):5-13. DOI: 10.25257/KB.2023.4.5-13. (In Russ.).
15. Khodikova N.A., Kirichek A.V. Philosophical foundations of science: problems and prospects of study (the importance of understanding of the philosophical foundations for the progress of science). *Kul'tura i bezopasnost' = Culture and Safety*. 2021;(2):5-11. DOI: 10.25257/KB.2021.2.5-11. (In Russ.).
16. Nataradzhyan P. *A map of the universe. The main ideas that explain the structure of the cosmos*. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.; 2019. 318 p. (In Russ.).
17. Sukhotin A.K. *The paradoxes of science*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.; 1978. 240 p. (In Russ.).
18. Elagina G.V. On the moral status of the feat: towards the formulation of the problem. *Kul'tura i bezopasnost' = Culture and Safety*. 2023;(3):18-27. DOI: 10.25257/KB.2023.3.18-27. (In Russ.).

Информация об авторах

A.B. Киричек – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии.

N.A. Ходикова – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии.

Information about the authors

A.V. Kirichek – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Professor of Philosophy Department.

N.A. Khodikova – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of Philosophy Department.

Статья поступила в редакцию 05.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 29.05.2024.
The article was submitted 05.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 29.05.2024.

Научная статья
УДК 101.1
doi: 10.18522/2687-0770-2024-2-13-18

СЕПАРАТИЗМ В ПОЛИТИКЕ И РЕЛИГИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Евгений Сергеевич Пантузенко
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
www.evgenii19@gmail.com

Аннотация. Анализируются научные позиции относительно природы политического и религиозного сепаратизма. Выявляются общие причины возникновения сепаратистских течений в религиозной и политической среде. Сепаратизм рассматривается не только с точки зрения свойственных для этого понятия в медийной среде негативных коннотаций, но и как конструктивное явление – прямое следствие активного развития общественных отношений. Следует признать, что сепаратизм – это сложное многоступенчатое явление в религии и политике, он может оказывать влияние как конструктивное, так и разрушительное, приводить к развитию внутренней вражды и социальным потрясениям. Из-за тесного взаимодействия религии и политики политический и религиозный сепаратизм имеют много общего. В результате это приводит к появлению специфического вида сепаратизма – религиозно-политического.

Ключевые слова: религиозный сепаратизм, политический сепаратизм, природа сепаратизма, причины сепаратизма

Для цитирования: Пантузенко Е.С. Сепаратизм в политике и религии: сравнительный анализ // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 2. С. 13–18.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

SEPARATISM IN POLITICS AND RELIGION: A COMPARATIVE ANALYSIS

Evgeny S. Pantuzenko
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
www.evgenii19@gmail.com

Abstract. Scientific positions regarding the nature of political and religious separatism are analyzed. The general reasons for the emergence of separatist movements in the religious and political environment are identified. Separatism is considered not only from the point of view of the negative connotations inherent in this concept in the media environment, but also as a constructive phenomenon - a direct consequence of the active development of social relations. It must be recognized that separatism is a complex, multi-layered phenomenon in religion and politics, and can have both constructive and destructive effects, leading to internal strife and social upheaval. Because of the close interaction between religion and politics, political and religious separatism have much in common. As a result, a specific kind of separatism - religious and political - is emerging.

Keywords: religious separatism, political separatism, nature of separatism, causes of separatism

For citation: Pantuzenko E.S. Separatism in Politics and Religion: a Comparative Analysis. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(2):13-18. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что современные средства массовой информации и медийный дискурс в целом сформировали для понятия «сепаратизм» исключительно негативный контекст употребления. Слово «сепаратизм» чаще всего соседствует со

словом «борьба». Так, словосочетание «борьба с сепаратизмом» – самое распространенное выражение в наше время [1]. Оно находится в первой десятке употребляемых, и в этой десятке нет ни одного слова (за исключением предлогов), которое имело бы в русском языке устойчивую позитивную коннотацию, а словосочетания «героический сепаратизм» просто не существует.

Между тем если рассматривать природу сепаратизма в ее каноническом восприятии, как процесс отделения внутри некоего широкого течения другого, претендующего на собственную самостоятельность, то это далеко не всегда негативное явление. Цель настоящей публикации заключается в анализе содержания понятия сепаратизма, его природы и причин возникновения.

В современной философии и политологии существует довольно много определений понятия «сепаратизм». Наиболее четко оно сформулировано А. Поляковым и трактуется как «стремление к обособлению или отделению небольшого объединения людей от большего, в рамках которого они ранее существовали» [2, с. 24]. На наш взгляд, такое определение – наиболее точное, потому что оно не дает сепаратизму какой-либо оценочности, а значит, позволяет рассматривать его и как позитивное, и как негативное явление.

Само понятие сепаратизма появилось в XVI в., когда от Англиканской церкви решили отделиться общины пуритан. Их называли индепендентами, или сепаратистами, от латинского слова *separatus* – «отдельный». Со временем это понятие стало в большей степени относиться к политическим процессам, в первую очередь связанным с распадом империй и неокOLONиальным периодом, когда бывшие метрополии не могли справиться с центробежными тенденциями в своих провинциях и из-за этого теряли над ними контроль. В религиозной среде понятие сепаратизма также прижилось и распространилось далеко за пределы христианства. Со временем так стали называть любое отделение от канонической церкви.

Современный политический сепаратизм во многом базируется на идеях, которые были выдвинуты еще во времена Великой Французской революции: «Одна нация – одно государство». Со временем эти идеи немного трансформировались и нашли свое закрепление в одной из главных доктрин современного международного права, которая известна как «право наций на самоопределение». И. Бочарников пишет: «Сепаратное движение должно существовать в каждой стране, но только до тех пор, пока оно не переходит к экстремизму. Сепаратизм не обязательно должен ставить своей целью развал государства, но он должен держать власть в тонусе, всегда демонстрировать ей, что есть альтернативная идея и альтернативная мысль. Только тогда правящие круги будут стремиться постоянно доказывать, что они все еще правы» [3, с. 14].

Но сепаратизм бывает не только политическим или религиозным. Сегодня в понятие о нем исследователями вкладывается гораздо больше смысла. Сегодня он может быть и общественным, и идейным, и корпоративным. В глобальном ключе сепаратизм — это любое проявление отклонения меньшей части коллектива от большей. Сепаратизм может проявляться в политике, экономике, бизнесе, религии и т.д. Однако всегда существует несколько условий, в связи с которыми он появляется.

Во-первых, развитие идеи (в некоторых источниках это называется кризисом идеи). Суть заключается в том, что некая политическая или религиозная идея больше не отвечает требованиям времени. Типичный пример из религии можно увидеть в античности: когда пантеон переставал соответствовать представлениям людей об окружающем мире, он быстро распадался и в конечном счёте прекращал свое существование. Именно так случилось с римским язычеством, которое оказалось неконкурентоспособным относительно христианства и довольно быстро уступило ему место господствующей идеологии. В политике кризис иллюстрируется примером перестройки М. Горбачева. Как только люди поняли, что эта идея не приносит существенного социально-экономического результата, внутри политической партии (в данном случае КПСС) начались сепаратистские настроения и стали появляться оппозиционные фракции [4].

Во-вторых, новое лидерство. Это связано с появлением яркого, идейного, часто харизматичного лидера (группы лидеров) внутри политической или религиозной среды. Он обладает определенными ресурсами, позволяющими ему адекватно противопоставить себя формальному лидеру и организовать собственное религиозное или политическое отклонение разной степени успешности.

Типичным примером из политической истории может служить недавняя (2014 г.) попытка Шотландии провести референдум по отделению от Великобритании. Благодаря тому, что на тот

момент у власти оказался настроенный к независимости Шотландии политик по фамилии Салдон, идея получила достаточно широкую популярность и в итоге инициатива была доведена до референдума. Однако противодействие Великобритании и недостаточная убедительность Салдона и его сторонников в итоге позволила противникам отделения набрать большинство голосов на референдуме и отделение не состоялось.

Аналогичным примером нового лидерства в религиозном сепаратизме может служить так называемая «Великая схизма» – конфликт из античной истории, когда Константинополь не пожелал даже формального подчинения Риму, он, обладая достаточными ресурсами и полномочиями, реализовал идею независимой церкви, и таким образом появились католическая и православная церкви.

В-третьих, сравнительное превосходство. Некое сообщество продолжительное время наблюдает привлекательность альтернативной идеи, затем оно предлагает следовать ей. Типичным примером сепаратизма в политике, возникающим из-за сравнительного превосходства, может служить ситуация в бывших советских социалистических республиках и странах Варшавского договора, когда, наблюдая экономическую состоятельность капиталистических государств, внутри этих стран возникали партии и объединения, которые приводили к тому, чтобы отказаться от социалистического лагеря и начать капиталистические реформы.

М. Егорова считает: «Никакая капиталистическая пропаганда не могла нанести больший урон социалистическому лагерю, чем постоянное лицемерие материального и бытового превосходства среднего класса в Западной Европе над средним классом в Восточной Европе» [5, с. 10]. В религии аналогичным примером является деятельность радикальных исламских проповедников, которые вместо сложного и долгого служения по принципу классического мусульманского канона предлагают получить вечное пребывание в райских куцах в обмен на совершение какого-то радикального действия, которое соответствовало бы исламскому канону в представлении этих проповедников.

В-четвёртых, упадок. Если какая-то политическая или религиозная система находится в кризисе, то неизбежно появляются группы людей, которые начинают стремиться к выходу из этой системы. И чем глубже фиксированный кризис, тем более выраженными становятся стремления к выходу [6]. Проявления этого условия можно встретить в античности. Когда Римская империя находилась в расцвете своих сил, проявления сепаратизма подавлялись в зародыше, еще на уровне агитации. Когда империя стала слабеть и терять авторитет, сепаратизм стал проявляться на уровне восстаний и вооруженных конфликтов, а после этого и на уровне объявления независимости от римлян [2].

Отметим, что эти условия могут иметь место в каждом конкретном случае как комплексно, так и по отдельности. Кроме того, сепаратизм не является статическим понятием, это всегда движение с направленным вектором, в котором отделение меньшего от большего – не самоцель. Само стремление к независимости и самостоятельности означает наличие какого-то конфликта или противоречия в политической или религиозной системе.

Сепаратизм в религии может проявляться в следующих формах:

– скрытое декларирование – появление внутри системы групп, которые склонны отделиться от нее, но скрывающие свое намерение в силу того, что за него может наступить преследование в том или ином виде, а также из опасения, что оно не получит поддержки. Типичным примером являются сепаратистские организации разной степени легальности, вроде объединения «Свободная Каталония» (политический сепаратизм) или «Братья мусульмане» (религиозный сепаратизм);

– открытое декларирование – появление внутри религиозной или политической организации группы людей, которые открыто заявляют о своем желании отделиться от общей системы. Как правило, в таких призывах содержатся претензии на лидерство, а также критика общей системы за ее несоответствие изначальным идеям [7]. Именно таким образом в XVI в. в Германии возникло движение Реформации, результатом которого стало новое направление в христианстве; или распад Югославии на независимые государства в рамках трагических событий конца XX в.;

– институциональное действие – многие религиозные и политические системы подразумевают такое устройство, при котором части, входящие в целое, могут быть выведены из него на основании какого-либо институционального шага. Например, в устройстве Соединенных Штатов Аме-

рики есть механизмы, которые потенциально позволяют штатам выходить из их состава и объявлять о своей независимости. Несмотря на практическую трудность реализации этих механизмов, несколько лет назад штат Техас попытался предпринять такую попытку на уровне отдельных политиков-популистов [8]. Недавний пример институционального действия в религии – выход большей части православных приходов Украины из-под юрисдикции Московского патриархата и образование Православной церкви Украины (ПЦУ), оказавшееся успешным благодаря поддержке вселенского патриарха;

– открытый конфликт. Он может выражаться в саботаже внутренних правил или установок, организации терактов или вооруженных восстаний, если речь идет о борьбе за государственную независимость. При этом важно отметить, что проявление сепаратизма, до тех пор пока он сохраняется в конструктивных формах, – не обязательно носит отрицательный характер. Сепаратизм может быть полезным освежением системы, находящейся в стагнации [9]. Так, если бы в КПСС брежневских времен нашлись достаточно самостоятельные и влиятельные сепаратистские лидеры, которые захотели бы отделиться от генерального курса партии и предложили бы альтернативную систему управления политикой и экономикой, это дало бы шанс и возможность Советскому государству своевременно перестроиться под требования времени и потенциально избежать той турбулентности, в которой государство оказалось в 90-е гг. Впрочем, политическую активность Б.Н. Ельцина в начале 90-х гг. можно рассматривать как сепаратистскую в отношении политики ЦК КПСС.

Примером позитивного влияния сепаратизма на общество, который внес реальные положительные изменения в общественное устройство, может служить освобождение от колониальной зависимости многих территорий. США и Австралия, Индия и Китай, Канада и Латинская Америка – практически все они, после того как отделились от метрополий и получили независимость, стали значительно более продвинутыми с экономической точки зрения, поскольку теперь их экономика работала только на собственные потребности.

В религии позитивный пример проявления сепаратизма – победа джадидистов над кадимистами в татарских слободах Российской империи. Религиозные принципы кадимизма тормозили экономическое развитие татарских поселений, в то время как открытые к сотрудничеству и торговле джадидисты двигали вперед как политику, так и экономику.

Религиозный сепаратизм служит определенным ограничителем, не позволяя религиозным руководителям впасть в волюнтаризм и злоупотребление своими властными полномочиями. Типичный пример: наличие сепаратистской фракции в зарубежных церквах Московского патриархата уравнивает диалог по административным церковным делам. Осознавая, что их интересы будут учитываться и у них есть позиции для контраргументации в диалоге, взаимодействие церквей, находящихся под разной государственной юрисдикцией, становится более сбалансированным и обоюдовыгодным.

Отдельно отметим феномен религиозно-политического сепаратизма. Это явление, в котором два вида сепаратизма – политический и религиозный – вступают во взаимозависимость. Здесь целесообразно опереться на высказывание исследователя А. Каппелера, который писал: «Религиозно-политический сепаратизм – особое явление, в рамках которого реализуется доктрина “ничего общего”. Идеологи религиозно-политического сепаратизма отделяются не от какой-то конкретной религиозной или политической идеи, а от своего врага. “У нас с нашим врагом разная вера, а значит у нас не может быть одинаковых политических убеждений” или наоборот: “Эту веру исповедуют наши враги, а значит, мы не будем ей следовать”» [10].

В этом смысле религиозно-политический сепаратизм часто сопровождается нарративом «свой – чужой». Наглядно продемонстрировать его можно на примере обновленческого раскола в Русской православной церкви. После того как большевистское правительство разрушило все политические институты власти, имевшие место в Российской империи, оно закономерно перешло к атаке и на религиозные институты, чтобы провести полное отделение нового Советского государства от старого монархического.

Однако поскольку полностью уничтожить такой исторически значимый институт, как религия, было невозможно, советское правительство приняло решение учредить альтернативную церковь, которая вошла в историю как «обновленческая», а после путем различных административ-

ных и пропагандистских методов стала призывать паству и священство к переходу в стан сепаратистов. Обновленчество напрямую курировалось соответствующим блоком светских властей, что еще раз подтверждает политический характер этого сепаратистского движения [11]. Характерно, что как только в политических кругах к этому движению утратили интерес, то и религиозный сепаратизм обновленцев быстро сошел на нет.

При этом бывают и обратные примеры, когда политика выступает инструментом по отношению к религии, в частности там, где происходили исламские революции: Иран, Афганистан, Сомали и т.д. В этих государствах лидеры создавали или пытались создать новые системы, основанные на собственном понимании ислама, в котором политическое устройство должно было полностью подчиняться законам шариата. Соответственно, они строили новую систему политико-религиозных отношений, в которых Коран с разной степенью полноты подменял большинство руководящих документов. В результате, в случае успехов таких религиозно-политических сепаратистов, в странах формировались новые формы государственности, в которых шариат и исламская догматика становились доминантами общественной, политической и религиозной жизни.

Таким образом, следует сделать вывод, что сепаратизм — это сложное многоступенчатое явление в религии и политике, которое несет в себе как конструктивное влияние на общество, так и разрушительное, приводящее к развитию внутренней вражды и социальным потрясениям. Стоит также отметить, что политический и религиозный сепаратизм имеют много общего, что связано с тесным взаимодействием религии и политики, поэтому можно вести речь о существовании специфической формы сепаратизма – религиозно-политического. В силу своей специфики эта форма сепаратизма требует сущностного анализа с позиции социальной философии.

Список источников

1. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 11.02.2024).
2. Поляков А.Е. Сепаратизм как форма политико-правовой девиации: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. 24 с.
3. Бочарников И.В. Противодействие сепаратизму: теоретико-политологический анализ : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2018. 45 с.
4. Сосенков Ф.С., Коломейченко Е.А. О деструктивном воздействии сепаратизма на государственность // История государства и права. 2023. № 22. С. 21–23.
5. Егорова М.А. Концептуальные подходы к этническим конфликтам в Западной Европе // Политика и общество. 2019. № 7. С. 10–19.
6. Шульц В.Л., Идрисов Р.Ф., Терехова Н.Н. Угрозы этносепаратизма и религиозного экстремизма в Приволжском федеральном округе // Национальная безопасность / Nota Bene. 2010. № 7. С. 20–24.
7. Кокшаров А. Сепаратизм отложен на потом // Эксперт. 2014. № 40. С. 52–55.
8. Выговский И.И. Апологеты колониализма (критика буржуазных концепций распада колониальной системы империализма). Киев: Наукова думка, 1974. 98 с.
9. Абдуллин А.И., Давлетгильдеев Р.Ш., Асатуллин И.Р. Трехсторонний исследовательский семинар по вопросам регионализма и международного права в Казанском университете // Московский журн. междунар. права. 2014. № 4. С. 189–196.
10. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С. Червонной. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.
11. Булинопова Е.В. «Двойные стандарты» в международной политике: от мифологии к технологии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 7-1. С. 196–199.

References

1. *National corpus of the Russian language*. Available from: <https://ruscorpora.ru/> [Accessed 11th February 2024]. (In Russ.).
2. Polyakov A.E. *Separatism as a form of political and legal deviation: theoretical and legal aspect*. Dissertation Thesis. St. Petersburg, 2023. 24 p. (In Russ.).

3. Bocharnikov I.V. *Counteraction to separatism: theoretical and political analysis*. Dissertation Thesis. Moscow, 2018. 45 p. (In Russ.).
4. Sosonkov F.S., Kolomeychenko E.A. On the destructive impact of separatism on the statehood. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*. 2023;(22):21-23. (In Russ.).
5. Egorova M.A. Conceptual approaches to ethnic conflicts in Western Europe. *Politika i obshchestvo = Politics and Society*. 2019;(7):10-19. (In Russ.).
6. Shultz V. L., Idrisov R. F., Terekhova N. N. Threats of ethno-separatism and religious extremism in the Volga Federal District. *Natsional'naya bezopasnost' / Nota Bene = Nota Bene*. 2010;(7):20-24. (In Russ.).
7. Koksharov A. Separatism is postponed for later. *Ekspert = Expert*. 2014;(40):52-55. (In Russ.).
8. Vygovsky I.I. *Apologists of colonialism (criticism of bourgeois concepts of the collapse of the colonial system of imperialism)*. Kiev: Naukova dumka Publ.; 1974. 98 p. (In Russ.).
9. Abdullin A.I., Davletgildeev R.Sh., Asatullin I.R. Trilateral research seminar on regionalism and international law at Kazan University. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*. 2014;(4):189-196. (In Russ.).
10. Kappeler A. *Russia - a multinational empire: Emergence. History. Collapse*. Transl. from German by S. Chervonnaya. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2000. 342 p. (In Russ.).
11. Bulipopova E.V. "Double standards" in international politics: from mythology to technology. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*. 2019;(7-1):196-199. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.С. Пантузенко – аспирант кафедры социальной философии, Институт философии и социально-политических наук.

Information about the author

E.S. Pantuzenko – Postgraduate Student of the Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy and Socio-political Sciences.

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 17.02.2024; принята к публикации 29.05.2024.
The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 17.02.2024; accepted for publication 29.05.2024.

Научная статья

УДК 008: 39

doi: 10.18522/2687-0770-2024-2-19-26

К ВОПРОСУ О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ИЗУЧЕНИИ ТРАДИЦИОННОГО ЧЕРКЕССКОГО ПРАЗДНЕСТВА СОЗЕРЕШ

Мурат Анатоьевич Хоконов^{1✉}, Роман Петрович Лиссев²

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ mhokonov@gmail.com ✉

² romalis@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с междисциплинарным исследованием традиционного черкесского зимнего праздника Созереш. Приводятся основные историографические версии и сведения, в которых описываются сюжетно-композиционные особенности обряда. Уделяется внимание его мировоззренческим составляющим, где через определенные последовательности традиционных действий и посредством системы ряда культурных символов транслируются традиционные представления о мироустройстве, его закономерностях, циклах. Поднимается вопрос о необходимости дальнейшего культурологического и специального этнографического анализа функциональных аспектов праздника. Впервые предлагается философско-культурологическое осмысление праздника Созереш, его видение как одного из важнейших компонентов специфической социокультурной самоорганизации традиционного черкесского социума. Обосновывается авторское видение сущности основного артефакта обряда – «фетиша Созереша» как символа плодородия и упорядоченности мира, показывается факт постепенной реактуализации архаической праздничной культуры. Определяется, что мифопоэтический образ Созереша неразрывно связан с характерным для архаического мировосприятия циклическим паттерном.

Ключевые слова: время, возрождение, история, космос, культура, миф, образ, обряд, общество, праздник, ритуал, символ, фетиш

Для цитирования: Хоконов М.А., Лиссев Р.П. К вопросу о междисциплинарном изучении традиционного черкесского праздника Созереш // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 2. С. 19–26.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ON THE ISSUE OF INTERDISCIPLINARY STUDY OF THE TRADITIONAL CIRCASSIAN FESTIVAL OF SOZERESH

Murat A. Khokonov^{1✉}, Roman P. Lissev²

¹ Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russia

² Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹ mhokonov@gmail.com ✉

² romalis@mail.ru

Abstract. The article discusses issues related to the interdisciplinary study of the traditional Circassian winter holiday Sozeresh. The main historiographical versions and information are given, which describe the plot and compositional features of the rite. Attention is paid to its ideological components, where traditional ideas about the world order, its patterns, and cycles are transmitted through certain sequences of traditional actions and through a system of a number of cultural symbols. The question is raised about the need for fur-

ther cultural and special ethnographic analysis of the functional aspects of the festival. For the first time, a philosophical and cultural understanding of the Sozeresh holiday is proposed, its vision as one of the most important components of the specific socio-cultural self-organization of traditional Circassian society. The author's vision of the essence of the main artifact of the ritual - the "fetish of Sozeresh" as a symbol of fertility and orderliness of the world is substantiated, and the fact of the gradual re-actualization of the archaic festive culture is shown. It is determined that the mytho-epic image of Sozeresh is inextricably linked with the cyclical pattern characteristic of the archaic worldview.

Keywords: time, revival, history, space, culture, myth, image, ritual, society, holiday, ritual, symbol, fetish

For citation: Khokonov M.A., Lissev R.P. On the Issue of Interdisciplinary Study of the Traditional Circassian Festival of Sozeresh. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(2):19-26. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Основным объектом нашего исследования выступает традиционный праздник черкесов Созереш, в котором заключаются, на наш взгляд, очень эффективные средства самоорганизации общества и социализации молодежи, механизмы трансляции и закрепления нравственных, эстетических, философских воззрений народа. Наш анализ нацелен в первую очередь на выявление мировоззренческого содержания и символической структуры обрядово-ритуальных действий праздника.

Общеизвестно, что празднества и обряды выступают неотъемлемыми компонентами оригинального художественно-эстетического сознания народа, способами концентрации и воспроизведения культурных символов, обеспечивающими межпоколенную трансмиссию, непрерывную социализацию подрастающего поколения. Поэтому междисциплинарное изучение, реконструкция обрядовых форм традиционных культур Северо-Кавказского региона, на наш взгляд, представляется актуальным, важным для выявления степени вовлеченности в этнокультурные процессы разных групп населения, определения специфических способов культурно-исторического обмена, обобщения исторического опыта взаимодействия различных социокультурных образований, прогнозирования этнокультурных процессов в будущем. Не менее актуальной является задача сохранения и возрождения компонентов устного народного творчества народов РФ, а точнее – определение статуса фольклора, который сегодня в международных документах отождествляется с народной культурой и позиционируется как важнейший компонент нематериального культурного наследия человечества.

Одним из таких малоизученных компонентов черкесской культуры можно назвать праздник, связанный с наступлением нового космического цикла, знаменующего начало нового тотального цикла космической и общественной жизни, творчества, хозяйствования, и получивший этнокультурную номинацию Созереш (на восточночеркеском – Созэрэш, в западночеркесских диалектах – Шьыузэрэхь). Этот главный зимний праздник черкесов был связан с одноименным Тхьэ, покровителем самых разных стихий Созерешем.

Созереш в основном зимнем празднике черкесов – это покровитель хлебопашцев, семейного очага, изобилия и благополучия, плодородия. Празднование ночи Созереш приходится в ночь с 21 на 22 декабря, что навлекает на мысль о его приуроченности к важному астрономическому явлению – дню зимнего солнцестояния, который восточные черкесы традиционно называли дыгъэгъазэ, а западные – тыгъэгъаз (что буквально можно перевести как «поворот Солнца, солнцеворот»). В черкесском народном календаре не только день, но и весь месяц обозначен именно этим термином – дыгъэгъазэ, закрепляющим, по всей видимости, и опыт житейских эмпирических знаний о взаимосвязи космических циклов и основных форм народного хозяйствования.

День зимнего солнцестояния – это универсальный праздник символического возрождения, который отмечался во многих архаических культурах. С незапамятных исторических времен такие календарные праздники были неотъемлемым компонентом духовной культуры человечества. Ритуалы зимнего солнцестояния прежде всего были ориентированы на практику очище-

ния от всего старого, а также от всего, что уже не нужно, другими словами, магическое освобождение от пережитков прошлого.

Так, например, в древнеримской культуре важное место занимал праздник Сатурналии, знаменующий цикл завершения земледельческих работ. Сатурналии были учреждены в V столетии до н.э. и проводились как пышные празднества в честь царя царей Сатурна – божества до-римского периода, покровителя аграриев и бога плодородия. Отмечали Сатурналии во второй половине декабря, начиная с 17-го числа. Церемониал и обрядовые игры могли продолжаться вплоть до 24 декабря, включая и день зимнего солнцестояния. Длелись торжества в разные времена до семи дней.

В таких праздниках, как можно предположить, коллективное сознание на короткое время вырывалось из непрерывного порочного круга профанного времени, где за пределы обыденного сознания вытеснялись такие основополагающие идеи культуры, как сущность времени, вечность, смысл творчества. В экзистенциальном аспекте понимания подобный торжественный коллективный опыт давал обществу жизнерадостную оптику относительно духовных или же материальных, хозяйственных перспектив будущего, порождая определенную уверенность в возможности успешного повторения времени.

Подобный праздник можно найти и в Древней Персии, и в некоторых регионах современного Ирана, где еще сильны древние религиозно-магические традиции в культуре повседневности. 21 декабря иранцы символически встречают триумф Митры, бога Солнца, над мировым злом. Согласно подробному описанию М. Элиаде, в этот день Митра поражает тьму, что означает победу добра над злом [1, с. 271–272].

Такие специфические праздники можно рассматривать как некие лиминальные фазы между прошлым годом и наступающим в качестве торжественного возвращения к некой изначальной космогонической точке, к мифологическому времени начала бытия. Весьма точно эту важную сторону традиционного понимания темпоральности показал М. Элиаде: «Время начала реальности, т. е. время первого появления, имеет значимость и функцию примера, поэтому человек стремится периодически восстановить его в настоящем с помощью обрядов. Периодическое воспроизведение в настоящем созидательных действий, совершенных божествами *in illo tempore*, и составляет священный календарь-свод праздников. Любой праздник всегда разворачивается в начальном времени» [2, с. 57].

Действительно, и праздник Созереш был основан на ежегодной повторяемости явлений природы, соответствовавших круговороту солнца. В чем же состояла суть основной сюжетной модели Созереш? С целью выяснения основных характеристик, функции и ролей участников праздника, выделения его основных символов и определения культурной значимости обратимся к историографии проблемы. Необходимо отметить, что не представляется возможным точно установить историческое первенство в упоминании и первичной этнографической дескрипции изучаемого феномена. Тем не менее в ходе историографического рассмотрения были выявлены два важных факта.

Во-первых, самые ранние исторические упоминания о празднике относятся к XIX в., и краткое описание обрядности праздника можно найти в этнографических записках русского ученого Люлье и французского путешественника Ф. Д. де Монперэ. Во-вторых, практически во всех этнографических свидетельствах, исторических описаниях праздника отмечаются единство и некоторые различия в фиксации сюжетно-композиционной последовательности обрядных действий, существенные различия в деталях, оценках, толкованиях их смысловых сторон. Поэтому здесь приведем общий научный нарратив праздника, в ходе анализа которого будет определена и его целостная модель.

Так, Ф. Д. де Монперэ, отмечая важность этого праздника в культуре черкесов, писал: «Сеосерес (адыгейское *souzeref* – пророк, посредник между богом и людьми) – большой любитель путешествий, и ему подчиняются ветры и воды; его особенно почитают шапсуги и натухаджи. Его образ – молодое грушевое дерево, срубленное в лесу, которое несут, обрубив ветки и оставив только суки, к себе домой для того, чтобы поклоняться ему как божеству – покровителю стад» [3, с. 55].

В этнографических заметках французского ученого прослеживается явный анахронизм, когда он говорит о некоей пророческой функции Созереша, ошибочно выделяя не общекультурную, а культово-религиозную значимость. Черкесы не приписывали Созерешу никаких пророческих, тем более мессианско-проповеднических качеств, так как он был чистым порождением мифопоэтического мышления, а не исторически существовавшим персонажем, сгенерировавшим определенные религиозные идеи и транслировавшим их различным сообществам.

Ф. Д. де Монперэ наделяет Созереша еще и статусом медиатора между профанным и сакральным миром, с чем можно уже согласиться исходя из таких соображений, что данный сакральный субъект в посвященных ему обрядовых действиях действительно обнаруживает посреднические функции. О них писал в свое время К. Леви-Стросс. Ученый утверждал, что снятие противоречий в традиционном мировосприятии происходит с помощью введения в бинарные оппозиции («жизнь и смерть», «свое и чужое», «сырое и приготовленное») третьего.

Третье звено в бинарной оппозиции может выступать мифологическим субъектом или символической единицей и обозначаться французским ученым как медиатор. Посредник уменьшает конфликт и застой между противоположностями, позволяет сократить контраст отношений между ключевыми структурами мифологической картины мира. В качестве фундаментальной для мифа, а затем и в религии и философских дискурсах выступает, безусловно, «жизнь/смерть» [4, с. 321]. Мы полагаем, что образ Созереша в обрядовых действиях в день зимнего солнцестояния выполняет именно роль медиатора, связывающего воедино модусы социального и космического времени.

Продолжая наши рефлексии о природе праздника Созереш, перейдем теперь к самой лаконичной из всех этнографических описаний версии академика Л.Я. Люлье: «Созерис считается божеством – покровителем хлебопашцев. Пришествия его горцы ожидают и празднуют его ежегодно в декабре, в одно время с нашим праздником Рождества Христова. К этому времени вносятся в дом сук о семи ветвях известного дерева, называемого гамшхут (к ветвям прикрепляются свечи из желтого воска, пирожки и кусочки сыра)» [5].

Можно предположить, что сложно переводимое с черкесского языка слово «гамшхут», которым автор обозначает какую-то породу дерева, это не что иное, как «хьэмкӀут1, хьэмкӀут1ей». Это номинация боярышника в традиционных дендрологических представлениях черкесов, наиболее почитаемое в сакральной культуре народа дерево, которому приписывались особые магические, целебные свойства.

Другой автор, Э. Спенсер, дает общую картину проведения праздника таким образом: «Самым могущественным среди этих святых является Сеозерес, у которого находятся в подчинении ветры и воды. Его почитают с особым почтением те, кто живет недалеко от берега моря; и также пастухи, так как Сеозерес – защитник стад мелкого и крупного скота. Его праздник отмечают жители каждой деревни или хутора в начале весны, когда его символ, высохшее грушевое дерево, украшают гирляндами цветов и различными другими украшениями, как майское дерево» [6].

Э. Спенсер приводит совершенно другое время проведения праздника – первую декаду весны, начало марта. Можно предположить, что в некоторых субэтнических сообществах праздник Созереш отмечали как цикл с разделением на интервалы в три месяца, что астрономически совпадает с главными солнечными событиями года (22 декабря – день зимнего солнцестояния, 22 марта – день весеннего равноденствия, 22 июня – день летнего солнцестояния, 22 сентября – день осеннего равноденствия).

Необходимо отметить, что подобное предположение пока еще невозможно подтвердить какими-то точными эмпирическими материалами, поэтому причины отнесения Э. Спенсером праздника Созереш к первому весеннему месяцу еще остаются неясными и представляют тему для дальнейших исследований.

Французский дипломат, археолог Тэбу де Мариньи, побывавший в Черкесии в XIX в. и составивший систематическое описание ее культуры, так презентует содержание праздника: «...Ствол сухого грушевого дерева, на котором остаются только обрубки сучьев, олицетворяет его; в каждой семье есть этот ствол, который держат во дворе дома; никто не дотрагивается до него, кроме дня праздника в его честь, который бывает весной... Едят и пьют в течение трех

дней, а в промежутках просят Созереса защитить от разрушений, приносимых водой и ветрами» [7, с. 176].

Практически не отличается и описание известного российского кавказоведа XIX в. И. Бларамберга: «Созерес олицетворен в молодом грушевом деревце, которое черкесы вырубают в лесу и которое, после того как у него обрубают ветви таким образом, что остаются только одни сучья, приносят к себе в дом и почитают как божество. Оно есть почти в каждом доме; к осени, в день его праздника, его с большими церемониями вносят внутрь дома под шум различных инструментов и радостные крики обитателей дома, которые приветствуют его по случаю счастливого прибытия. Оно украшено маленькими свечами, а сверху насажена головка сыра; вокруг него пьют бузу, едят, поют, после чего с ним прощаются и переносят во двор, где оно проводит оставшуюся часть года, прислоненное к стене, без всяких признаков божественного почитания. Созерес – покровитель стад» [8, с. 374].

В описании обряда этим автором весьма важным моментом является процесс изготовления фетиша Созереса именно из груши-дички. Это уточнение не ошибка И. Бларамберга по поводу того, из какой именно породы дерева продуцировали мистический артефакт в традиционной культуре черкесов: и грушевое дерево, и боярышник почитались одинаково. Возвращаясь к непосредственному предмету исследования, мы хотели бы уделить еще раз особое внимание центральному артефакту праздника. Как отмечается во всех отобранных для нашего анализа этнографических источниках, в качестве важнейшего обрядового предмета праздника Созереш выступает отрубленная ветка боярышника или груши-дички, очищенной от коры. На ней оставляли семь сучков приблизительно одинакового размера.

Невольно напрашивается следующий вопрос: а почему после обработки деревянного фетиша ему придавалась конфигурация в виде какого-то жезла с семью отростками? В первую очередь следует отметить, что число 7 характеризует, на наш взгляд, у многих культур универсальную мифологему упорядоченности, с помощью которой можно выразить как вещественные, континуальные, так и темпоральные структуры мира. К.Г. Юнг называл их архетипическими числами, отражающими на уровне мифопоэтического восприятия [9, с. 31].

В.А. Дмитриев, посвятивший некоторые свои работы основательному исследованию символической культуры черкесов, отмечал, что у них, как и во многих других этнокультурных системах народов Северного Кавказа, семерка присутствует как сакральное число. В качестве подтверждающего такую мысль примера он приводит тот самый «идол Созыреша», культовый предмет, имевший семь ветвей и посвященный божеству плодородия.

Автор пишет: «В мифологии адыгов семерка выступает в качестве основы организации космоса (священные предметы группировались по 7, во вселенной – 7 сфер, через 7 единиц времени менялись качества явления), 7 дней длился праздник в честь бога-громовержца, во время засухи 7 раз совершали обряд обливания водой очажной цепи, воспитатель доказывал свое право на воспитанника, привлекая 7 свидетелей, на поминках имущество умершего раздавали 7 соседям, иголка, которой шили 7 раз, становилась священной. Семидневная неделя присуща большинству календарей мира, в том числе иудейско-христианскому и мусульманскому, для которых грузинское и арабское посредничество были каналами проникновения их элементов в календарь народов Северного Кавказа» [10, с. 41–42].

Интересную интерпретацию одной из функций Созереша можно проследить в работах А.С. Марзея. Проводя комплексный анализ института наездничества в черкесской культуре, он писал: «Бог домашнего очага Созыреш (Сэузерэщ) у адыгов считался покровителем всадников, находящихся в походе и вообще всех путешественников» [11, с. 264]. Таким образом, Созереш покровительствовал мореходам и рыбакам, воинам в пеших, конных и морских походах-набегах, хлебопашцам и всем земледельцам, скотоводам, путешествующим, отвечал за здоровье и оберегал от сглаза, был покровителем домашнего очага и благополучия. Столь обширный спектр, охватывавший практически все сферы жизнедеятельности, и превращал Созереша в один из основных персонажей в традиционном мировоззрении черкесского этноса.

На основании всего вышеизложенного можно представить конструктивные моменты обрядово-ритуальных действий праздника и сделать определенные выводы. Во-первых, Созереш отмечался черкесами в ночь с 21 на 22 декабря как общественное, всенародное, так и семейное

торжество, целью которых было сакральное преодоление лиминальности, т. е. порога между старым и наступающим годом через тосты, благодарение высших сил Тха (Тхьэ) за все прошлые и ожидаемые в грядущем цикле времени блага.

Обрядовые действия праздника связаны с аграрной магией, отражающей зависимость человека традиционного общества от природных явлений и прогнозируемой цикличности сезонных природных процессов. Черкесы верили, что от умения посредством магических манипуляций воспользоваться силами природы напрямую зависят плодovitость людей, хороший урожай, приплод и здоровье скота, как и благополучие соседа.

Во-вторых, основными действующими персонажами обряда выступали мужчина из старшего поколения в роли своеобразного жреца, обращавшийся к Созерешу с просьбой-тостом (хьу-эхь), старшая женщина, руководившая семейным праздником, молодая женщина из последних новобрачных в селении или девушка на выданье, которая символизировала возрождающуюся природу, наступающий год. Безусловно, в вышеприведенных образах и их обрядовых действиях явно прослеживается взаимосвязь между человеком архаического мышления и космическим временем, которая функционирует на уровне ощущений, направляет человеческую деятельность на упразднение уходящего мирского времени и в пространстве обряда как бы вызывает наступление нового темпорального цикла.

Накануне праздничных мероприятий молодая женщина, повернувшись лицом на восток, зажигала свечи на общественном фетише. Опять-таки символическая непрерывность модусов времен обеспечивалась актом зажигания женщиной свечей ветки Созереша свечой с прошлогоднего праздника. Особая роль женского начала в обряде очевидна: символическая структура календарной обрядности нацелена не только на получение хорошего урожая, но и на обеспечение плодородия, продолжение жизненного цикла всего общества. А все это в соответствии с логикой традиционного сознания является результатом успешной хозяйственной деятельности людей и магического воздействия матери-земли, коллективным воплощением которой и можно считать основных участниц празднества.

В-третьих, старший мужчина произносил в виде молитвенного текста благодарение за прошлый плодородный год, а потом – торжественный тост от лица всего сообщества, чтобы и этот год был наполнен светом, добром, чувством еще большей сплоченности людей и почтительным отношением всех к старшему поколению. После завершения этого этапа ритуала старший вкушал напиток (санэ – красное вино или махьсымэ – хмельная буза) и хлеб, то же самое делали остальные участники торжества. Часть праздничной еды уносилась в гостевой дом – ХьэщIэщ, обозначая таким образом коллективное желание пришествия гостя как персонификации Созереша. Если же в эту ночь гости или путник появлялись в доме, то это считалось хорошим предзнаменованием и мистическим подтверждением того, что новый год будет благодатным, счастливым.

Завершающим действием праздника являлся унос ветки Созереша в амбар и прекращение всякого контакта с ним до следующего года. Как можно предположить, фетиш Созереша, создавая сакральную границу, обеспечивал отсутствие контакта между потенциальным носителем опасности и охраняемым объектом – урожаем. В отличие от природных социальных подпространств, являющихся местами постоянного пребывания злых сил, так формировалась апотропеическая локация. На месте пребывания фетиша все запасы семьи находились под покровительством Созереша.

В заключение нашей работы хочется отметить, что изучаемый нами традиционный праздник, подвергаясь определенным модификациям, активно возрождается. Первое значительное усилие по возвращению мифологического образа Созереш, его центрального символа – жезла, а в целом и самого праздника в актуальное социокультурное пространство черкесов было совершено старшим научным сотрудником Музея истории города-курорта Сочи Амнетой Хушт. В 1997 г. она впервые поставила в создаваемую тогда экспозицию музея в комплексе «Традиционная культура и быт адыгов» ветку с семью сучьями – и это культурное действие, по нашему представлению, само по себе стало первым символическим актом, первым шагом к постепенной реактуализации аутентичного праздника в социокультурной памяти народа. Кроме того, в ауле Большой Кичмай вот уже несколько десятилетий отмечается Созерешева ночь.

Таким образом, можно прийти к выводу, что для черкесов праздник Созереш является высокоценным этнокультурным воплощением идеи возрождения. Он не только персонифицировал природу мифологического мышления, но и стал ярким отражением имевшихся в арсенале традиционных представлений черкесов о циклической закономерности бытия и о конкретном астрономическом времени начала обновления сил природы. В новогодних ритуалах как компонентах самого праздника как бы повторяется акт сотворения мира, периодическое возрождение природной и социальной энергии осуществляется путем очищения от прошлого и магического призыва будущего. Мифоэпический образ Созереша как медиатор между сакральным и профанным миром связан, судя по семантике обряда, с архетипическим, свойственным практически всем традиционным мировоззренческим представлениям, ритуально-мифологическим сценарием ежегодного обновления мира.

Список источников

1. Элиаде М. Мистерии Митры // История веры и религиозных идей. Т. 2 : От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М.: Критерион, 2002. С. 271–275.
2. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., пред. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
3. Монперэ Ф. Д. де. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / пер. с фр. Н.А. Данкевич-Пушиной. Сухуми: АБГИЗ, 1937. 180 с.
4. Леви-Стросс К. Мифологии: сырое и приготовленное. М.: Флюид, 2006. 399 с.
5. Люлье Л. Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов. URL: http://apsnyteka.org/418-liulie_izbrannye_raboty.html (дата обращения: 12.04.2024).
6. Спенсер Э. Письмо 27 // Путешествия в Черкессию / предисл., пер. и коммент. Н. Нефляшевой. Майкоп: Адыгея, 1994. URL: http://apsnyteka.org/file/Spenser_Puteshestviya_v_Cherkessiyu.pdf (дата обращения: 16.04.2024).
7. Тэбу де Мариньи Э. Поездки в Черкессию / сост. и пер. с франц. К.А. Мальбахова. Нальчик: Республ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2006. 206 с.
8. Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 353–434.
9. Сэмюэлс Э., Шортер Б., Плот Ф. Словарь аналитической психологии К. Г. Юнга / пер. с англ. В. Зеленского. 3-изд. М.: Добросвет, Городец, 2016. 270 с.
10. Дмитриев В. А. Бытовые предметы как источник восстановления архаических приемов счета времени (на примере адыгских жезлов из ореха). Историческая этнография // Динамика этнической культуры народов России : сб. ст. памяти проф. А.В. Гадло / под ред. В. А. Козьмина. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 35–49.
11. Марзей А.С. Черкесское наездничество – «Зеклу» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века). Нальчик: Эль-Фа, 2004. 302 с.

References

1. Eliade M. Mysteries of Mithras. *History of faith and religious ideas*. Vol. 2: From Gautama Buddha to the triumph of Christianity. Moscow: Kriterion Publ.; 2002:271-275. (In Russ.).
2. Eliade M. *Sacred and secular*. Transl. from French, pref., and comm. N.K. Garbovsky. Moscow: Moscow State University Press; 1994. 144 p. (In Russ.).
3. Monpere F.D. de. *Travel around the Caucasus. Among the Circassians and Abkhazians, in Colchis, in Georgia, in Armenia and in the Crimea*. Transl. from French by N.A. Dankevich-Pushchina. Sukhumi: ABGIZ Publ.; 1937. 180 p. (In Russ.).
4. Levi-Stross K. *Mythologies: raw and cooked*. Moscow: Flyuid Publ.; 2006. 399 p. (In Russ.).
5. Lyul'e L.Ya. *Beliefs, religious rituals, and prejudices among the Circassians*. Available from: http://apsnyteka.org/418-liulie_izbrannye_raboty.html [Accessed 12th April 2024]. (In Russ.).

6. Spencer E. Letter 27. *Travels to Circassia*. Preface, transl. and comm. by N. Neflyasheva. Maykop: Adygeya Publ.; 1994. Available from: http://apsnyteka.org/file/Spencer_Puteshestviya_v_Cherkessiyu.pdf [Accessed 16th April 2024]. (In Russ.).

7. Tebu de Marin'i E. *Trips to Circassia*. Comp. and transl. from French by K.A. Mal'bakhova. Nalchik: Revolutions of 1905 Republic Printing Plant; El'-Fa Publ.; 2006. 206 p. (In Russ.).

8. Blaramberg I.F. Historical, topographical, statistical, ethnographic, and military description of the Caucasus. *Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 13th-19th centuries*. Nalchik: El'brus Publ., 1974:353-434. (In Russ.).

9. Semuels E., Shorter B., Plot F. *Dictionary of analytical psychology by K.G. Yung*. Transl. from English by V. Zelensky. 3rd ed. Moscow: Dobrosvet, Gorodets Publ.; 2016. 270 p. (In Russ.).

10. Dmitriev V.A. Household objects as a source of restoration of archaic methods of counting time (using the example of Adyghe wands made of walnut). Historical ethnography. *Dynamics of the ethnic culture of the peoples of Russia: collection of articles in memory of prof. A.V. Gadlo*. Ed. by V.A. Koz'min. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press; 2004:35-49. (In Russ.).

11. Marzey A.S. *Circassian horsemanship - "ZekIue" (From the history of the military life of the Circassians in the 18th - first half of the 19th century)*. Nalchik: El'-Fa Publ.; 2004. 302 p. (In Russ.).

Информация об авторах

М.А. Хоконов – кандидат философских наук, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики.

Р.П. Лисев – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений.

Information about the authors

M.A. Khokonov – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Ethnology, History of Peoples of the KBR and Journalism.

R.P. Lisev – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 12.05.2024; принята к публикации 29.05.2024.
The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 12.05.2024; accepted for publication 29.05.2024.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 93/94 (929.6+929.7)
doi: 10.18522/2687-0770-2024-2-27-35

САМОБЫТНЫЕ (НЕУТВЕРЖДЕННЫЕ) ДВОРЯНСКИЕ ГЕРБЫ М.И. ПЛАТОВА НА ГРАВИРОВАННЫХ ПОРТРЕТАХ

Анатолий Иванович Агафонов

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
anatoly-agafonov@yandex.ru

Аннотация. Впервые исследуются гравированные гербовые портреты генерала от кавалерии, войскового атамана Донского Войска графа М.И. Платова, рассматриваются их происхождение, роль в визуализации образа донского атамана в среде высшего генералитета и сановников, населения Российской империи, королевских и императорских фамилий Европы. Анализируются его дворянские гербы, их построение и формы, сопровождение, содержание, геральдическая и негеральдическая символика.

Доказывается, что изображенные на гравированных портретах гербы являются неутвержденными, самостоятельными, духовно восходят к донской гербовой традиции второй половины XVIII в. Отмечается тесная взаимосвязь с процессами формирования южнорусского дворянства, с одной стороны, несовершенством нормативной базы и ее правоприменения к донским старшинам и чиновникам – с другой. Прослеживается идейная зависимость гербовых символов от военно-служебной деятельности донского казачества и М.И. Платова. Уточняются причины, условия и время написания гравированных портретов, высказываются суждения о его инициаторах.

На основе историко-предметного метода атрибуции военного портрета рассматривается наполнение и сопровождение гравированных портретов М.И. Платова, показывается связь изображений с реальными событиями и фактами из его биографии.

Предлагается описание персоналий гербовых портретов, отмечаются основные опознавательные маркеры – в униформе, фалеристике, военной armатуре, художественном сопровождении, подчеркивается их роль в раскрытии образа атамана. Отмечается влияние содержания гербовых портретов и самобытных гербов на высочайше утвержденный герб М.И. Платова на графское Российской империи достоинство. В то же время подчеркивается, что ни один самобытный герб не стал прообразом графского герба донского атамана. Они являются самостоятельными гербовыми и художественными произведениями.

Ключевые слова: Российская империя, Донское Войско, граф М.И. Платов, гербовые портреты, самобытные гербы, донское дворянство, геральдика

Для цитирования: Агафонов А.И. Самобытные (неутвержденные) дворянские гербы М.И. Платова на гравированных портретах // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 2. С. 27–35.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ORIGINAL (UNAPPROVED) M.I. PLATOV NOBLE COATS OF ARMS ON ENGRAVED PORTRAITS

Anatoly I. Agafonov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
anatoly-agafonov@yandex.ru

© Агафонов А.И., 2024

Abstract. For the first time, engraved coat of arms portraits of the cavalry general, military Ataman of the Don Army, Count M.I. Platov, are studied, their origin and role in visualizing the image of the Don Ataman among the highest generals and dignitaries, the population of the Russian Empire, the royal and imperial families of Europe are considered.

The article analyzes the noble coats of arms of M.I. Platov, their construction and forms, accompaniment, content, heraldic and non-heraldic symbols.

It is proved that the coats of arms depicted on the engraved portraits are not approved, independent, and spiritually go back to the Don coat of arms tradition of the second half of the 18th century. There is a close relationship with the processes of formation of the South Russian nobility, on the one hand, and the imperfection of the regulatory framework and its enforcement to Don elders and officials, on the other.

The ideological dependence of the coat of arms symbols on the military service activities of the Don Cossacks and M.I. Platov is traced. The reasons, conditions, and time of writing engraved portraits are clarified, judgments are made about the initiators of their writing.

Based on the historical and subject method of attribution of a military portrait, the content and accompaniment of the engraved portraits of M.I. Platov are considered, the connection of images with real events and facts of the biography of the Don chieftain is shown.

A description of the personalities of the coat of arms portraits is proposed, the main identification markers are noted - in the uniform, faleristics, military fittings, artistic accompaniment, their role in revealing the image of M.I. Platov is emphasized.

The influence of the content of the armorial portraits and original coats of arms on the Highly approved coat of arms of M.I. Platov on the dignity of the count of the Russian Empire is noted. At the same time, it is emphasized that not a single original coat of arms became the prototype of the count's coat of arms of the Don Ataman. They are independent armorial and artistic works.

Keywords: The Russian Empire, the Don Army, Count M.I. Platov, armorial portraits, original coats of arms, the Don nobility, heraldry

For citation: Agafonov A. I. Original (Unapproved) M.I. Platov Noble Coats of Arms on Engraved Portraits. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(2):27-35. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Дворянские гербы на гравированных портретах войскового атамана Донского Войска, генерала от кавалерии графа М.И. Платова не рассматривались в научной литературе. Главное внимание ученых сосредоточивалось на гербе на графское Российской империи достоинство. Известно, что 29 октября 1812 г. император Александр I всемилостивейше возвел генерала от кавалерии, войскового атамана Донского Войска М.И. Платова в графское достоинство, а 15 марта 1816 г. был утверждён высочайшим указом герб. Доставлен обладателю в ноябре 1816 г. [1, с. 5].

В исторической литературе сложилось устойчивое представление, что его графский герб был и остается первым и единственным дворянским гербом войскового атамана, а получение титула являлось одновременно пожалованием прав и привилегией российского дворянства. В действительности к гербовому обеспечению М.И. Платова много вопросов. Когда он был возведен в дворянство Российской империи; где и при каких условиях появился его первый герб; кто был его автором; был герб утверждённый или самобытный; какую роль он играл в визуализации (узнавании) атамана, определении его места и роли в дворянской иерархии в России и в Земле Донского Войска и т.д.?

Почему не сохранились документы о присвоении титула и был ли такой указ? Или М.И. Платов приобретал дворянство автоматически, т.е. на основании Табели о рангах 1722 г., Жалованной грамоты дворянству 1785 г. или известного указа императора Павла I от 22 сентября 1798 г. «Об уравнении чинов Войска Донского с регулярными войсками»?

В научных исследованиях А.И. Сапожникова, Н.С. Коршикова, В.М. Безотосного [2–5], научно-популярной литературе нет ответов на поставленные вопросы.

Указ императора Павла I уравнивал чины Войска Донского с чинами регулярных войск, при этом сохранил им прежнее название [6, с. 387]. Приобретение дворянства службой позволяло донским чиновникам использовать основополагающие статьи Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства. Жалованная грамота предоставляла права и привилегии, которые донские старшины не имели в войсковых чинах: наследственно передавать

дворянство, приобретать и владеть деревнями и крепостными, продавать продукты труда, произведенные в собственных деревнях и предприятиях, создавать свои сословные организации и т.д. [7, с. 344–358]. Для владельцев войсковых чинов, как и обладателей чинов регулярной армии, открывались возможности снискать дворянство, получив патент на чин, «к коим присвоено дворянское достоинство», патент на дворянство и дворянский герб. По мнению Л.М. Савёлова, 22 сентября 1798 г. – это день официального возникновения донского дворянства [8].

Ко времени публикации указа императора Павла I от 22 сентября 1798 г. М.И. Платов обладал не только чином генерал-майора, но и орденами Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-го и 3-го класса, что, по российским законам, открывало ему свободный путь в высшее сословие империи.

Первые дворянские гербы появились на Дону в середине XVIII в. на гербовых портретах войскового атамана Д.Е. Ефремова. Гербы самобытные, неутвержденные, связанные с малороссийской и польской геральдической традицией, стали частью донского живописного портрета и повлияли на формирование регионального и российского дворянства и геральдики [9, 10].

Гербовые портреты М.И. Платова – составная часть донского и российского военного портрета. Гравированные на медных листах, они выполнены в технике офорта, акватинта, эстампа в отличие от живописных портретов войсковых атаманов Д.Е. Ефремова, А.И. Иловайского, В.П. Орлова, М.Г. Власова, полковника Т.А. Малахова и других генералов и офицеров Донского Войска, написанных маслом на холстах.

По происхождению гербы М.И. Платова самобытные, не утверждались высочайшими указами. Они размещены на парадных портретах, их главная цель – показать принадлежность персоны к потомственному дворянству, выслуженным дворянам, получившим права и привилегии высшего сословия через пожалование орденом или за службу.

Эти гербы необходимо, на наш взгляд, рассматривать как самостоятельные, неутвержденные, созданные, вероятно, при согласии атамана и по его воле гравёрами и художниками. Едва ли самобытные гербы можно считать самопринятыми [11], учитывая их различные версии. Одни гербы возникают при жизни героя, другие – после его смерти. Последние можно определять как приписанные конкретному лицу в процессе создания гербовых портретов, печатей делопроизводственных, фамильных, на перстнях и т.д.

Первый самобытный герб М.И. Платова стал широко известен с 1809 г. благодаря его гравированным портретам. Значительно ранее у войскового атамана Донского Войска, генерал-лейтенанта (чуть позже генерала от кавалерии), кавалера многих российских и иностранных орденов появились возможности и условия для приобретения прав и привилегий благородного российского дворянства. Возникает вопрос, почему донской герой не получил и не оформил документы на титул и, соответственно, на герб?

Согласно Табели о рангах, первый офицерский чин премьер-майора Российской императорской армии, пожалованный М.И. Платову 13 декабря 1784 г., открывал путь в высшее сословие Российской империи. Однако Табель о рангах не распространялась на донское казачество, а Жалованная грамота дворянству 1785 г., которая подтверждала связь приобретения дворянства с пожалованием конкретного офицерского чина, еще не была принята.

Необходимость визуализации статуса атамана возникла после его участия в международных мероприятиях в свите российского императора Александра I при подписании Тильзитского мира в 1807 г. В действовавшем российском и европейском политесе должно быть общение на равных. Происхождения и благородства никто не отменял. Не казак, сын старшины, внук простого казака, а знатный дворянин, генерал от кавалерии, кавалер многих российских и иностранных орденов, имеющий свой герб, раскрывающий его достоинства. Это имело значение для М.И. Платова и, конечно, для высшей российской и иностранной элиты, королевских и императорских домов Европы и России.

В 1807 г. М.И. Платов и донские казаки нередко спасали прусские войска от полного разгрома. Король Пруссии Фридрих Вильгельм III восхищался военным искусством донских казаков и пожаловал атаману прусские королевские ордена Черного и Красного Орла, золотую табакерку с портретом Его Величества и монограммой, украшенную драгоценными камнями. Королева Луиза Мекленбург-Стрелицкая подарила жене М.И. Платова плюмаж из перьев цапли.

Во время тильзитских переговоров прусский король с супругой часто приглашали его в свою резиденцию на обеды и беседы, хлебосольным для прусской семьи был и дом донского атамана. По ее просьбе был написан портрет донского героя для семейной коллекции, который, вероятно, стал основой для его многочисленных гравированных портретов. В дальнейшем королевская семья и М.И. Платов поддерживали теплые отношения, обменивались подарками и вели дружескую переписку [12, с. 151–153].

После переговоров и подписания Тильзитского мирного договора, с 13 (25) июня по 25 июня (7 июля) 1807 г., М.И. Платов был призван в Петербург, откуда в начале лета 1809 г. отбыл в Молдавскую армию (Русско-турецкая война 1806–1812 гг.), но пробыл там недолго из-за болезни.

В конце 1809 г. император Александр I отправил атамана в отпуск на Дон, а затем вызвал в Петербург «для решения дел особого рода». В начале апреля 1810 г. М.И. Платов прибыл в столицу, где по рекомендации императора его лечение продолжил личный лейб-медик государя Я.В. Виллие [12, с. 175–176]. В 1807–1810 гг., в петербургский период жизни, были написаны его первые гербовые и парадные портреты, они в многочисленных копиях распространялись по России и европейским странам.

В начале XIX в. в Петербурге жили и работали многие выдающиеся русские и иностранные художники и гравёры. В частности, словацкий портретист немецкого происхождения И. Ромбауэр (с 1806 по 1824 г.). Как и при каких обстоятельствах они встречались – неизвестно, но о том, что они общались, свидетельствуют рисунки подлинных атрибутов войсковой власти, значков и знамен, сабли за Персидский поход и другой военной арматуры, которая всегда находилась при войсковом атамане в хранилище походной канцелярии.

Выдающийся русский художник В.А. Тропинин в 1810 г. написал первый парадный прижизненный живописный портрет М.И. Платова для вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Оригинал хранится в Старочеркасском историко-архитектурном музее-заповеднике Ростовской области.

Гравированный парадный портрет атамана, поставленный на военную арматуру, на фоне разбитой крепостной стены, обрамлённый лавровыми и пальмовыми ветвями, – своеобразное напоминание об участии в Очаковском сражении, взятии Измаила, многочисленных турецких крепостей в кампании 1809 г. Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. (рис. 1).

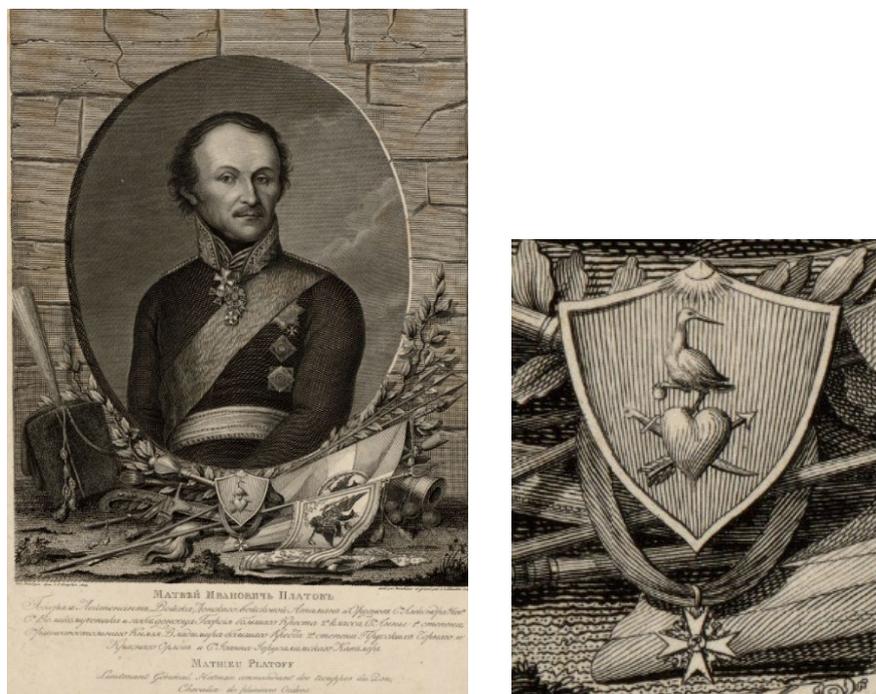

Рис. 1. Портрет и герб генерал-лейтенанта М.И. Платова. По оригиналу И. Ромбауэра. Гравировал И.-С. Клаубер. 1809. Государственный изобразительный музей им. А.С. Пушкина. Москва, Россия
/ Fig. 1. Portrait and coat of arms of Lieutenant General M.I. Platov. According to the original by I. Rombauer. Engraved I.-S. Klauber. 1809. The Pushkin State Museum of Fine Arts. Moscow, Russia

По центру – самобытный дворянский герб, положенный на военную арматуру, и командорский крест Мальтийского ордена Св. Иоанна Иерусалимского на черной ленте с вензелевым изображением императора Павла I.

Форма герба варяжского типа, стилизованная, треугольная, с опущенными от центра плечами. В центре щита на гербовом поле покоится сердце на стреле и сабле, положенных накрест, на котором стоит журавль (аист), держащий камень.

Согласно шафировке (штриховке), поле гербовое – красного цвета, кайма – серебряная, сабля – золотая, стрела – черная с серебряным наконечником. Сердце – пурпурно-фиолетового цвета, журавль (аист) – натуральных цветов.

Солнце – сияющее, золотое, символ богатства, силы, света, изобилия, а также царской защиты, покровительства.

В геральдике сердце – символ возвышенной любви, свободы и величия, милосердия и искренности. В данном гербе оно, положенное на оружие, означает преданность Отечеству, государю, жизнь, посвященную военному делу.

Журавль (аист) с камнем в лапе, стоящий на сердце обернувшись, – символ бдительности. Через герб М.И. Платова создатели подчеркивали роль казачества, оно являлось глазами и ушами русской армии. Камень в лапе журавля напоминает о римской военной традиции, когда часовой, чтобы не заснуть, брал камень в руку. Если часовой засыпал, выпавший камень его будил. На камне в напоминание часто писали: «Движение – жизнь, сон – смерть».

Сабля и стрела – атрибуты военной арматуры казачества, также указание, намек на участие донских казаков в маневрах в период подписания Тильзитского мира в 1807 г., личные успехи атамана в джигитовке и стрельбе из лука, сабля наградная от императрицы Екатерины II – напоминание о Персидском походе 1796 г.

М.И. Платов изображен вполборота влево, по пояс, без головного убора, в мундире образца 1809–1812 гг.: однобортный казачий чекмень, воротник скошенный с генеральским серебряным шитьем, белый пояс (кушак) из шелковой материи, поверх которого повязан генеральский шарф, на плечах – витые из гарусной шерсти знаки отличия генерал-лейтенанта, лента через левое плечо ордена Св. Александра Невского.

Шапка из черной смушки с султаном – прямыми страусовыми перьями, вставленными в металлическую трубку (челенгу), украшенную накладным чёрным двуглавым орлом и серебряным орлиным крылом, располагается справа, рядом с военной арматурой.

На левой стороне груди сверху вниз – звезды орденов Св. Александра Невского, Св. Иоанна Иерусалимского, Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-го класса и Св. Владимира II степени.

На шее на лентах орденов располагаются знаки (кресты) орденов Св. Великомученика и Победоносца Георгия Большого креста 2-го класса, Св. Владимира Большого креста II степени, Св. Александра Невского, Командорский крест ордена Св. Иоанна Иерусалимского, прусского королевского Черного Орла.

Военная арматура покоится на земле – это накрест положенные атаманский значок 1803 г., войсковое знамя образца 1803 г., булава, пернач и сабля за Персидский поход 1796 г., донская нагайка, казачья пика, бунчук, а также трофеи – турецкая пушка стволом вниз с ядрами.

Подпись под портретом: генерал-лейтенант Войска Донского войсковой атаман и орденов Св. Александра Невского, Св. Великомученика и Победоносца Георгия Большого креста 2-го класса, Св. Анны I степени, Св. равноапостольного Князя Владимира Большого креста II степени, прусского Черного и Красного Орла и Св. Иоанна Иерусалимского кавалер [13, стб. 1783–1784, № 1; 14, стб. 498; 15, стб. 945, № 1].

В войне против наполеоновской Франции в 1805 г. М.И. Платов не участвовал, он по указанию императора сформировал и направил к Пинску 15 донских казачьих полков. В Русско-пруско-французскую войну (Война четвертой коалиции) генерал-лейтенант Платов вступил 10 (22) января 1807 г., был назначен командовать всеми казачьими полками русской армии. Предварительно донской атаман посетил Москву и Петербург, в столице он получил пожалованный 18 ноября 1806 г. орденом Св. Александра Невского.

М.И. Платов прибыл в армию 26 января (7 февраля) 1807 г., накануне генерального сражения при Прейсиш-Эйлау. В этот и на следующий день произошло кровопролитное столкновение, завершившееся отступлением обеих армий с поля боя, но противоборствующие стороны приписывали победу себе.

Затем последовали многочисленные сражения, в которых атаман командовал авангардом и арьергардом русской армии. Мужество и героизм донских казачьих полков получили широкую известность в России и Европе. За военные кампании генерал-лейтенанту М.И. Платову были пожалованы 13 (25) апреля 1807 г. алмазные знаки к ордену Св. Александра Невского, а 22 ноября (4 декабря) 1807 г. «за войну с французами» – орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-го класса.

Следует отметить, что И. Ромбауэр создавал различные версии гравированных портретов донского атамана, они также являлись примером для других художников и граверов. На многих русских, английских и прусских портретах сохранялись самобытный герб донского героя и военная арматура, она изображалась в различных вариантах, как и форма герба, и его сопровождение (рис. 2–4).

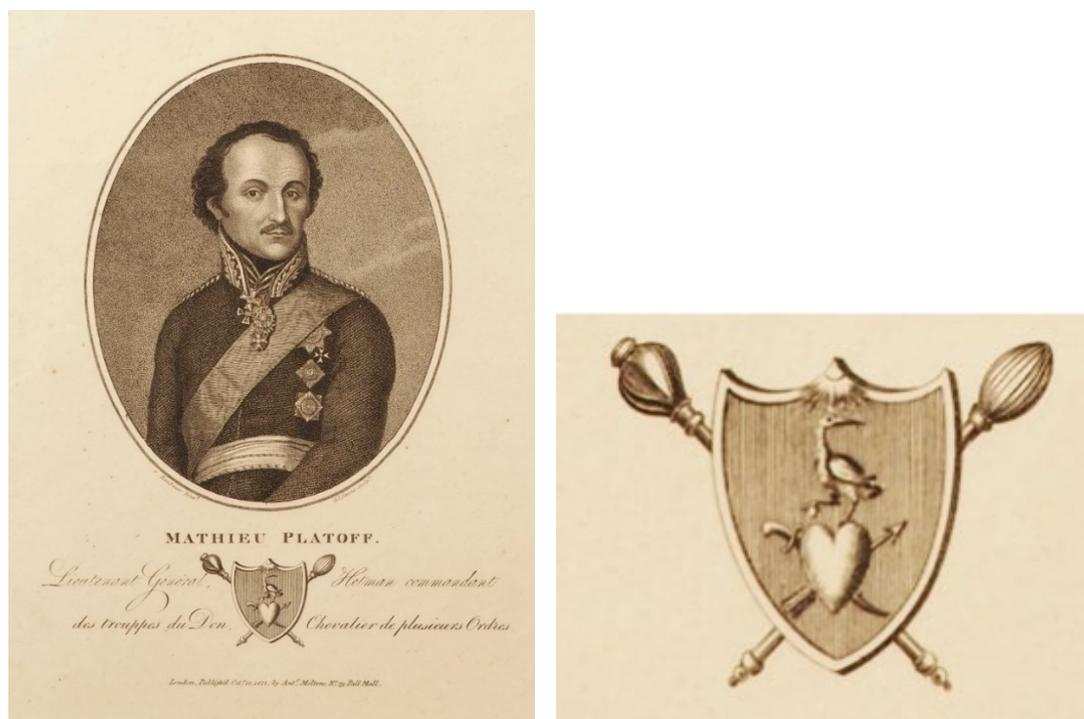

Рис. 2. Портрет Матвея Платова, генерал-лейтенанта, гетмана казаков Донского Войска, кавалера многих орденов. Художник И. Ромбауэр. Гравер Дж. З. Фациус. 1812. Лондон, Англия / Fig. 2. Portrait of the Matvey Platov, Lieutenant General, Hetman of the Cossacks of the Don army, knight of many orders. The artist I. Rombauer. Engraver J. Z. Facius. 1812. London, England

Настоящий герб представлен без ленты и знака ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Содержание совпадает с гербом на гравированном портрете И. Ромбауэра 1809 г. Щит английский, сердце лежит на стреле и сабле, положенных накрест, на котором стоит аист, держащий камень. Во главе гербового щита располагается сияющее солнце. Щит покоится на символах атаманской власти – накрест положенных булаве и перначе (рис. 2).

Подпись: генерал от кавалерии Войска Донского, войсковой атаман и орденов Св. Александра Невского, Св. Великомученика и Победоносца Георгия Большого креста 2-го класса, Св. Анны I степени, Св. равноапостольного князя Владимира Большого креста I степени, прусского Черного и Красного Орла и Св. Иоанна Иерусалимского кавалер (правильно – командор).

Портрет написан с посвящением генерал-майору Николаю Петровичу Высоцкому, племяннику генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина [13, стб. 1786, № 6].

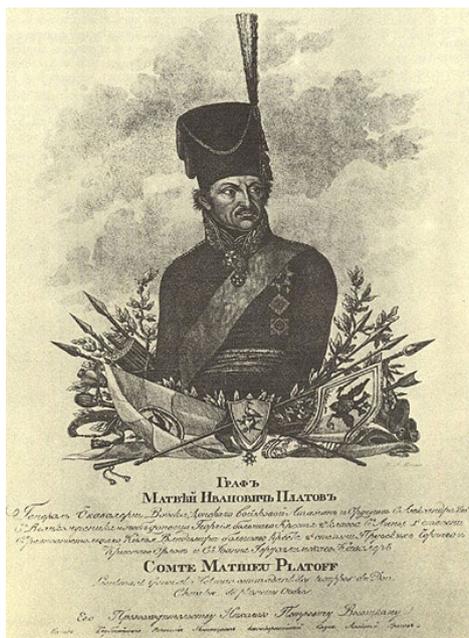

Рис. 3. Граф Матвей Иванович Платов. Художник и гравер А.П. Грачев. 1813. Санкт-Петербург, Россия / Fig. 3. Count Matvey Ivanovich Platov. The artist and engraver A.P. Grachev. 1813. St. Petersburg, Russia

Щит варяжский (треугольный, остроконечный), герб со знаком ордена Св. Иоанна Иерусалимского на черной ленте ордена, в вершине – сияющее солнце.

На портрете М.И. Платов изображен вполоборота влево, в шапке из черной смушки, в мундире образца 1809–1812 гг., с лентой через правое плечо ордена Св. Апостола Андрея Первозванного. Фигуру обрамляют дубовые ветви и страусовые перья, в арматуре присутствуют символы атаманской власти: насека и булава – слева, бунчук – справа, пернач – в правой руке атамана. Слева – атаманский значок 1803 г., справа – войсковое знамя образца 1803 г. и знамя образца 1811 г. за военные кампании против наполеоновской Франции в 1805–1807 гг.

На ленте на шее – знаки орденов Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-го класса, Св. Анны I степени. Слева на груди сверху вниз – звезды орденов Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Великомученика и Победоносца Георгия, Св. Иоанна Иерусалимского, Св. Александра Невского. С левой стороны помещена сабля, пожалованная за Персидский поход, справа – пушки и ядра, отбитые у неприятеля. Рядом с ними казачья нагайка.

Рис. 4. Портрет генерала от кавалерии графа Матвея Ивановича Платова. Писал И. Ромбауэр, гравировал С. Карделли. Гравер А. Осипов. 1813. Москва / Fig. 4. Portrait of the cavalry general Count Matvey Ivanovich Platov. I. Rombauer wrote, S. Cardelli engraved. The engraver A. Osipov. 1813. Moscow

Щит варяжский, дворянский герб такой же, как на портрете М.И. Платова по оригиналу И. Ромбауэра, который гравировал И.-С. Клаубер, с теми же фигурами и символами [13, № 15].

В начале XX в. известный русский предприниматель и коллекционер А.В. Морозов опубликовал 3-й том Каталога моего собрания русских гравированных и литографированных портретов, в который поместил неизвестную ранее версию самобытного герба М.И. Платова (рис. 5).

Рис. 5. Герб рода Платова. 1810 / Fig. 5.
Coat of arms of the Platov family. 1810

Гербовый щит французского типа, внутреннее содержание как и на самобытных гербах, помещенных на парадных гравированных портретах атамана. Шафировка гербового поля – цвет красный, кайма – серебряная, сабля – золотая, стрела – черная с серебряным наконечником. Сердце – пурпурно-фиолетовое, журавль (аист) – натуральных цветов. Намет прорисован условно, без фигур, указания формы, содержания и цветов. Сокращенная подпись – герб рода Платова.

Герб, по данным Гербового музея, гравировался в 1810 г., размещен под портретом М.И. Платова, не использовался в портретной живописи [15, табл. CCCXLVI; 16, л. 14]. Его можно отнести к самобытным (неутвержденным) гербам, которые не получили государственного и общественного призна-

ния, не были включены в различные Гербовники дворянских родов Всероссийской империи. Герб сохранился в архиве Департамента герольдии Сената, он фактически показатель поиска признаваемой и авторитетной версии гербов, которые создавались для формирувавшегося донского дворянства на рубеже XVIII – XIX вв.

Итак, дворянские самобытные (неутвержденные) гербы М.И. Платова, возникшие в 1808–1813 гг. в составе гербовых портретов, выполняли не только визуальную, ознакомительную, но и важную социальную функцию. Они поднимали общественный статус донского атамана в среде российского дворянства, военной и государственной элиты страны, императорских фамилий Европы.

Гербы строились на основе сложившихся правил и представлений в российской и европейской геральдике с использованием символов, подчеркивавших военные и государственные заслуги М.И. Платова перед Отечеством и российскими императорами.

Самобытные гербы донского атамана не стали прообразом его герба на графское Российской империи достоинство. Только военная арматура из гербовых портретов с некоторыми дополнениями и изменениями перешла на его графский герб, стала среди многочисленных символов его неотъемлемой частью. Утвержденный в 1816 г. герб на графское достоинство генерала от кавалерии, войскового атамана Донского Войска графа М.И. Платова отменил все предшествовавшие дворянские самобытные гербы, они стали частью его личной и российской истории.

Список источников

1. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 9. СПб., 1816. 160 л.
2. Сапожников А.И. Граф Матвей Иванович Платов. Опыт научной биографии : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
3. Сапожников А.И. Материалы к «Донскому гербовнику»: пожалование дворянских дипломов уроженцам Дона // Донской временник. Год 2016-й. Ростов н/Д., 2015. Вып. 24. С. 210–219.
4. Коршиков Н.С. Дворяне и графы Платовы. Ростов н/Д.: НВ, 2004. 258 с.
5. Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году: малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М.: РОССПЭН, 1999. 190 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ). Т. 25. № 18673.
7. ПСЗ. Т. 22. № 16187.
8. Савёлов Л.М. Происхождение и состав дворянства на Дону в XVIII веке // Летописи историкородословного общества. 1905. Вып. 3. 17 с.

9. Агафонов А.И. Гербовые изображения на портретах войскового атамана Донского войска Д.Е. Ефремова и особенности формирования южнороссийского дворянства в XVIII веке // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2021. № 2 (210). С. 23–34.

10. Агафонов А.И. Гербовые изображения на портретах войскового атамана Донского войска Д.Е. Ефремова и особенности формирования южнороссийского дворянства в XVIII веке. Часть 2 // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2021. № 3 (211). С. 22–31.

11. Паишков М.М. Неутвержденные и самобытные гербы российского дворянства. К проблемам исследования и определения // Геральдика: сб. науч. ст. М.: КЛИПАРТО, 2022. С. 297–303.

12. Смирный Н.Ф. Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова. Ч. 1. М.: Тип. С. Селивановского, 1821.

13. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. III: П – Ф. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1888.

14. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов XVI – XIX веков. Т. 2. СПб., 1895.

15. Морозов А.В. Каталог моего собрания гравированных и литографированных портретов. Т. 3, № 1. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1913.

16. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 388.

References

1. The general coat of arms of the noble families of the All-Russian Empire. Part 9. St. Petersburg, 1816. 160 l. (In Russ.).

2. Sapozhnikov A.I. *Count Matvey Ivanovich Platov. The experience of scientific biography*. Dissertation Thesis. St. Petersburg, 1995. (In Russ.).

3. Sapozhnikov A.I. Materials for the "Don Coat of Arms": Awarding noble diplomas to natives of the Don. *Donskoi vremennik = Don Temporary*. The year 2016. Rostov-on-Don, 2015;(24):210-219. (In Russ.).

4. Korshikov N.S. *Platov nobles and counts*. Rostov-on-Don: NB Publ.; 2004. 258 p. (In Russ.).

5. Bezotosny V.M. *The Don generals and Ataman Platov in 1812: little-known and unknown facts against the background of famous events*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 1999. 190 p. (In Russ.).

6. *The complete collection of laws of the Russian Empire. The first collection* (Hereinafter – ICCL): 25(18673). (In Russ.).

7. ICCL: 22(16187). (In Russ.).

8. Savelov L.M. The origin and composition of the nobility on the Don in the 18th century. *Chronicles of the historical and genealogical society*. 1905;(3). 17 p. (In Russ.).

9. Agafonov A.I. Coat of arms images on portraits of the military Ataman of the Don Army D.E. Efremov and the peculiarities of the formation of the South Russian nobility in the 18th century. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2021;(2):23-34. (In Russ.).

10. Agafonov A.I. Armorial images on portraits of the military Ataman of the Don Army D.E. Efremov and features of the formation of the South Russian nobility in the 18th century. Part 2. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2021;(3):22-31. (In Russ.).

11. Pashkov M.M. Unapproved and original coats of arms of the Russian nobility. On the problems of research and definition. *Heraldry*. Collection of scientific articles. Moscow, KLIPARTO Publ., 2022:297-303. (In Russ.).

12. Smirny N.F. *The life and exploits of Count Matvey Ivanovich Platov*. Part 1. Moscow: S. Selivanovsky Publishing House; 1821. (In Russ.).

13. Rovinsky D.A. *Detailed dictionary of Russian engraved portraits*. Vol. 3. St. Petersburg: Publishing House of the Imperial Academy of Sciences, 1888. (In Russ.).

14. Rovinsky D.A. *Detailed dictionary of Russian engravers of the 16th-19th centuries*. Vol. 2. St. Petersburg, 1895. (In Russ.).

15. Morozov A.V. *Catalog of my collection of engraved and lithographed portraits*. Moscow: A.A. Levenson Association of Fast Printing; 1912;3(1). (In Russ.).

16. *Russian State Historical Archive*. Fund 1343. In. 15. File 388. (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Агафонов – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии.

Information about the author

A.I. Agafonov – Doctor of Science (History), Professor of the Department of History and Cultural Studies.

Статья поступила в редакцию 28.03.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 29.05.2024.

The article was submitted 28.03.2024; approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 29.05.2024.

Научная статья
УДК 94 (470.6) “18”
doi: 10.18522/2687-0770-2024-2-36-44

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКО-ГОРСКОЙ ТОРГОВЛИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Максим Сергеевич Ануфриенко

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия
makoso@list.ru

Аннотация. Раскрываются особенности становления торговли в условиях Северного Кавказа, когда множество неблагоприятных обстоятельств затрудняло этот процесс. Помимо ландшафтных препятствий, мешавших прокладыванию в горных районах разветвлённой сети дорог, существенную опасность создавала эпидемиологическая угроза. Для пресечения распространения заразных заболеваний возводились карантинные линии, где приходилось выдерживать сроки изоляции, необходимые для выявления возможной инфекции. Средства, затрачиваемые на такие меры, а также потеря времени купцами сказывались на конечной цене товара, удорожая его. Для властей торговля являлась инструментом политического влияния на местные народы. Отсюда и желание монополизировать контакты между горцами и жителями приграничных с ними поселений. Такой подход мог влиять на номенклатуру предлагаемых товаров, определял эквивалент их стоимости, ограничивая использование денег в торговых операциях. Постепенно выработывалась модель взаимодействия на созданных торговых площадках (меновых дворах, соляных магазинах, ярмарках). Предпринимались усилия по недопущению конфликтов, а в случае их возникновения создавались механизмы урегулирования взаимных претензий. На смену натуральному обмену приходили товарно-денежные отношения.

Ключевые слова: торговля, обмен, эпидемия, карантин, товары, деньги, рынок, цена, купцы, империя, горцы

Для цитирования: Ануфриенко М.С. К истории становления русско-горской торговли на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 2. С. 36–44.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

TO THE HISTORY OF THE FORMATION OF RUSSIAN-MOUNTAIN TRADE IN THE NORTH CAUCASUS AT THE END OF THE 18th - BEGINNING OF THE 19th CENTURY

Maksim S. Anufrienko

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
makoso@list.ru

Abstract. The article reveals the features of the formation of trade in the conditions of the North Caucasus, when many unfavorable circumstances complicated this process. In addition to the landscape obstacles that prevented the construction of an extensive network of roads in mountainous areas, the epidemiological threat posed a significant danger. To stop the spread of infectious diseases, quarantine lines were erected, where it was necessary to maintain the isolation periods necessary to detect a possible infection. The funds spent on such measures, as well as the loss of time by merchants, affected the final price of the goods, making them more expensive. For the authorities, trade was a tool of political influence over local peoples. Hence the desire to monopolize contacts between the mountaineers and residents of the settlements bordering them. This approach could influence the range of goods offered, determine the equivalent of their value, limiting the use of money in trade transactions. Gradually, a model of interaction was developed on the established trading plat-

---

© Ануфриенко М.С., 2024

forms (exchange yards, salt stores, fairs). Efforts were made to prevent conflicts, and if they occurred, mechanisms were created to resolve mutual claims. Commodity-money relations replaced natural exchange.

Keywords: trade, exchange, epidemic, quarantine, goods, money, market, price, merchants, empire, highlanders

For citation: Anufrienko M.S. To the History of the Formation of Russian-Mountain Trade in the North Caucasus at the End of the 18th - Beginning of the 19th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(2):36-44. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Торговый обмен в условиях Северного Кавказа имел свои особенности. Это было связано как с географическими факторами, своеобразием хозяйственного уклада местных народов, их менталитетом, так и с политической ситуацией в крае. Привычные для европейской или ближневосточной традиции модели контактов здесь не могли быть реализованы в полном объёме и при определённой схожести их не повторяли.

К числу обстоятельств, диктующих особые способы ведения коммерческой деятельности в регионе, мы склонны отнести повышенную эпидемиологическую опасность. Каждый раз приходилось учитывать возможность распространения чумы, холеры и подобных заболеваний, эффективных методов борьбы с которыми в рассматриваемый период не существовало. Чаще всего они завозились с сопредельных территорий, и, как отмечали современники, тогда среди местных народов появлялись «прилипчивые горячки и самая чума, большею частью наносные из турецких пределов. Оспа естественная свирепствует не менее заразных болезней...» [1, с. 148].

Последствия эпидемии ужасали. В начале XIX в. от чумы значительно сократилась численность кабардинцев. Приводятся данные, что в 1804 г. в Большой и Малой Кабарде совокупно насчитывалось около 45 тыс. дворов, а в 1807 г. их осталось не более 10 тыс. Безусловно, часть населения перебралась в другие земли из-за политической нестабильности, связанной с противостоянием с царской властью, но основные потери были вызваны именно болезнью [2, с. 117].

Единственным способом минимизировать такую угрозу было не допустить её проникновение дальше появившегося очага, а для этого следовало создать сеть карантинных застав и тщательно проверять приезжавших людей и подвергать обработке привозимые вещи. Естественно, что подобные ограничения не могли не сказаться на торговой активности, создав для неё пусть и необходимые, но обременительные препоны.

В Петербурге прекрасно осознавали те опасности, которым подвергается край, куда устремляются люди, прибывающие из мест, где пандемия случается с печальной регулярностью. Отсюда и самые широкие полномочия, получаемые местным начальством. Пытаясь нейтрализовать человеческий фактор, связанный с невыполнением отдельными военными и чиновниками своих обязательств, император Александр I весной 1817 г. повелел предоставить такие права главнокомандующему местными силами, какие давались во время войны. Это делалось исходя из желания «прекратить пагубные следствия, происходящие для жителей вверенного вам края от самовольного сообщения кордонной стражи с горскими народами, у коих существует чума» [3, с. 446–447].

Как и любой запрет, такие инструменты открывали возможности для коррупционных схем, и стремящиеся к барышам торговцы всегда находили возможность обойти подобные преграды. Между казаками и горцами поддерживались торговые связи в обход официального дозволения. Естественно, ни о каких карантинных предосторожностях речь идти не могла. Прекрасно понимал это и сам генерал А. П. Ермолов, которому и был адресован императорский указ. Он считал, что лишь удача оберегает российские поселения от заразы, так как весьма скептически оценивал эффективность системы карантин [4, с. 302–303]. Но при этом сам генерал признавал, что в Персии, где аналогичные меры не практикуются, потери от болезни гораздо выше и экономическая жизнь в ряде районов вообще парализована. Ещё более мрачные сведения приходили из Индии, где, по слухам, потери достигли полутора миллиона человек [5, с. 387–388].

Даже не всегда эффективные способы борьбы с заразой были лучше полного игнорирования и самоустранения со стороны властей. Понимая все неудобства, создаваемые для торговцев, представители российской администрации тем не менее считали необходимым обрабатывать товары методом окуривания серой и соляной кислотой, что будто бы убивало носителей болезни [6, с. 205]. Но потенциального покупателя могли отпугнуть неприятные запахи, пропитавшие товар, и это настораживало негоциантов. А без разрешения карантинной службы они вообще не допускались к обмену. Ещё более радикальным методом пресечения болезни могло стать уничтожение товара, когда сжигали всё, «кроме железа, меди, дерева и кожи, ибо к оным вещам зараза пристать не может» [7, с. 259].

Обременительными были и сроки прохождения карантина. Далеко не все приезжавшие на линию готовы были в течение двух недель ожидать решения карантинного начальства. А это был необходимый, по мнению медиков, период, который позволял убедиться в отсутствии у человека заболевания. Правда, устанавливался он при наличии информации о болезни в горах. Если таковая отсутствовала, время проживания в карантине ограничивалось тремя сутками [8, с. 589].

Нами был выявлен случай, когда время нахождения в карантине вообще заняло 42 дня, и вынести подобные тяготы могли лишь профессиональные купцы [9, л. 6]. Обычные казаки, крестьяне и горцы, для которых торговля в хозяйственном укладе играла вспомогательную роль, столь длительный простой позволить себе не могли, вынужденно обращаясь к посреднику-перекупщику.

В карантинах на постоянной основе несли службу военно-медицинские чиновники. Кроме того, к заставам временно прикомандировывались медики из расквартированных рядом военных частей, но они привлекались лишь для окуривания товаров [8, с. 589].

Нужно отметить, что медикам нередко приходилось выполнять несвойственные их профессии задачи. Например, когда в феврале 1823 г. в Черноморию был отправлен штаб-лекарь Мильгаузен, он должен был не только осматривать карантинные заставы и меновые дворы для выявления их соответствия поставленным задачам, а также произвести инспекцию медицинской части, но и «выявить торговые связи казаков с горцами и характер торговли» [8, с. 587].

От работающих на карантинах чиновников требовали проявлять максимальное уважение к приезжавшим горцам, «оказывать доброхотство, соблюдать справедливость в удовлетворении их», чтобы не пропало желание заниматься торговлей [10, с. 52].

Таким образом, карантинные мероприятия были напрямую связаны с организацией торгового процесса. Он между тем, несмотря на имеющиеся трудности, развивался достаточно динамично, и заинтересованность в нём демонстрировало большинство населения. Ещё в 1780 г. в правительстве обсуждался вопрос об организации мест для торговли с кавказскими народами. Тогда выбор пал на Екатериноград, Георгиевск и Ставрополь, что в дальнейшем оказалось недостаточно для удовлетворения растущих потребностей не только горцев, но и русских [11, с. 263–264].

Ключевым экономическим центром на Северо-Восточном Кавказе оставался Кизляр, где сосредоточилась как местная, так и транзитная торговля, в которой наглядно проявлялись все выгоды хозяйственной кооперации, постепенно формирующейся в регионе [12, с. 215].

Помимо политических целей, о которых будет сказано отдельно, власти были заинтересованы в поставках продовольствия как для снабжения армии, так и для поддержания гражданского населения. У славянских новопоселенцев ещё не было должного опыта в ведении хозяйства в условиях северокавказского климата, и это создавало трудности как в хлебопашестве, так и разведении скота. Чтобы заинтересовать горцев привозить свои товары, их освобождали от пошлин и при продаже, и при покупке [13, с. 106]. Для них открывались возможности по свободному перемещению на контролируемых российскими войсками территориях с целью совершения торгового обмена.

Так, в октябре 1789 г. генерал-аншеф И. П. Салтыков получил указание «обитающим близ Кизляра горским и дагестанским жителям позволить ездить для торгового обмена в Кабарду по нашей стороне, не платя пошлин» [14, с. 84]. Отметим, что речь не шла исключительно о торговле с русскими поселенцами. Обмен мог производиться с любыми обществами, здесь проживающими,

которые также рассматривались как подданные империи. Появившаяся же в дальнейшем паспортная система стала реакцией на «хищничества», которые участились в пограничье и стали серьёзной помехой в налаживании доверительных отношений.

Энергично выстраивались меновые контакты и на Северо-Западном Кавказе. С 1795 г. здесь действовали три меновых двора, позволявших пополнять войсковую казну и дававших населению возможность приобретать необходимые в быту вещи и продовольствие [11, с. 264]. Среди предлагаемых товаров фигурировали «мерлушки (мех из шкуры ягнёнка. – М.А.), бурки, кожи разных зверей, всякий хлеб в зерне, мёд, воск, лес, овощь, военные орудия, и частью скот, лошадей и пленных людей» [2, с. 420].

Обратим внимание на последний пункт этого перечня. Первое время это была обыденная практика, не выходящая за рамки дозволенного. Благодаря появившимся пунктам обмена можно было спасти из неволи своих соотечественников, которые в противном случае вполне могли оказаться на невольничьих рынках Османской империи и навсегда сгинуть на чужбине.

В свою очередь местные племена охотно приобретали холст и соль. Последняя стала своеобразным мерилем стоимости на учреждённых меновых дворах. А. П. Берже ввёл в научный оборот документ, из которого можно узнать о существовавших расценках и соотношении товаров и соли, подлежащих обмену. Так, по данным на 1812 г., имелась «такса, по которой следует взимать на Овече-Бродском меновом дворе от заграничных народов за соль вместо денег, у кого из них не будет, продуктами»: за 1 пуд воска платили 20 руб. или выдавали 10 пудов соли; за пуд мёда – 8 руб. или 4 пуда соли, столько же – за пуд масла; за пуд сала – 6 руб. или 3 пуда соли; за строевой лес при длине бревна не менее 4 аршин и 6 вершков «в отрубе» – 75 коп. или 15 фунтов соли; доски длиной от 3 аршин, шириной не менее половины аршина и толщиной не менее одного вершка стоили 40 коп. или 8 фунтов соли. Оговаривалось, что это вес нетто, «без включения обёрток, тулухов (кожаные мешки, приспособленные для перевозки на лошади. – М.А.) и прочей посуды». Породы дерева принимались любые, кроме осины и тополя. При желании горцы могли покупать соль за деньги, по 2 руб. за пуд [15, с. 870].

Вопросами ценообразования занимался Сенат. Стоимость товаров колебалась в зависимости от расположения того или иного менового двора, возможности доставки соли, наличия у горцев нужных для продажи вещей и иных факторов. Разница была небольшой, обычно в пределах десяти копеек. Например, в Георгиевске в 1822 г. соль стоила 1 руб. 60 коп. за пуд, а в Кизляре 1 руб. 50 коп. за пуд. Дороже всего она обходилась покупателю в Ставрополе и Моздоке – 1 руб. 70 коп. [16, л. 17].

Нередко можно встретить негативные оценки практики торговли солью, которая считалась инструментом шантажа и экономического давления на горцев. Не отрицая влияния политики на меновые процессы, отметим, что сами власти вкладывали совершенно иной смысл в организацию торгов при местных карантинах. Они отмечали, что далеко не все горцы имеют возможность выезжать за пределы региона и там продавать продукты своего труда. Между тем, чтобы не стать жертвой перекупщика, им было бы удобно самим реализовывать товар, а для этого и открывались торги, учреждаемые в пограничье [17, с. 45–46]. Добраться сюда было гораздо легче, и, кроме того, власти рассчитывали, что за горцами сохранится медицинский контроль, о необходимости которого говорилось выше [18, с. 835].

Не следует думать, что регламентация цен касалась исключительно горцев и только они подвергались дискриминационным мерам. Полученные в результате обмена товары казна затем перепродавала, и стоимость «по таксе на сии произведения» определялась «губернатором или начальником области» [19, л. 12].

К сожалению, нам не удалось выявить информацию, которая позволила бы определить себестоимость добычи соли и логистические расходы на доставку её к месту торговли. В эпохальном труде советских кавказоведов, выпущенном в конце 80-х гг. XX в. и ставшем итогом усилий учёных, посвящённом прошлому региона, утверждается, что до появления меновых дворов стоимость воза соли была 1 руб. 50 коп. серебром [20, с. 80]. Ссылка на источник в тексте отсутствует, и проверить корректность факта не представляется возможным. Скорее всего, впервые эту информацию озвучил Т.Х. Кумыков в 1962 г., сославшись на Центральный государ-

ственный военно-исторический архив (ныне Российский государственный военно-исторический архив), но сделано это не в виде цитаты, а в форме авторского вывода [21, с. 29].

Не удалось выяснить, была ли это оптовая цена и зависела ли она от объёмов приобретаемой соли. Судя по всему, речь шла о самостоятельной добыче минерала, и оплачивалось лишь право на его добычу. Как долго существовала такая практика, была ли она связана с попыткой привлечь горцев на свою сторону подобными экономическими преференциями из текста понять нельзя. Обращает на себя внимание пояснение, что продолжалось это «до установления карантинных ограничений», т.е. короткий срок и, вероятнее всего, для достижения политического результата [21, с. 28].

Следует признать, что, без сомнения, фундированные исследования данного периода отличались значительной политизацией вопроса. Одна из задач – продемонстрировать ущербность царской политики в крае, её стремление сосредоточиться исключительно на эксплуатации горского населения. Вместе с тем распоряжения властей не соответствуют такой прямолинейной трактовке. Безусловно, казённый интерес присутствовал и заставлял изыскивать возможности зарабатывать средства, которые в конечном итоге шли на благоустройство края. Но наделять такую, вполне разумную практику исключительно негативными чертами считаем неверным.

Опять же авторы отмечают увеличение масштабов торгового обмена, что при отсутствии выгоды и необоснованном завышении стоимости соли вряд ли бы могло произойти [20, с. 80]. Только за один 1811 г. на Прохладненском меновом дворе соли было продано на 15 458 руб. [21, с. 30]. Обратим внимание на ещё один немаловажный нюанс. Русское население в Кавказской области также платило за пуд соли 1 руб. 50 коп. или 1 руб. 60 коп., и ни о какой дискриминации горцев в данном случае речь не шла [21, с. 33]. Если местные власти завышали цены на отпуск соли, их действия вызывали реакцию столицы, и стоимость вновь сокращалась [21, с. 34]. Известны случаи, когда императорским указом стоимость соли для русских гарнизонов и горцев устанавливалась в равной величине [22, с. 681–683].

Накопленный к концу первого десятилетия XIX в. опыт лёг в основу программы, разработанной генералом А. П. Торماسовым и ставшей основой торговой практики в крае на последующие годы. Он достаточно подробно регламентировал процесс обмена и учитывал самые разные обстоятельства, сложившиеся в разных частях Кавказской линии. Примечательно, что царская администрация исходила из этнической карты региона и определяла, для какого народа открывается тот или иной меновой двор [19, л. 4].

Это не означало запрет приезжать туда и другим торговцам. Но принимая во внимание возможные трудности с переводом местных языков на русский, традиции в обращении и переговорах, особенности социальных отношений и другие нюансы, отдельно оговаривали, что в селении Прохладном будут представлены преимущественно кабардинские купцы, в Наур приедут чеченцы, в Прочный Окоп и Усть-Лабу – закубанцы и т.п. Всего предполагалось иметь шесть дворов и четыре соляных магазина [20, с. 79].

Царская администрация брала на себя труд заготовить хлеб для продажи горцам. Это могли делать желающие и в частном порядке, но существовало опасение дефицита и превалирования спроса над предложением. Отсюда стремление решить заранее возможную проблему, используя для этого административный ресурс. В частности, предполагалось «о привозе желающими продать хлеб к предназначенным пунктам сделать публикации по Кавказской губернии» [18, с. 925]. Соответствующие указания получал Кавказский гражданский губернатор, чьи «благонадёжные чиновники» покупали у производителя зерно и сами доставляли его к меновым дворам. Естественно, что подобные затраты должны были хотя бы отчасти компенсироваться, и этот аспект необходимо учитывать, давая оценку стоимости товара, реализуемого казной.

Рассуждающие о пользе мирных связей близкие к императору сановники призывали учитывать горские интересы, справедливо отмечая, «чтобы выгода, если мы допускаем её, была бы взаимная; надо, чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько и мы в его удержании. Достигнуть этого можно одною торговлею» [23, с. 211]. Но ведь и интересы русской стороны не должны игнорироваться, тем более что правительство рассчитывало в дальнейшем сделать ставку на частную инициативу в вопросе налаживания торговых контактов.

Ещё одной специфичной чертой местной торговли была гибкая модель урегулирования споров между сторонами торговых отношений. В случае обмана, ссоры и иного происшествия русские подданные должны нести наказание по решению государственных судебных органов, а горцы – на основании собственных обычаев. А. П. Тормасов прекрасно понимал, что, будучи формальными подданными империи, местные общества регламентировали свою жизнь по собственной традиции, и попытки повлиять на это с помощью навязывания чуждой воли могли лишь оттолкнуть горцев от России. Поэтому и практиковалась двойная система наказания, а чтобы соблюсти паритет интересов, предполагалось «разбирательство в спорах предоставить посредникам с обеих сторон, которого сами изберут» [18, с. 925].

Весьма дотошно проговаривались меры безопасности, связанные с опасением заразиться при общении продавца и покупателя друг с другом. Понимая, что, не осмотрев интересующий его товар, человек не примет решения приобретать его или нет, власти свели непосредственные переговоры к минимуму. Обе стороны находились за специальными ограждениями, где, не касаясь представленных вещей, визуально определяли их качество. Приняв решение произвести мену и получив покупку, её отдавали на обработку в карантин. Отдельно оговаривался осмотр скота, который также подвергался медицинскому освидетельствованию [18, с. 926].

Можно сетовать на бюрократизм и неповоротливость государственной системы, но, помня о реальной угрозе распространения эпидемии, следует признать оправданность принятых ограничительных мер. Этот фактор также необходимо учитывать, давая оценку стоимости предлагаемых казной товаров. Поддержание карантин в рабочем состоянии, оплата труда медиков приводили к удорожанию отпускаемых горцам соли и зерна.

Дополняли меновые дворы и соляные магазины ярмарки, проводимые на регулярной основе. К их началу съезжались все желающие принять участие в обмене и после карантинного очищения свободно обменивались между собой привезёнными товарами. Понимая, что сосредоточение такого количества материальных ценностей может спровоцировать набег «хищников», власти со своей стороны обеспечивали безопасность торговцев, присылая на ярмарку воинские отряды [18, с. 927].

Полученный результат внушал оптимизм. Даже допуская желание преувеличить свои достижения в глазах начальства, А. П. Тормасов рисовал весьма впечатляющую картину всеобщего удовлетворения от результатов торговых связей. По его словам, «меновые торги с горскими народами на линии Кавказской в назначенных пунктах действие своё восприяли». И русские, и горцы охотно повезли товары «на промен». На одном только Прохладненском дворе часто можно было видеть большое стечение торговцев, которые «...взаимно выменивают хлеб, лес, арбы, мед, воск и другие необходимые изделия при дружественном и искреннем с обеих сторон обхождении и обоюдной доверенности» [18, с. 928]. Любопытно, что в этом отчёте нет конкретных цифр от полученной выгоды. Акцент делается именно на социокультурные и политические достижения, которые, очевидно, больше всего интересовали Петербург.

В пользу меновых дворов говорит тот факт, что известны случаи, когда сами горцы просили российскую администрацию учредить их на своих землях. Например, абадзехи, считавшиеся «немирным» племенем, соглашались за свои средства содержать его для реализации леса в обмен на русскую соль. Они брали на себя гарантии безопасности, обещая прилагать все усилия, чтобы не допустить на своей земле злонамеренных предприятий против России [11, с. 267].

В качестве примера ущемления интересов автохтонных народов со стороны царской администрации нередко приводят ограничение на вывоз монет из золота и серебра. Империя действительно старалась не допустить потерю драгоценного металла, в котором ощущался дефицит. Но насколько это обременяло горцев и настолько ли они нуждались в деньгах как эквиваленте стоимости товара? Судя по тому, как описывал процесс торговли И. Д. Попко, потребность в них была невелика и явно уступала привычному и понятному для горцев обмену одной вещи на другую. Говоря о черкесах, он отмечал, что они старались запастись материей, посудой, различными бытовыми предметами, причём, оценивая их, исходили не из стоимости монеты, а именно из стоимости самого товара. В весьма непривычной схеме переговоров деньги могли дать приблизительное понимание стоимости, но затем всё решала субъективная оценка полезности предлагаемого продукта [24, с. 78]. При таком подходе попытка навязать местным

народам денежные расчёты могла оттолкнуть их от торговой практики, и существующие в рассматриваемый период правила обмена вполне устраивали обе стороны экономического взаимодействия.

По мере развития товарно-денежных отношений деньги всё шире стали проникать в горскую среду и их использование возросло [11, с. 269]. Такой способ расчёта не встречал противодействия со стороны властей. Нарекание вызывала косность чиновников, не успевавших подстраиваться под меняющуюся конъюнктуру рынка.

Развитие торговли в условиях Северного Кавказа потребовало значительной предварительной подготовки. Повышенный риск распространения эпидемий заставлял власти создавать многочисленные карантинные заставы, которые уменьшали опасность болезни, но осложняли коммерческие связи, ограничивали мобильность негоциантов. Одной из попыток минимизировать такие неудобства стало учреждение меновых дворов. Власти регламентировали процесс торговых контактов, вводили ограничения на продукцию, которую можно было использовать в военных целях, запрещали покупать у горцев их вещи за металлическую монету, но при этом готовы были снизить цены на соль, в которой остро нуждалось местное население.

Если первое время такой подход себя оправдывал, то в дальнейшем горцы предпочитали приобретать нужные товары без вмешательства государственных структур, в том числе и методом контрабанды.

Список источников

1. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Репринт. изд. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. 386 с.
2. *Дебу И.* О Кавказской линии и присоединённом к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселённых полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. С 1816 по 1826 год. СПб.: Тип. К. Крайя, 1829. 464 с.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1875. Т. VI, ч. 2. 950 с.
4. Записки А.П. Ермолова 1798–1826 / сост., подготовка текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. М.: Высшая школа, 1991. 463 с.
5. Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского / под ред. Н. Дубровина // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1890. Т. 73. 616 с.
6. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1874. Т. VI, ч. I. 941 с.
7. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1868. Т. II. 1238 с.
8. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска: в 2 т. Т. 2 : История войны казаков с закубанскими горцами. Екатеринодар, 1913. 880 с.
9. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 22. Оп. 1. Д. 9.
10. Русско-адыгейские торговые связи 1793–1860 гг. : сб. док. / сост. А.О. Хоретлев, Т.Д. Алферова. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1957. 180 с.
11. *Чекменев С.А.* Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века. Пятигорск: ПГУ, 2022. 368 с.
12. *Гарунова Н.Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. 275 с.
13. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год / сост. Л. Броссе. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1869. Ч. III. 621 с.
14. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (1ПСЗ). Т. 23 : С 1789 по ноябрь 1796. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 974 с.
15. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1873. Т. V. 1170 с.
16. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1.
17. Наш край (Документы, материалы. 1777–1917 гг.). Ставрополь: Кн. изд-во, 1977. 424 с.
18. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1870. Т. IV. 1113 с.
19. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 52.

20. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 659 с.
21. Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1962. 200 с.
22. 2ПСЗ. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1831. Т. 5. Отд. I. 1115 с.
23. «Надо, чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько и мы в его удержании». Князь Г.Г. Гагарин о политике России на Кавказе. 1844 г. / Публ. подгот. С.В. Солдатов и А.Л. Худобородов // Исторический архив. 2004. № 1. С. 208–214.
24. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы : в 2 ч. Краснодар: Советская Кубань, 1998. 192 с.

References

1. Bronevsky S. *The latest geographical and historical news about the Caucasus*. Reprint edition. Moscow, S. Selivanovsky Printing House, 1823. 386 p. (In Russ.).
2. Debu I. *About the Caucasian line and the Black Sea army attached to it, or general comments about the settled regiments protecting the Caucasian line, and about the neighboring mountain peoples. From 1816 to 1826*. St. Petersburg: K. Kray Printing House; 1829. 464 p. (In Russ.).
3. Berger A.P., ed. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis: Printing House of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus; 1875, vol. 6, part 2. 950 p. (In Russ.).
4. Fedorov V.A., comp. *Notes of A.P. Ermolova 1798-1826*. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 1991. 463 p. (In Russ.).
5. Dubrovin N., ed. *Papers of count Arseny Andreevich Zakrevsky. Collection of the Imperial Russian Historical Society*. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov Printing House; 1890, vol. 73. 616 p. (In Russ.).
6. Berger A.P., ed. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis: Printing House of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus; 1875, vol. 6, part 1. 941 p. (In Russ.).
7. Berger A.P., ed. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis: Printing House of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus; 1875, vol. 2. 1238 p. (In Russ.).
8. Shcherbina F.A. *History of the Kuban Cossack Army*. In 2 vols. Vol. 2: The history of the war between the Cossacks and the Trans-Kuban highlanders. Ekaterinodar, 1913. 880 p. (In Russ.).
9. *State Archive of the Stavropol Territory (SAST)*. Fund 22. In. 1. File 9. (In Russ.).
10. Khoretlev A.O., Alferova T.D., comp. *Russian-Adyghe trade relations 1793-1860*. Collection of documents. Maykop: Adyghe Book Publishing House; 1957. 180 p. (In Russ.).
11. Chekmenov S.A. *Socio-economic development of Stavropol and Kuban at the end of the 18th and first half of the 19th century*. Pyatigorsk: PSU Press; 2022. 368 p. (In Russ.).
12. Garunova N.N. *Russian fortified cities in the context of Russian policy in the North-East Caucasus in the 18th - first half of the 19th century: problems of political, economic, and cultural integration*. Makhachkala, 2007. 275 p. (In Russ.).
13. Butkov P.G. *Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803*. Compiled by L. Brosse. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences; 1869, part 3. 621 p. (In Russ.).
14. *Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. The first collection* (Hereinafter – 1CCL). Vol. 23: From 1789 to November 1796. St. Petersburg: Printing House of the Second Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1830. 974 p. (In Russ.).
15. Berger A.P., ed. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis: Printing House of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus; 1873, vol. 5. 1170 p. (In Russ.).
16. *SAST*. Fund 444. In. 1. File 1. (In Russ.).
17. *Our land (Documents, materials. 1777-1917)*. Stavropol: Book Publishing House; 1977. 424 p. (In Russ.).
18. Berger A.P., ed. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis: Printing House of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus; 1870, vol. 4. 1113 p. (In Russ.).
19. *SAST*. Fund 444. In. 1. File 52. (In Russ.).
20. Narochnitsky A.L., ed. *History of the peoples of the North Caucasus (end of the 18th century - 1917)*. Moscow: Nauka Publ.; 1988. 659 p. (In Russ.).
21. Kумыков Т.Х. *Involvement of the North Caucasus in the All-Russian market in the 19th century. (Based on materials from Kabardino-Balkaria, North Ossetia, and Checheno-Ingushetia)*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House; 1962. 200 p. (In Russ.).
22. 2CCL. St. Petersburg: Printing House of the Second Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1831. Vol. 5, dep. 1. 1115 p. (In Russ.).

23. Soldatov S.V., Khudoborodov A.L., publ. "It is necessary for a Caucasian to find as much benefit for himself in belonging to us as we do in keeping him." Prince G.G. Gagarin on Russian policy in the Caucasus. 1844. *Istoricheskii arkhiv = Historical Archive*. 2004;(1):208-214. (In Russ.).

24. Popko I.D. *Black Sea Cossacks in their civil and military life: essays on the region, society, armed forces, and service*. In 2 parts. Krasnodar: Sovetskaya Kuban' Publ.; 1998. 192 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.С. Ануфриенко – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии.

Information about the author

M.S. Anufrienko – Postgraduate Student of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 17.04.2024; принята к публикации 29.05.2024.
The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 17.04.2024; accepted for publication 29.05.2024.

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.18522/2687-0770-2024-2-45-53

МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ КАЗАЧЬЕЙ ВЕРХУШКИ ДОНА В XVIII ВЕКЕ

Андрей Вадимович Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Аннотация. Сложившаяся на Дону в XVII – XVIII вв. казачья верхушка со временем установила свое неформальное олигархическое правление. Во избежание конфликтов ее представители роднились друг с другом посредством брачных союзов. Прослеживаются такие союзы между детьми сменяющих друг друга атаманов. Смещение оппозиционной центральной власти атамана Степана Ефремова сопровождалось целой серией браков детей Ефремова с детьми его «оппонентов», чтобы расплыть сложившийся мощный клан. Следующим центром притяжения, с кем стремились породниться, стали семейство Иловайских и выдвинувшиеся вместе с новым атаманом А.И. Иловайским высшие должностные лица. Однако узкий круг верхушки, поддерживающей единство таким образом, стал причиной появления слабого, нежизнестойкого потомства. В конце XVIII – начале XIX в., когда роль казачьей верхушки на Дону понижается, а влияние государства усиливается, брачные союзы, в которые вступают ее представители, довольно сильно меняются.

Ключевые слова: казачья верхушка, брачные союзы, семья, клан, вырождение

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 124012200178-4.

Для цитирования: Венков А.В. Матримониальные связи казачьей верхушки Дона в XVIII веке // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 2. С. 45–53.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

MATRIMONIAL RELATIONS OF THE COSSACK ELITE OF THE DON IN THE 18th CENTURY

Andrey V. Venkov

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia
Andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Abstract. The Cossack elite that formed on the Don in the 17th-18th centuries eventually established their informal oligarchic rule. To avoid conflicts, its representatives became related to each other through marriage. Such unions can be traced between the children of successive atamans. The removal of the central government opposition ataman Stepan Efremov was accompanied by a whole series of marriages of Efremov's children with the children of his “opponents” to “disperse” the established powerful clan. The next center of attraction, with whom they sought to become related, was the Ilovaisky family and senior officials who moved forward together with the new ataman A.I. Ilovaisky. However, the narrow circle of the elite maintaining unity in this way became the reason for the emergence of weak, unviable offspring. At the end of the 18th - early 19th century, when the role of the Cossack elite on the Don was decreasing, and the influence of the state was increasing, the marriage unions into which its representatives entered changed quite a lot.

Keywords: Cossack elite, marriage unions, family, clan, degeneration

Acknowledgment: the publication was prepared as part of the implementation of the state task of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, grant project 124012200178-4.

For citation: Venkov A.V. Matrimonial Relations of the Cossack Elite of the Don in the 18th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(2):45-53. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Становление на Дону казачьей верхушки имело одну особенность. По мнению Е.П. Савельева, в конце первой половины XVII в. на Дону возник «класс домовитых граждан». Как считал историк, «явление это самое естественное и присущее народам всех стран» [1, с. 349]. С.Г. Сватиков к этому же времени относит зарождение термина «старшина»: «...с самого начала существования казачества его вожди – атаманы – отделялись и в жизни, и в актах эпохи от “рядового” казачества. По истечении полномочий атаманы возвращались в ряды товарищей, но сохраняли и вес, и влияние. В половине (вероятно, первой. – А. В.) XVII в. этих “знатных”, т.е. всем в войске известных казаков, стали называть “старшинами”» [2, с. 44].

Естественно, возникшая верхушка стремилась так или иначе скреплять созданное сообщество. Важнейшим инструментом при этом выступали семейные связи. Вообще наличие семьи в тот период характерно не для всех казаков Войска Донского. Так, О.Ю. Куц писал: «Каково было мерило состоятельности казака на Дону? На наш взгляд, это было наличие семьи – жены и детей. Ведь чтобы завести семью в экстремальной обстановке донской жизни, нужно было иметь определенное имущество и какой-то источник постоянного дохода» [3, с. 370]. Пользуясь семейными связями как инструментом, донская верхушка организовала, по мнению А.П. Пронштейна, «олигархическое правление старшин» [4, с. 228].

Расцвет этой системы относится ко второй половине XVIII – началу XIX в. «Так, характеризуя обстановку на Дону в конце XVIII – начале XIX в., военный инженер А.Л. де Романо отмечал, что вся власть в крае принадлежит 12–15 виднейшим фамилиям... В большинстве своем они были связаны родственными узами. В войсковой канцелярии, на должностях предводителей областного и окружных дворянских депутатов, судей, оказывались ближайшие родственники войсковых атаманов – братья, сыновья, племянники, свойственники, ближайшие друзья» [5, с. 147].

Историография определения донской старшины разнообразна – от заявления Е.П. Савельева, что старшина – это «маленькая группа людей, случайно выплывших на поверхность народной массы» [1, с. 438], группа «корыстных себялюбцев, испорченных растлевающим началом и политикой рабовладельческой России» [1, с. 436], до исследований С. Г. Сватикова, О.Ю. Куца, А.П. Пронштейна, Н.И. Никитина, А.В. Малова и П.А. Авакова [2–4, 6, 7]. Очень интересна и статья В.Н. Королева [8], однако в ней примеры из семейной жизни донской казачьей верхушки относятся лишь к XIX в.

Источником для нашего исследования послужили материалы ГАРО, многочисленные послужные списки, содержащие данные не только о службе, но и о семейном положении, благосостоянии и уровне грамотности их составителей. Полезной оказалась и серия «Генеалогия и семейная история донского казачества» С.В. Корягина и др.

Судя по этим данным, скрепленные матримониальными связями кланы появились на Дону еще в первой половине XVII в. Среди потомственных казаков упоминают Родиона Калуженина, Кирея Чюрносова, Павла Чекунова, детей Тимофея Рази [8, с. 78]. В 1632 г. отписку с отказом присягать на верность царю везут в Москву Максим Наумов и его сын Иван [8, с. 78]. Подобные связи (отец – сын) среди донских верхов, как видим, существовали и ранее.

На рубеже XVII – XVIII вв. отдельные лица удерживают власть в своих руках десятилетиями. Корнила Яковлев был атаманом 7 раз. Фрол Минаев атаманствовал 20 лет. Старшины и домовитые казаки г. Черкаска и низовых станиц «стали брать в управление войском засилье» [1, с. 412]. После Азовских походов Петра I «Донским Войском стала управлять кучка преданных Москве старшин во главе с войсковым атаманом. Их поддерживали 11 черкасских станиц и низовые городки, а также постоянно пребывавший в Черкасске гарнизон от 2 до 5 тыс. человек» [1, с. 396]. О каких-либо родственных связях внутри указанной «кучки» не упоминается. Прослеживается лишь преемственность: отец – сын.

После Булавинского бунта Петр I, судя по всему, старался держать донскую верхушку в узде, ей особо не доверяя. В 1709 г. были казнены атаман Зерщиков и старшина Соколов. А атаманом лично царем был назначен Петр Емельянович Рамазанов.

В 1715 г. Рамазанов умер. Следующие атаманы избирались уже не всем кругом, «а старшинами и казаками близлежащих станиц, единомышленниками старшин» [1, с. 413]. «С этого времени атаман и старшины присвоили себе право распоряжаться, с утверждения Военной коллегии, в ведение которой с 1721 г. перешло Войско Донское, всеми делами Дона: ... раздавать награды, в том числе почетное звание старшины... В этот круг иногда, в особо важных делах, приглашались атаманы станиц и выборные старики, по два от каждой» [1, с. 413]. Когда группа людей, неформальных лидеров, распоряжается распределением материальных благ (наград) и почетных званий, в свою очередь, гарантирующих благосостояние, то велик риск им рассориться, и необходимость дополнительных скреп возрастает.

После смерти Рамазанова атаманом назначается Максим Кумшацкий (хотя большинство голосов старшин получил Василий Фролов). Но уже на следующий год потомки знаменитого Фрола Минаева возвращаются к власти. В 1716 г. атаманом становится Максим Фролов, в 1717 г. – Василий Фролов [1, с. 411]. Василий Фролов был атаманом до 1723 г., до конца жизни. На атаманскую должность избирается Иван Матвеевич Краснощеков, но, так как он находился под судом, царь назначил атаманом Андрея Лопатина [1, с. 412], который продержался у власти более 10 лет и в 1735 г. умер. Атаманом стал Иван Иванович Фролов.

Фроловы, вернувшиеся ненадолго к атаманской власти, занимают всё это время высокие посты. Иван Васильевич Фролов – внук Фрола Минаева и сын Василия Фролова, старшинский чин имел с 1729 г., русское армейское звание бригадира – с 5 сентября 1739 г. В 1733–1735 гг. он был походным атаманом в Низовом корпусе, полковником при осаде Азова в 1736 г., походным атаманом в Крымском походе 1736 г., Очаковском походе 1737 г., Днестровском 1738 г., Хотинском 1739 г. Умер и похоронен в Воронеже в 1742 г. [9, с. 297].

Иван Иванович Фролов – внук Фрола Минаева, сын Ивана Фроловича Фролова, зять Андрея Ивановича Лопатина (вот первый искомый нами пример!), служил с 1728 г., старшиной стал в 1732 г. и сразу же – походным атаманом в Низовом корпусе. В 1735–1738 гг. – войсковой наказной атаман. Будучи атаманом, он командовал Войском Донским во время осады Азова 1736 г. и Кубанского похода 1737 г. [9, с. 327]. Итак, предыдущий и последующий атаманы – тещь и зять.

В 1738 г. атаманом назначается Данила Ефремович Ефремов, при котором атаманская власть на Дону чуть ли не стала наследственной.

По мужской линии род Фроловых пресекался, но желание родниться с ними было велико.

Михаил Сидорович Себряков, родившийся в годы атаманства Ивана Ивановича Фролова, сын заслуженного «царского разыщика», получивший звание старшины с момента поступления на службу, полковник русской службы и впоследствии бригадир, был женат на Анне Ивановне Фроловой, дочери походного атамана Низового корпуса, старшины Ивана Васильевича Фролова, правнучке и единственной наследнице Фрола Минаева [10, с. 17–18].

Но Себряковы авторитет и царскую милость утратили. Как говорилось в послужном списке Михаила Себрякова, «хотя в штрафах и не бывал, но во время продолжавшегося пугачевского бунта в самое приближение оной толпы в Медведицкие станицы, оставя врученную ему команду, сказавшись больным, отлучился и по долгу своей присяги против тех злодеев поисков не чинил, за что был под следствием и содержан был скованный под арестом, а напослед он по высочайшему именному Ея Имп. Вел. указу в том прощен» [11, л. 43–44].

Второй случай династического брака имел место между семьями атаманов Данилы Ефремова и Андрея Лопатина. Ефремов женил сына от первого брака Степана на дочери Лопатина Евдокии Андреевны.

Сам Данила Ефремов был женат дважды. Причем его вторая жена, Мария Ивановна, намекала в челобитной, что Степан причастен к смерти своей матери, написав, что «первая жена помянутого мужа ея, в небытность отца его в Черкасске, весь вечер сидела с ним, сыном своим, а поутру найдена за печью мертвая» [12, с. 904].

Евдокия Андреевна (вдова И.И. Фролова) стала второй женой Степана Ефремова. Судьба его первой жены, Анны Кирилловны, неизвестна. Династический брак Степана Ефремова, заключенный в 1743 г., был неудачен. Возможно, какую-то роль сыграли уход от власти атамана Лопатина, а также предыдущее замужество Евдокии Андреевны за бывшим войсковым наказным атаманом И. И. Фроловым. Народу было явлено, что супруга Степана Ефремова в отсутствие мужа «впала в прелюбодейный грех» с крестником своего свекра «человеком армянской природы Николаем Даниловым» [8, с. 92].

Мачеха Степана Ефремова, Мария Ивановна, в свою очередь, заявляла, что «також и жену свою без всякой законной причины и судов духовнаго и гражданскаго выгнал он из дома, которая поныне скитается по Малороссии» [12, с. 904]. Если духовный суд мог узаконить развод, то гражданский делил имущество. То есть супруга была изгнана без официального развода и без имущества, после чего Степан Ефремов женился на базарной торговке, славящейся своей красотой. Возможно, скандал, подставляющий несчастную Евдокию Андреевну и «человека армянской природы», был инспирирован самим Степаном Даниловичем.

После смерти Данилы Ефремова сенат разбирал челобитную его вдовы, Марии Ивановны, что ее пасынок, Степан Данилович, обобрал ее, подделав духовное завещание умирающего отца. От ее имени тяжбу вел Федор Иванович Краснощеков, первый генерал-майор среди донских казаков.

П. А. Аваков пишет, что Данила Ефремович Ефремов и Иван Матвеевич Краснощеков, два наиболее заслуженных старшины, вместе боролись против третьего претендента в атаманы – И.И. Фролова – и уверяли власть, что, если одного из них поставят атаманом, другой обижаться не будет. В 1737 г. Данила Ефремов женился на Марии Ивановне (еще не будучи атаманом), а затем «с апреля 1738 года высшая войсковая власть на Дону представляла собой дуумвират: функции военного предводителя войска взял на себя бригадир Краснощёков, а в ведении войскового атамана Ефремова остались административно-хозяйственные дела. Причем иерархическое старшинство принадлежало всё же Краснощёкову, находившемуся вне юрисдикции войскового атамана» [7, с. 120]. Нет ли здесь косвенного доказательства, что перед нами очередной династический брак, заключенный с целью прихода к власти Данилы Ефремова, а генерал Федор Иванович Краснощеков после смерти Данилы защищал интересы своей родной сестры?

Интересно, что подрыв в войске позиций и авторитета арестованного самовольного атамана Степана Ефремова тоже произошел через серию организованных браков.

Его старшая дочь, Марфа Степановна, была отдана замуж за Алексея Федоровича Краснощекова, сына боровшегося со Степаном Даниловичем Федора Ивановича Краснощекова.

Вторая дочь, Надежда Степановна, вступила в брак с начинавшим карьеру Матвеем Ивановичем Платовым, который явился из полка, венчался на Масленной неделе, а в пост уехал обратно в полк дослуживать [13, с. 70].

Младшая дочь, Мария Степановна, была выдана замуж за Василия Акимовича Машлыкина [14, с. 23], который еще в 1738 г. «за службу отца» был произведен в войсковые старшины. Он же после смещения атамана Степана Ефремова занял пост войскового наказного атамана (1772–1773) и в 1783 г. ездил в столицу с уверениями, что Дон верен престолу. Сборник, посвященный Машлыкиным, подтверждает этот факт со ссылками на Л.М. Савёлова и А.А. Кириллова [15, с. 6]. Если информация верна и такой «мезальянс» действительно имел место, то с дочками опального атамана обошлись очень жестоко.

Старший сын атамана Ефремова, Данила Степанович, поднялся по служебной лестнице не выше полковника, а женат был на Авдотье Акимовне Карповой [14, с. 23]. Карповы на тот момент не были потомственными старшинами. Лишь в начале XIX в., при атамане М.И. Платове, они набрали силу, один из них во время Бородинского сражения командовал казаками на левом фланге русской армии.

Младший сын Ефремова, Степан Степанович, был лучше образован, чем его старший брат, который умел лишь читать и писать [16, л. 218 об.]. Степан Степанович знал российскую грамоту, географию, арифметику, риторику, мог читать по-немецки и на латыни [16, л. 45]. И женился он в 1783 г. на Ульяне Алексеевне Иловойской, дочери генерала от кавалерии и нового войскового атамана. «Согласие на этот брак, кстати, его мать, Меланья Карповна, просила че-

рез Алексея Ивановича Иловайского у своего мужа, проживавшего в Петербурге» [17, с. 206]. Впрочем, генеральского чина он тоже не выслужил и умер, не дожив до 45 лет, хотя ни разу не был ранен.

После отстранения от власти атамана Степана Ефремова донская олигархическая верхушка не меняется, вместе с Ефремовым никто не пострадал, не был подвергнут репрессиям. Сохранилась и традиция поддерживать единство старшин через матримониальные связи. С середины 1770-х гг. центром притяжения становятся атаман Алексей Иванович Иловайский с семьей и его чиновные братья, Дмитрий и Василий. Вторым человеком в войске был неперемный войсковой судья Дмитрий Мартынов, таким же неперемным судьей стал отличившийся против Пугачева Амвросий Луковкин, выходец из казачьей семьи. Но когда он занял высокий пост, многие потомственные старшины захотели с ним породниться. В верхушку входил и войсковой дьяк Иван Артемович Янов.

Если мы вспомним тех, чьи предки или они сами когда-либо занимали пост войскового или наказного атамана, а кто-то из них или его потомков стал генералом, то определится следующий достаточно узкий круг лиц: Иловайские, Мартыновы, Яновы, Краснощековы, Сулины, Кутейниковы, Грековы, Поздеевы. Эта верхушка состояла из жителей «столичного города» Черкаска.

Второй многочисленный клан – «провинциалы» Денисовы, выходцы со Среднего Дона, Пятиизбянской или Нижне-Чирской станиц. Их представитель, Федор Петрович, официально по послужному списку числился в 1779 г. вторым человеком в войске после А.И. Иловайского, он же стал первым графом из донских казаков и генералом от кавалерии.

Что касается черкасской верхушки, то сам Алексей Иванович Иловайский был женат на Анне Андреевне Звягиной, но потомственный старшина Григорий Андреевич Дячкин смело писал, что атаман женат на его родной сестре, в девичестве Дячкиной.

Дмитрий Иванович Иловайский обвенчался в 1763 г. с Евдокией Тимофеевной Грековой. Василий Иванович Иловайский выдал дочь, Дарью Васильевну, за Гаврилу Луковкина, сына войскового судьи Амвросия. Сам Амвросий женат был на сестре донского атамана Алексея Ивановича Иловайского. Дмитрий Мартынович Мартынов с 24 сентября 1752 г. был женат на дочери войскового старшины, Марине Гавриловне Грековой. Его дочь Марфа выходила за потомственного старшину Кирсанова, а потом, овдовев, стала второй супругой атамана Матвея Ивановича Платова, а дочь Василиса – супругой генерал-лейтенанта Николая Васильевича Иловайского. Третья дочь, Васса Дмитриевна, вышла за генерал-майора Петра Ивановича Янова. Степан Евдокимович Греков женился на атаманской дочери, Марии Алексеевне Иловайской, а его племянница, Евдокия Дмитриевна, вышла за генерал-майора Осипа Васильевича Иловайского [18, с. 11–17].

Генерал-майор Степан Ефимович Кутейников женился на генерал-майорской дочери, Марье Амвросиевне Луковкиной, полковник Кумшацкий – на Евдокии Амвросиевне, а полковник Гревцов – на Екатерине Амвросиевне.

Интересна попытка связать черкасский и пятиизбянский кланы через брачный союз.

Василий Петрович Орлов, чей предок, Михаил Патрикеевич, явился на Дон лишь при Петре I, во время стрелецкого бунта, но добился чина старшины и поселился в Черкасске, стал потомственным старшиной и первым командиром придворной команды, развернутой впоследствии в лейб-гвардии казачий полк. Венцом карьеры Василия Петровича стал чин генерала от кавалерии и должность войскового атамана, которую он занял в 1797 г. после смерти А.И. Иловайского.

Василий Петрович Орлов женился на единственной дочери генерала от кавалерии и графа Федора Петровича Денисова – Дарье Федоровне. Она родила ему трех детей: Екатерину, Наталью и Василия и умерла. Поскольку Федор Петрович Денисов не имел более наследников мужского пола, титул он передал внуку Василию Васильевичу, который стал графом Орловым-Денисовым.

Сам же Василий Петрович Орлов после смерти жены укрепил свои позиции в черкасском клане, женившись на Екатерине Дмитриевне Иловайской, племяннице войскового атамана, которая родила ему еще шестерых детей.

Брачные связи внутри достаточно узкого круга донской верхушки в конце XVIII – начале XIX в. стали вызывать определенную настороженность.

Вот как писал историк донского дворянства Л.М. Савёлов о двоюродном брате Ф.П. Денисова – Илье Федоровиче: «И. Ф. имел четырех сыновей: Григория, Михаила, Кондратия и Авксентия. Первые трое были старшинами, а Авксентий Ильич имел чин армии полковника. Потомство осталось после Авксентия Ильича» [цит. по: 19, с. 25]. Действительно, многие из отпрысков донской верхушки не оставляли потомства и жили недолго. А сын Степана Ефремова Данила, достигнув 39-летнего возраста, не помнил, сколько ему лет [16, л. 218 об.]. И сын Данилы – Степан – застрелился в 18 лет [17, с. 208].

Сокращается количество старшин Поздеевых. Сын Осипа Михайловича Поздеева, поручик Василий Осипович Поздеев, получил в наследство имение своего бездетного дяди, Григория Михайловича Поздеева, но в 1820 г. Василий Осипович умирает таким же бездетным, и все его наследство переходит двоюродной сестре, Елизавете Дмитриевне Поздеевой (в замужестве Сулиной) [20].

Де Романо, военный инженер, побывавший на Дону в самом начале XIX в., писал: «Началось физическое вырождение казачьего типа... Люди богатые почти перестали жениться на хохлушках, татарках, калмычках и великорусских крестьянках» [21, с. 33].

Естественно, донские казаки имели представление, что такое инбридинг. Видимо, оставалось и желание подстраховаться. Но жены-татарки и жены-турчанки во второй половине XVIII в. стали единичным явлением. Во многих архивных делах за этот период автором обнаружен лишь один случай в послужном списке за 1797 г. – Петр Яковлевич Желтоножкин, 29 лет, из капитанских детей, крестьян и подданных не имеет. «Женат на выкрещенной из магометанского закона плененной под Анапой турчанке, байрактарской дочери, по введению в веру христианскую названной Марьей Александровной, детей не имеет» [22, л. 60].

Забываясь о здоровом потомстве, донская элита чаще женилась на гречанках. Так, уже упоминавшийся Иван Матвеевич Краснощекков был женат на Евдокии Федоровне Колокотрони.

Григорий Михайлович Поздеев, бравший в плен Железняка, сражавшийся против Пугачева, бывший с 1790 г. походным атаманом на Кавказе, был «женат на греческой дочери Дарье Егоровне» [16, л. 40].

Петр Иванович Платов отмечал в послужном списке, что жена его – «дочь бригадира Салунского гречанка» [16, л. 88].

Некие метания заметны у Андрея Дмитриевича Мартынова, генерал-лейтенанта, сына важного человека в войске – неперменного войскового судьи Дмитрия Мартыновича Мартынова. Первой женой Андрея Дмитриевича стала дочь греческого купца, Екатерина Егоровна Мержанова, второй – Евдокия Васильевна Манькова, дочь человека, входящего в черкасскую элиту, третьей – Прасковья Петровна Бачманова, русская дворянка [23, с. 29].

Видимо, выслужив генеральские чины и получив от родителей достаточное состояние (Андрей Дмитриевич Мартынов имел по 5-й ревизии 14 крестьян, 501 малороссиянина мужского пола) [16, л. 1 об.], дети донской верхушки стали искать связи в более высоких «сферах».

Показательны в этом отношении матримониальные связи графа Василия Васильевича Орлова-Денисова, который был женат на графине Марии Алексеевне Васильевой, дочери министра финансов.

Его первый сын, граф Федор Васильевич, генерал-лейтенант, женился на графине Елизавете Алексеевне Никитиной, дочери генерала от кавалерии; второй сын, Николай Васильевич, полковник, – на Наталье Алексеевне Шидловской; третий сын, Михаил Васильевич, камергер, – на Елене Ивановне Чертковой. Дочери тоже удачно вышли замуж: Софья Васильевна – за графа Владимира Петровича Толстого, генерал-майора; Надежда Васильевна – за Михаила Андреевича Катенина, генерал-майора, полковника лейб-гвардии Преображенского полка; Любовь Васильевна – за князя Николая Петровича Трубецкого, тайного советника [24, с. 23–24].

Но Аксен Ильич Денисов из мощного пятиизбянского клана женился на Александре Андреевне Сулиной [19, с. 35] из черкасского клана, он единственный из четырех братьев имел детей.

Подобные тенденции стали возникать и в черкасском клане. Сын атамана, Лев Алексеевич Иловайский, выбрал в жены литовскую дворянку из рода Нарбут [25, с. 26]. Внук Андрея

Дмитриевича Мартынова, Дмитрий Алексеевич, женился на Елизавете Семеновне Суджеловской [23, с. 32]

Василий Петрович Орлов свою дочь, Екатерину Васильевну, выдал за графа Павла Петровича Палена, а остальные трое детей породнились с членами клана: Наталья Васильевна вышла за генерал-майора Алексея Васильевича Машлыкина, Петр Васильевич женился на внучке атамана Иловайского, Лидии Львовне, а Василий Васильевич – на дочери генерал-майора Луковкина, Ольге Гавриловне. Но вот племянник, Иван Алексеевич, генерал-лейтенант, женился на дочери такого же генерал-лейтенанта, Еликониде Петровне Мусиной-Пушкиной [24, с. 6–11].

Из общего строя выпадает Адриан Карпович Денисов, член мощного «провинциального» клана. В отличие от подавляющего большинства своих сверстников он умел читать и писать по-французски и знал «часть математики». Женат он был на офицерской дочери из рода Персиановых [16, л. 95]. Впоследствии сверстники называли его «учителем военных правил», он стал генерал-лейтенантом и войсковым атаманом. Его единственная дочь, Екатерина Адриановна Денисова, в 1806 г. вышла замуж за Ивана Афанасьевича Егорова, который был «внуком грека» [26, с. 21], служил в лейб-казацком полку и дорос до полковника.

Не торопились или не смогли вписаться через матримониальные связи в черкасскую элиту многие выходцы из казаков, получившие полковничьи и даже генеральские чины при императоре Павле I.

В отличие от Луковкина, Киреева и Кумшацкого, которые бросились жениться на генеральских дочерях и дочерях потомственных старшин, генерал-майоры Захар Евстратович Сычов, Иван Степанович Родионов, Иван Козьмич Краснов выбрали простых казачек.

По мере смены приоритетов, более тесного включения войска в российскую армейскую структуру, более жесткого контроля над войском со стороны высшей российской власти роль казачьей верхушки слабела.

Матримониальные связи между старыми родами прослеживаются и в начале XIX в. Правнучки и правнучки Дмитрия Мартыновича Мартынова рождаются с Поздеевыми, Луковкиными, Сысоевыми, Миллерами. Но два последних, хотя и имеют завидные чины, все же «люди второго плана» в черкасском клане.

Таким образом, в момент формирования донской казачьей верхушки большую роль играли матримониальные связи внутри этого сообщества. Они были инструментом ее сплочения, хотя из-за узкого круга брачующихся довольно быстро стали проявляться признаки инбридинга (вырождения). По мере включения Войска Донского в российскую государственность роль таких браков заметно понизилась, а представители донской элиты все чаще стали рождаться с представителями общероссийской верхушки.

Список источников

1. Савельев Е.П. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. Историческое исследование: в 3 ч. Репринт. воспроизведение изданий 1915–1918 гг. Ростов н/Д., 1990. С. 315–446.
2. Сватиков С.Г. Россия и Дон. История донского казачества 1549–1917. Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. М.: Центрполиграф, 2023. 623 с.
3. Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 456 с.
4. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1961. 375 с.
5. Агафонов А.И. История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). Ростов н/Д.: Приазовский край, 2001. 382 с.
6. Малов А.В., Никитин Н.И. Российское казачество на заре своей истории (XV – XVII века): исследования, справочные материалы, источники. М.: Снежный ком, 2023. 758 с.
7. Аваков П.А. Элита Войска Донского в 1738 году: борьба за войсковую насаку // Донской временник. Год 2013-й. Ростов н/Д.: Донская гос. публ. библиотека, 2012. Вып. 21. С. 118–124.
8. Королев В.Н. Брак и семья у донских казаков // Абрамов М.Ю., Вальдин А.С., Королев В.Н., Корягин С.В. Астаховы и другие // Генеалогия и семейная история донского казачества. М.: Русаки, 2001. Вып. 16. С. 73–104.
9. Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738: сб. док. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2017. 484 с.

10. Жильцов А.А., Жуков И.В., Корягин С.В. Сербиновы и другие // Генеалогия и семейная история донского казачества. М.: Русаки, 2006. Вып. 57. 128 с.
11. Послужные списки генералов и офицеров (войскового атамана Иловайского, генерал-майора Ф. Денисова, полковника Иловайского и других). 1775–1779 // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 40.
12. Сенатский архив. Т. 15 : Указы и повеления императрицы Екатерины II за 1765 год. СПб.: Сенатская типография, 1913. 1136 с.
13. Венков А.В. Атаман Войска Донского Платов. М.: Вече, 2008. 480 с.
14. Корягин С.В. Ефремовы и другие // Генеалогия и семейная история донского казачества. М.: Русаки, 2002. Вып. 26. 120 с.
15. Корягин С.В. Машлыкины и другие // Генеалогия и семейная история донского казачества. М.: Русаки, 2004. Вып. 46. 128 с.
16. Послужные списки генералов, полковников, подполковников и премьер-майоров. 1797 г. // ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 41.
17. Жукова Л.М. Родовое кладбище Ефремовых // Изв. Рост. обл. музея краеведения. 2006. Вып. 13. С. 202–213.
18. Корягин С.В. Грековы // Генеалогия и семейная история донского казачества. М.: Русаки, 2003. Вып. 42. 128 с.
19. Корягин С.В. Денисовы и другие // Генеалогия и семейная история донского казачества. М.: Русаки, 2001. Вып. 20. 120 с.
20. URL: <https://bibliokashary.ru/istoricheskaya-spravka-lyudi-sobytiya-daty/2-uncategorised/797-pozdeevy> (дата обращения: 04.02.2024).
21. Черкасск и Войско Донское в 1802 г. по описанию Де Романо / сост. М.К. Калмыков. Новочеркасск: Тип. Ф.М. Туникова, 1896. 42 с.
22. Послужные списки генералов, полковников, подполковников и премьер-майоров. 1796 г. // ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 40.
23. Королев В.Н., Корягин С.В. Мартыновы, Бобриковы и другие // Генеалогия и семейная история донского казачества. М.: Пробел, 1999. Вып. 5. 96 с.
24. Корягин С.В. Орловы-Денисовы и другие // Генеалогия и семейная история донского казачества. М.: Русаки, 2002. Вып. 27. 120 с.
25. Корягин С.В. Иловайские и другие // Генеалогия и семейная история донского казачества. М.: Русаки, 2001. Вып. 17. 120 с.
26. Корягин С.В., Линников Б.Б. Линниковы и другие // Генеалогия и семейная история донского казачества. М.: Русаки, 2002. Вып. 24. 120 с.

References

1. Saveliev E.P. *The history of the Cossacks from ancient times to the end of the 18th century. Historical research*: in 3 parts. Reprint reproduction of editions from 1915-1918. Rostov-on-Don, 1990:315-446. (In Russ.).
2. Svatikov S.G. *Russia and the Don. The history of the Don Cossacks 1549-1917. Studies on the history of state and administrative law and political movements on the Don*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2023. 623 p. (In Russ.).
3. Kutz O.Yu. *Don Cossacks in the period from the capture of Azov to the speech of S. Razin (1637-1667)*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ.; 2009. 456 p. (In Russ.).
4. Pronstein A.P. *Don Land in the 18th century*. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov University; 1961. 375 p. (In Russ.).
5. Agafonov A.I. *The history of the Don region (16th - first half of the 19th century. Historical sources and their study)*. Rostov-on-Don: Priazovsky krai Publ.; 2001. 382 p. (In Russ.).
6. Malov A.V., Nikitin N.I. *Russian Cossacks at the dawn of their history (15th-17th centuries): research, reference materials, sources*. Moscow: Snezhnyi kom Publ.; 2023. 758 p. (In Russ.).
7. Avakov P.A. The elite of the Don Army in 1738: the struggle for the military insect. *Donskoi vremennik = The Don Time Book. The year 2013*. Rostov-on-Don: Don State Public Library Press; 2012;(21):118-124. (In Russ.).
8. Korolev V.N. Marriage and family among the Don Cossacks. Abramov M.Yu., Val'din A.S., Korolev V.N., Koryagin S.V. Astakhovs and others. *Genealogy and family history of the Don Cossacks*. Moscow: Rusaki Publ.; 2001;(16):73-104. (In Russ.).
9. *Journals of the Crimean campaigns of the Russian Army 1735-1738*: collection of reports. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Press; 2017. 484 p. (In Russ.).
10. Zhil'tsov A.A., Zhukov I.V., Koryagin S.V. Serbinovs and others. *Genealogy and family history of the Don Cossacks*. Moscow: Rusaki Publ., 2006;(57). 128 p. (In Russ.).

11. Service lists of generals and officers (military ataman Ilovaisky, Major General F.N. Denisov, Colonel Ilovaisky and others). 1775-1779. *State Archive of the Rostov Region (SARR)*. Fund 46. In. 1. File 40. (In Russ.).
12. *Senate Archive. Vol. 15. Decrees and orders of Empress Catherine II for 1765*. St. Petersburg: Senate Printing House; 1913. 1136 p. (In Russ.).
13. Venkov A.V. *Ataman of The Don Army Platov*. Moscow: Veche Publ.; 2008. 480 p. (In Russ.).
14. Koryagin S.V. Efremovs and others. *Genealogy and family history of the Don Cossacks*. Moscow: Rusaki Publ., 2002;(26). 120 p. (In Russ.).
15. Koryagin S.V. Mashlykins and others. *Genealogy and family history of the Don Cossacks*. Moscow: Rusaki Publ., 2004;(46). 128 p. (In Russ.).
16. Service lists of Generals, Colonels, Lieutenant Colonels, and Prime Majors. 1797. *GARO*. Fund 344. In.1. File 41. (In Russ.).
17. Zhukova L.M. Efremov Family cemetery. *Proceedings of the Rostov Regional Museum of Local Lore*. 2006;(13):202-213. (In Russ.).
18. Koryagin S.V. Grekovs. *Genealogy and family history of the Don Cossacks*. Moscow: Rusaki Publ., 2003;(42). 128 p. (In Russ.).
19. Koryagin S.V. Denisovs and others. *Genealogy and family history of the Don Cossacks*. Moscow: Rusaki Publ., 2001;(20). 120 p. (In Russ.).
20. Available from: <https://bibliokashary.ru/istoricheskaya-spravka-lyudi-sobytiya-daty/2-uncategorised/797-pozdeevy> [Accessed 4th February 2024]. (In Russ.).
21. Kalmykov M.K. *Cherkassk and the Don Army in 1802 according to De Romano description*. Novocherkassk: F.M. Tunikov Printing House; 1891. 42 p. (In Russ.).
22. Service lists of Generals, Colonels, Lieutenant Colonels, and Prime Majors. 1796. *SARR*. Fund 344. In. 1. File 40. (In Russ.).
23. Korolev V.N., Koryagin S.V. Martynovs, Bobrikovs and others. *Genealogy and family history of the Don Cossacks*. Moscow: Probel Publ., 1999;(5). 96 p. (In Russ.).
24. Koryagin S.V. Orlov-Denisovs and others. *Genealogy and family history of the Don Cossacks*. Moscow: Rusaki Publ., 2002;(27). 120 p. (In Russ.).
25. Koryagin S.V. Ilovaisky and others. *Genealogy and family history of the Don Cossacks*. Moscow: Rusaki Publ., 2001;(17). 120 p. (In Russ.).
26. Koryagin S.V., Linnikov B.B. Linnikovs and others. *Genealogy and family history of the Don Cossacks*. Moscow: Rusaki Publ., 2002;(24). 120 p. (In Russ.).

Информация об авторе

A.V. Венков – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории казачества.

Information about the author

A.V. Venkov – Doctor of Science (History), Professor, Main Researcher of the Laboratory of the Cossacks.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 29.04.2024; принята к публикации 29.05.2024.
The article was submitted 08.04.2024; approved after reviewing 29.04.2024; accepted for publication 29.05.2024.

Научная статья

УДК 94

doi: 10.18522/2687-0770-2024-2-54-58

АЛЕКСАНДР РУБЕНОВИЧ ХАНАМИРОВ – ОСНОВАТЕЛЬ ШКОЛЫ ОТОРИНОЛАРИНГОЛОГИИ В РОСТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ МЕДИЦИНСКОМ ИНСТИТУТЕ

Сергей Сергеевич Козлов^{1✉}, Вера Александровна Лебеденко²,
Наталья Евгеньевна Рылова³

^{1, 2, 3} Ростовский государственный медицинский университет Минздрава РФ,
Ростов-на-Дону, Россия

¹ sid.220788@bk.ru ✉, <https://orcid.org/0009-0004-5205-9060>

² aianamy@list.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5541-6128>

³ rlesya55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6177-0557>

Аннотация. Рассматриваются становление и развитие оториноларингологии в Ростовском государственном медицинском институте, которые тесно связаны с именем выдающегося ученого, доктора медицинских наук Александра Рубеновича Ханамирова.

Свою работу в оториноларингологии будущий ученый начал в поликлинике Северо-Кавказской железной дороги. С февраля 1938 г. его трудовая и научно-педагогическая деятельность связана с лор-клиникой РГМИ. В годы Великой Отечественной войны А.Р. Ханамиров был главным оториноларингологом Калининского и Первого Прибалтийского фронтов, в 1953 г. – заведующим кафедрой оториноларингологии. В 1959 г. ему присваивают ученое звание профессора. С тех пор в зоне внимания А.Р. Ханамирова – постдипломная подготовка врачей, организация специализированных отделений в системе здравоохранения области и города. Его научные труды посвящены проблеме хирургического лечения различных форм тугоухости, разработке нового способа лечения отосклероза.

Ключевые слова: история медицины, А.Р. Ханамиров, оториноларингология, РГМИ, лор-клиника, хирургия, отосклероз, тугоухость, анатомия

Для цитирования: Козлов С.С., Лебеденко В.А., Рылова Н.Е. Александр Рубенович Ханамиров – основатель школы оториноларингологии в Ростовском государственном медицинском институте // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 2. С. 54–58.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ALEXANDER RUBENOVICH KHANAMIROV IS THE FOUNDER OF THE SCHOOL OF OTORHINOLARYNGOLOGY AT THE ROSTOV STATE MEDICAL INSTITUTE

Sergey S. Kozlov^{1✉}, Vera A. Lebedenko², Natalia E. Rylova³

^{1, 2, 3} Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia

¹ sid.220788@bk.ru ✉, <https://orcid.org/0009-0004-5205-9060>

² aianamy@list.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5541-6128>

³ rlesya55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6177-0557>

Abstract. The formation and development of otorhinolaryngology at the Rostov State Medical Institute, which is closely connected with the name of the outstanding scientist, Doctor of Medical Sciences Alexander Rubenovich Khanamirov, are considered.

The future scientist began his work in otorhinolaryngology at the clinic of the North Caucasus Railway. Since February 1938, his working and scientific-pedagogical activities have been associated with the ENT clinic of the Russian State Medical Institute. During the Great Patriotic War, A.R. Khanamirov was the chief

otorhinolaryngologist of the Kalinin and First Baltic fronts, and in 1953 he was the head of the department of otorhinolaryngology. In 1959 he was awarded the academic title of professor. Since then, the A.R. Khanamirov attention - postgraduate training of doctors, organization of specialized departments in the healthcare system of the region and city. His scientific works are devoted to the problem of surgical treatment of various forms of hearing loss and the development of a new method of treating otosclerosis.

Keywords: history of medicine, A.R. Khanamirov, otorhinolaryngology, RSMI, ENT clinic, surgery, otosclerosis, hearing loss, anatomy

For citation: Kozlov S.S., Lebedenko V.A., Rylova N.E. Alexander Rubenovich Khanamirov is the Founder of the School of Otorhinolaryngology at the Rostov State Medical Institute. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(2):54-58. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Становление оториноларингологии как науки и клинического раздела медицины в г. Ростове-на-Дону связано с быстрым социально-экономическим повышением города и появлением в нем высшей медицинской школы.

На рубеже XIX – XX вв. Ростов-на-Дону является уездным городом на территории области Войска Донского. Его бурное развитие было обусловлено возрастанием роли аграрного сектора, промышленности, транспорта, угледобычи в бассейне Восточного Донбасса.

Увеличивалось население, равно как и потребность в оказании ему современной медицинской помощи, что диктовало необходимость развития в городе больничной базы.

В то время городская больница, построенная на средства благотворителей, была рассчитана на 800 коек. По оснащению, по качеству медицинских кадров, по разнообразию и качеству медицинских услуг она являлась одной из самых лучших в южных регионах Российской империи [1, с. 75].

А так как в стране наблюдался дефицит специалистов с высшим, в том числе и с медицинским, образованием, существовала насущная необходимость иметь в городе собственный университет с медицинским факультетом. Соответствующее решение правительства было принято в виде постановления от 9 февраля 1912 г. [2, с. 158].

Реализация постановления затянулась почти на четыре года, и лишь 10 ноября 1915 г. начали читать лекции на медицинском факультете Варшавского университета, вынужденно обосновавшегося в Ростове-на-Дону в период Первой мировой войны. В последующем 1916 г. был открыт городской женский медицинский институт. А в 1920 г. произошло его объединение с медицинским факультетом теперь уже не Варшавского, а Донского университета. Как и сейчас, основной клинической базой вуза являлись здания городской Николаевской больницы.

В 1920 г. на факультете состоялся первый выпуск 295 врачей. В последующем медицинский факультет Северо-Кавказского университета был объединен с Ростовским женским медицинским институтом. Распоряжением Наркомпроса и постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 октября 1930 г. был создан медицинский институт.

Почти за 100 лет своего существования РостГМУ воспитал большое количество специалистов высочайшего класса. Многие из выпускников продолжили работать в вузе и заниматься научной деятельностью. Одним из выдающихся ученых вуза середины XX в. является отоларинголог Александр Рубенович Ханамиров [3, с. 1].

А.Р. Ханамиров родился 25 октября (7 ноября по н.с.) 1901 г. в Армении. В 1920 г. поступил на медицинский факультет Северо-Кавказского университета, в 1922 г. принят на кафедру нормальной анатомии, работал у К.З. Яцуты муляжистом, препаратором и демонстратором анатомических препаратов [4, с. 59]. В 1926 г. после успешного завершения учебы оставлен там же в должности ассистента, где было положено начало его научной деятельности [5, с. 222].

Во время учебы активно занимался в анатомическом кружке, выступал на конференции с исследовательским докладом «К демографии армян, проживающих в окрестностях Ростова и Нахичевани-на-Дону» [4, с. 59]. После окончания медицинского факультета по рекомендации проф. К.З. Яцуты был оставлен при кафедре нормальной анатомии вначале сверхштатным (без

стипендии), а затем по настойчивым просьбам К.З. Яцуты («Считаю его вполне подходящим для научной работы») штатным аспирантом с 1 января 1929 по 31 мая 1930 г. [4, с. 59–60].

Ученый опубликовал 11 научных работ по анатомии сосудов и нервов. Во многих анатомических трудах А.Р. Ханамировым изложены топографические особенности органов шеи [6, с. 1]. Завершающим этапом стала защита кандидатской диссертации на тему: «Аномальное начало и ход правой подключечной артерии, их влияние на топографию пищевода, нижнего гортанного нерва и их практическое значение». Материалы диссертации изданы в виде монографии в 1939 г. [7, с. 206].

Свою работу в оториноларингологии А.Р. Ханамиров начал в поликлинике Северо-Кавказской железной дороги после специализации на кафедре оториноларингологии, возглавляемой профессором Л.Е. Комендантовым, при этом продолжая преподавание анатомии [8, с. 579].

С февраля 1938 г. трудовая и научно-педагогическая деятельность А.Р. Ханамирова связана с лор-клиникой Ростовского медицинского института под руководством профессора Д.И. Зимонта [9, с. 109], куда он был переведен на должность ассистента. В 1953 г. А.Р. Ханамиров избран сначала и.о., затем заведующим кафедрой оториноларингологии [9, с. 109].

В предвоенные годы под руководством профессора Д.И. Зимонта Александр Рубенович выполнял научные исследования по этиологии и патогенезу папиллом гортани, лечению эпителиом, диагностике ринитов, мозговым грыжам и т.д. Результаты этих работ опубликованы в 8 статьях [8, с. 2].

В годы Великой Отечественной войны А.Р. Ханамиров был главным оториноларингологом Калининского и Первого Прибалтийского фронтов [10, с. 1]. Свой организаторский и практический опыт, полученный во время войны, ученый изложил в статьях: «К профилактике осложнений при ранениях органов шеи», «Граномакоиллярный подход к височной ямке», и др. А одна из работ – «Классификация огнестрельных ранений шеи» – издана в виде монографии [3, с. 1–2]. Дважды в военное время А.Р. Ханамиров организовывал общефронтовые конференции с участием ведущих оториноларингологов страны В.И. Воячека, Г.Г. Куликовского, Н.Д. Ходякова и др. [5, с. 223].

По окончании Великой Отечественной войны, после демобилизации, А.Р. Ханамиров возвращается в Ростов-на-Дону и приступает к работе в лор-клинике Ростовского медицинского института, занимается восстановлением здания клиники и налаживает учебно-педагогическую работу, а также продолжает научную деятельность [5, с. 223].

В 1955 г. он выступил на пленуме ВНОЛО с докладом «Фенестрация при отосклерозе», демонстрируя созданный им кинофильм [9, с. 109]. В 1958 г. А.Р. Ханамиров назначен и.о. заведующего лор-кафедрой Ростовского медицинского института.

Сразу после отъезда профессора Д.И. Зимонта А.Р. Ханамиров приступил к набору молодых перспективных кадров. Среди них – Т.И. Киселева, А.Н. Ломухина, Г.Б. Асланов, В.М. Ковалевич, Ю.Ф. Сариуш-Залесский, Г.И. Чиж, М.Х. Поркшеян, А.М. Зихерман и др. [5, с. 223].

В 1959 г. А.Р. Ханамирову присвоено ученое звание профессора. Большое внимание профессор А.Р. Ханамиров уделял постдипломной подготовке врачей, организации курса оториноларингологии на вновь открытом факультете повышения квалификации врачей РГМИ, организации специализированных отделений в системе здравоохранения области и города [8, с. 580].

Со свойственной ему энергией и инициативой профессор А.Р. Ханамиров со своими сотрудниками принялся за коренную реорганизацию клиники и кафедры. К 70-м гг. была построена трехэтажная пристройка к старому зданию больницы, организован современный операционный блок. Расширилось отделение для взрослых до 100 коек, на втором этаже – отделение для детей на 60 коек и т.п. Все это позволило увеличить масштабы лечебной и учебной работы, расширить возможности для оперативных вмешательств. Клиника становится центром слуховосстановления в регионе [5, с. 223].

Дальнейшие научные труды посвящены проблеме хирургического лечения различных форм тугоухости. Клиника, возглавляемая А.Р. Ханамировым, стала флагманом отечественной отохирургии, где в числе первых в стране были начаты хирургические слуховосстанавливающие операции [3, с. 2]. А.Р. Ханамиров разработал новый способ лечения отосклероза посредством

фенестрации ушного лабиринта при эндауральном подходе, что легло в основу докторской диссертации: «Восстановление слуха оперативным путем у больных отосклерозом», защита которой состоялась в 1958 г. [3, с. 2]. Александр Рубенович обобщил свой многолетний хирургический опыт в 3 методических письмах по консервативной тимпанопластике при хроническом гнойном среднем отите и тимпаносклерозе, которые могут быть сравнимы с монографией [4, с. 59]. Им написана глава «Отосклероз» в многотомном руководстве по оториноларингологии, статьи по классификации тимпаносклероза в Малой и Большой медицинских энциклопедиях [11, с. 105].

Вся научно-педагогическая деятельность Александра Рубеновича Ханамирова была связана с Ростовом-на-Дону. На юге страны им создана Ростовская научная школа оториноларингологов [12, с. 168].

Профессор А.Р. Ханамиров и его сотрудники разработали новые конструкции инструментария для хирургических вмешательств, оригинальные виды аппаратуры для практического использования [13, с. 82]. В разработках принимали участие Ю.Г. Александров, Ю.Ф. Сариуш-Залесский, Н.Я. Золотова, А.С. Пауткин, Л.Ф. Чвырева, В.М. Ковалевич, М.Х. Поркшеян, Г.И. Чиж, В.Д. Тахтамышев, Г.Б. Асланов, А.М. Зихерман и др. Штат клиники в 1967 г. вырос до 33 человек [5, с. 224].

Под руководством А.Р. Ханамирова защищено 10 кандидатских и 3 докторских диссертации, выпущено 4 сборника научных трудов сотрудников кафедры, изданы десятки методических писем для практических врачей и «Методические указания для студентов», изготовлены учебные фильмы «Фенестрация ушного лабиринта», «Трахеостомия», «Ототрепаны», «Стапедопластика» и др., им написана монография «Способы изготовления медицинских муляжей» [3, с. 3].

Большое внимание на кафедре А.Р. Ханамирова уделялось развитию рационализаторства. Кафедра защитила много патентов на изобретения, свидетельства на полезную модель, авторские свидетельства, способы терапевтического вмешательства и т.д. [4, с. 59].

А.Р. Ханамиров был активным организатором Северо-Кавказских научных конференций и инициатором проведения в Ростове-на-Дону III Всероссийского съезда оториноларингологов [3, с. 3]. Среди правительственных наград Александра Рубеновича боевые ордена Красной Звезды, Отечественной войны, медали, полученные в годы Великой Отечественной войны, а также орден «Знак почета», медаль «Ветеран труда» [4, с. 206]. Умер А.Р. Ханамиров 15 мая 1983 г., и лучшим памятником ему является построенный по его инициативе корпус лор-клиники и ее традиции, бережно хранимые его учениками.

Список источников

1. Панков Г.И. Александр Рубенович Ханамиров (1901–1983) // Панков Г.И., Зарубинская Л.Г. Хирургия на Дону. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1966. С. 75–78.
2. Багдыков Г. Ханамиров – главный лор-врач области // Мои коллеги. Чтобы помнили. Таганрог: Веда, 2017. С. 158–160.
3. Тезисы докладов IV областной научно-практической конференции оториноларингологов (25–26 октября 1991 г.). Ростов н/Д., 1991. 190 с.
4. Маркевич А.В., Каплунова О.А., Кондрашев А.В. Кафедра анатомии человека 1869–2009. Ростов н/Д.: РостГМУ, 2009. 166 с.
5. Летопись Ростовского государственного медицинского университета (РостГМУ) : в 5 т. / сост. Г.Г. Жамгоцев. Ростов н/Д., 2006. Т. 3. 270 с.
6. Ученый – должность рабочая // За медицинские кадры. 1971. № 39. 16 дек.
7. Шантуров А.Г. Ханамиров Александр Рубенович // Шантуров А.Г., Шеврыгин Б.В., Мчелидзе Т.П. Биографический словарь деятелей российской оториноларингологии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1997. С. 206.
8. Волков А.Г., Киселев В.В. Профессор А.Р. Ханамиров – выдающийся советский хирург // V научная сессия РостГМУ, посвященная 95-летию высшего медицинского образования на Дону и 80-летию РостГМУ. Ростов н/Д., 2010. Т. 2. С. 579–581.
9. Профессор Александр Рубенович Ханамиров (К 70-летию со дня рождения) // Вестн. оториноларингологии. 1971. № 6. С. 109–110.
10. Наши ветераны. Александр Рубенович Ханамиров // За медицинские кадры. 1974. № 17. 9 мая.
11. Профессор Александр Рубенович Ханамиров (К 75-летию со дня рождения) // Вестн. оториноларингологии. 1977. № 1. С. 104–105.

12. Харламов Е.В., Склярва Е.К., Сависько А.А., Сидоренко Ю.А. Александр Рубенович Ханамиров (1901–1983) // Наследники духовных традиций медицины / под ред. О.Ф. Киселевой. Ростов н/Д.: Мини Таип, 2016. С. 168–169.

13. Профессор Александр Рубенович Ханамиров (К 80-летию со дня рождения, 55-летию врачебной, научно-педагогической и общественной деятельности) // Вестн. оториноларингологии. 1982. № 2. С. 81–82.

References

1. Pankov G.I. Alexander Rubenovich Khanamirov (1901-1983). Pankov G.I., Zarubinskaya L.G. *Surgery on the Don*. Rostov-on-Don: RSU Press; 1966:75-78. (In Russ.).
2. Bagdykov G. Khanamirov – chief ENT doctor of the region. *My colleagues. To remember*. Taganrog: Veda Publ.; 2017:158-160. (In Russ.).
3. *Proceedings of the 4th regional scientific and practical conference of otorhinolaryngologists (October 25-26, 1991)*. Rostov-on-Don, 1991. 190 p. (In Russ.).
4. Markevich A.V., Kaplunova O. A., Kondrashev A.V. *Department of Human Anatomy 1869-2009*. Rostov-on-Don: RostSMU Press; 2009. 166 p. (In Russ.).
5. Zhamgotsev G.G., comp. *Chronicle of the Rostov State Medical University (RostSMU)*. In 5 vols. Rostov-on-Don, 2006, vol. 3. 270 p. (In Russ.).
6. Scientist – working position. *Za meditsinskie kadry = For Medical Personnel*. 1971;(39). 16th December. (In Russ.).
7. Shanturov A.G. Khanamirov Alexander Rubenovich. Shanturov A.G., Shevrygin B.V., Mchelidze T.P. *Biographical dictionary of Russian otorhinolaryngology figures*. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House; 1997:206. (In Russ.).
8. Volkov A.G., Kiselev V.V. Professor A.R. Khanamirov - an outstanding Soviet surgeon. *5th scientific session of RostSMU, dedicated to the 95th anniversary of higher medical education on the Don and the 80th anniversary of RostSMU*. Rostov-on-Don, 2010;2:579-581. (In Russ.).
9. Professor Alexander Rubenovich Khanamirov (Dedicated to the 70th anniversary of his birth). *Vestnik otorinolaringologii = Bulletin of Otorhinolaryngology*. 1971;(6):109-110. (In Russ.).
10. Our veterans. Alexander Rubenovich Khanamirov. *Za meditsinskie kadry = For Medical Personnel*. 1974;(17):1. 9th May. (In Russ.).
11. Professor Alexander Rubenovich Khanamirov (Dedicated to the 75th anniversary of his birth). *Vestnik otorinolaringologii = Bulletin of Otorhinolaryngology*. 1977;(1):104-105. (In Russ.).
12. Kharlamov E.V., Sklyarova E.K., Savis'ko A.A., Sidorenko Yu.A. Alexander Rubenovich Khanamirov (1901-1983). *Inheritors of spiritual traditions of medicine*. Ed. by O.F. Kiseleva. Rostov-on-Don: Mini Taip Publ.; 2016:168-169. (In Russ.).
13. Professor Alexander Rubenovich Khanamirov (To the 80th anniversary of his birth, 55th anniversary of medical, scientific, pedagogical and social activities). *Vestnik otorinolaringologii = Bulletin of Otorhinolaryngology*. 1982;(2):81-82. (In Russ.).

Информация об авторах

С.С. Козлов – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории.

В.А. Лебедеко – кандидат философских наук, ассистент кафедры истории.

Н.Е. Рылова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории.

Information about the authors

S.S. Kozlov – Candidate of Science (History), Assistant of the Department of History.

V.A. Lebedenko – Candidate of Science (Philosophy), Assistant of the Department of History.

N.E. Rylova – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of History.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 17.04.2024; принята к публикации 29.05.2024.

The article was submitted 03.04.2024; approved after reviewing 17.04.2024; accepted for publication 29.05.2024.

Научная статья
УДК 94 (470.6)"18"
doi: 10.18522/2687-0770-2024-2-59-66

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ЭКСПАНСИИ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Павел Сергеевич Мордовин

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия
riddick158@ya.ru

Аннотация. Обосновываются социально-культурные и иные условия, причины и сущность горской внутренней и внешней экспансии, в местной интерпретации получившая форму набеговой практики. Перечисляются задачи, которые горцы Северного Кавказа стремились разрешить при помощи набегов на близких или отдаленных соседей. Это явление имело многовековую историю и отражало особенности и специфику повседневной жизни горских обществ, сохранявших военизированный быт. Вместе с традиционными аграрными занятиями наездничество выполняло важную роль в их социокультурном развитии, способствовало формированию в горской среде новых общественных отношений, построенных на статусной стратификации, утверждало среди горцев институт частной собственности и неравенство. Эти процессы, однако, не следует абсолютизировать, поскольку в горских общинах имелись отработанные механизмы недопущения разложения устоявшейся социальной системы. В наибольшей степени к началу XIX в. набеговая практика была развита у адыгов и народов Дагестана, хотя и все другие этнические группы Северного Кавказа использовали набег при первом удобном случае, уже в силу того, что он был атрибутом их повседневного воспитания и проявления духа воинственности.

Ключевые слова: горские общества, Северный Кавказ, военизированный быт, экспансия, набеговая практика, наездничество, грабеж, плен, работорговля, социальная стратификация

Для цитирования: Мордовин П. С. Обстоятельства развития внутренней и внешней экспансии горцев Северного Кавказа в начале XIX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 2. С. 59–66.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

CIRCUMSTANCES OF THE DEVELOPMENT OF INTERNAL AND EXTERNAL EXPANSION OF THE NORTH CAUCASUS MOUNTAIN PEOPLE AT THE BEGINNING OF THE 19th CENTURY

Pavel S. Mordovin

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
riddick158@ya.ru

Abstract. The article substantiates the socio-cultural and other conditions, causes and essence of mountain internal and external expansion, which in the local interpretation took the form of raiding practice. The author lists the problems that the mountaineers of the North Caucasus sought to solve with the help of raids on close or distant neighbors. This phenomenon had a long history and reflected the peculiarities and specifics of the everyday life of mountain societies that maintained a militarized way of life. Together with traditional agricultural activities, equestrianism played an important role in their sociocultural development, contributed to the formation of new social relations in the mountain environment, built on status stratification, and established the institution of private property and inequality among the mountaineers. These processes, however, should not be taken into account as absolutes, since mountain communities had well-developed mechanisms to prevent the decomposition of the established social system. To the greatest extent by the beginning of the 19th century the practice of raiding was developed among the Circassians and the peoples of Dagestan, although

all other ethnic groups of the North Caucasus used raids at the first opportunity, due to the fact that it was an attribute of their everyday upbringing and manifestation of the spirit of belligerence.

Keywords: mountain societies, North Caucasus, militarized life, expansion, raiding practice, equestrianism, robbery, captivity, slave trade, social stratification

For citation: Mordovin P.S. Circumstances of the Development of Internal and External Expansion of the North Caucasus Mountain People at the Beginning of the 19th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(2):59-66. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Феномен вооруженной экспансии в местной северокавказской интерпретации приобрел форму наездничества и был одним из способов обеспечения дополнительными средствами и благоприятными условиями жизни, а также рычагом повышения внутрисоциальной статусности и компенсации социального происхождения. Кроме того, экспансия-наездничество могла иметь цель предостеречь чужую внешнюю экспансию в горы, быть угрозой и средством создания невыносимых условий для чужеземцев, пытавшихся водворяться поблизости или в географическом пространстве северокавказских горских народов.

Вооруженная экспансия-наездничество имела многовековую и многовекторную историю в горском мире, отражала его особенность и специфичность. Наряду с хозяйственно-трудовой деятельностью экспансия-наездничество играла определяющую роль в социокультурном развитии местных этносов, будучи составной частью их повседневного военного быта.

Данное обстоятельство отметил северокавказский исследователь А.С. Мирзоев (Марзей), когда указывал на то, что, например, «весь уклад жизни адыгов, начиная с воспитания, традиционных праздников, заканчивая безболезненной сменой места жительства, был пронизан военным бытом...» [1, с. 5].

Другой известный ученый, М.М. Блиев, видел в горской вооруженной экспансии явление, связанное с переходом военно-демократического социума к «социально стратифицированному обществу, фатально противостоящему всем другим обществам, стадияльно от него отличающимся» [2, с. 10]. Вооруженная экспансия, по мнению данного автора, имела форму набеговой системы, исполнявшей немаловажную роль не только в экономике горцев, но и определенным образом в их социальном прогрессе [2, с. 13], т. е. помогала продвигаться на более высокий социополитический уровень развития, например от эпохи родоплеменного устройства к феодализму.

В горах внутренняя экспансия также была средством отстаивания социально-политической независимости и защиты места развития как основы для самого способа социального существования. Борьба за сохранение и поддержание суверенитета начиналась с поддержания четких границ между селениями, которые складывались на основе географических факторов и в процессе освоения определенного территориально-хозяйственного пространства. Например, для жителей горной Чечни в условиях земельной тесноты и ограниченного набора благоприятных экологических факторов (лучше освещаемые и прогреваемые солнцем склоны гор, близость к родникам и рекам, наличие естественных оборонительных комплексов местного ландшафта) было первостепенной задачей их иметь под своим контролем, поскольку все наличные топографические элементы становились пространственной формой их жизненного местопребывания [3, с. 211–212].

В большей степени те же обстоятельства существования присутствовали в жизни народов нагорной части Дагестана. По мнению В.А. Потто, «суровая природа гор наложила ... на всех одинаковый, роковой отпечаток, создав оригинальный и яркий тип дагестанского горца... Их аулы, как вороньи гнезда, лепятся на скалистых утесах, часто на такой высоте, что, глядя на них, не хочется верить, что это было жилье человека» [4, с. 142].

По этим причинам «обреченный бесплодной природой своих гор на лишения и скудную бедность, он же ею часто вынуждался покидать свои скалистые трущобы с тем, чтобы силою взять у соседних народов то, в чем отказывала родная природа» [4, с. 143]. Поэтому возникали многочисленные споры и соперничества между соседними селениями, когда каждое из них пы-

талось по праву или из-за безысходности захватить лучшие места выпасов или подступы к водоемам.

В Чечне в каждом отдельном случае и по разным причинам вооруженные столкновения между горскими общинами или фамилиями могли принимать затяжной характер и не поддавались мирным способам разрешения. Это способствовало не только изменению антропологически освоенного ландшафта – возводились комплексы боевых и жилых башен-цитаделей, приспособленных выдерживать длительную осаду извне, но и возвышению социальной роли военных предводителей, наличие которых не только упорядочивало, но и структурировало военную организацию горцев [3, с. 214].

В поисках территорий, обладавших необходимым набором естественных благ, например, ичкерийцы, или джераховцы, нуждавшиеся в предгорно-равнинных землях, спускавшиеся с гор на плоскость, во второй половине XVIII в. часто становились объектом алчного вождения со стороны соседствовавших с ними феодальных владельцев Кумыкии, Аварии или Кабарды. Пока профессионализм владельческих отрядов превосходил ополчения чеченцев и джераховцев, те вынуждены были им покоряться и выплачивать дань, но, как только горные чеченцы осознали своё этнокультурное единство, скопили достаточное количество материальных и людских ресурсов, приобрели достаточный военный опыт и закалились в боях, они направили свой до времени подавляемый экспансионизм против своих злейших врагов. Ичкерийцы в ходе борьбы за суверенное существование сделались опаснейшими соседями своих бывших поработителей и обидчиков.

Внутренняя горская экспансия оформилась как набеговая система, получив не только соответствующие организационные формы, но и идеологическое обоснование. Наряду с занятием скотоводством и земледелием горские военные отряды преследовали цели захвата людей, скота, любого движимого имущества и ценностей, которые могли укрепить социальное положение и условия существования семейств, участников экспансии на ближние или отдаленные территории.

Ландшафтные и климатические особенности горного географического пространства как пространства повседневной жизни людей не имели в полном объеме необходимых и полезных благ для полноценной жизни и вынуждали местных обитателей к поиску возможных для них способов улучшения условий существования. Приученные многовековым историческим опытом бытия в локализации ограниченных возможностей, они часто выбирали вооруженную экспансию как понятную и доступную им деятельность в ситуации перманентного противоборства между социальными сообществами, конкурировавшими друг с другом по любым поводам [5, с. 335]. О духе соревновательности среди горцев по поводу механизмов жизнеобеспечения говорил также Ю.Ю. Карпов [6, с. 269]. Давность и многократная повторяемость сделали из наездничества социокультурный институт, вошедший «в число основных и важных аспектов истории народов Кавказа» [1, с. 10].

В наибольшей степени к началу XIX в. набеговая система была развита у адыгов и народов Дагестана, хотя и все другие этнические группы северокавказского ареала прибегали к ней при первом удобном случае, будучи следствием их повседневного воспитания и проявления духа воинственности.

Этносоциальная и феодальная раздробленность Северного Кавказа сильно способствовала внутри- и межкавказской экспансии. В связи с этим набеги, например, сделались «неотъемлемой чертой образа жизни адыгской феодальной знати ... При этом они занимались этим промыслом и у “чужих”, и у “своих”...» [1, с. 21; 7, с. 174–175], совершая разбойничьи набеги на соседние народы, удельные княжества и отдельные селения. Вооруженная экспансия не только была привычкой, «не только была долгом и обязанностью высших сословий адыгского общества, но и доставляла им наслаждение, так сказать, эстетическое удовольствие» [1, с. 29], выражая одну из сущностей сословного образа жизни. Их «образ воевания» способствовал тому, что «черкесы, на войне выросшие и войною же воспитанные ... соделались неподражаемо воинственными, проворными, ловкими, терпеливыми и отважными...» [5, с. 336].

Давая оценку адыгским наездникам, российский военный историк В.А. Потто отмечал: «Если справедливо, что по достоинству оружия безошибочно можно заключить о военном досто-

инстве народа, то всего справедливее это было по отношению к черкесам, потому что все восточные наездники стояли настолько же ниже закубанских горцев в храбрости, насколько и в вооружении» [4, с. 285].

А.С. Мирзоев (Марзей), раскрывая содержательную сторону адыгского наездничества, сообщает, что его существо составляли не только военные походы с целью захвата добычи, но ещё и путешествия, во время которых совершались набеги и грабежи и одновременно «совершались посещения, визиты к друзьям, сопровождавшиеся пирами, взаимными дарами, заводились новые знакомства в чужих и родственных народах, происходило открытие новых неизведанных земель» [1, с. 30].

Наездничество среди адыгов было действием, освященным идеологией доблести, славы и мужества, обосновывавшей необходимость и даже обязательность набега для тех, кто искал «репутации знаменитого наездника», потому что «гоняться за тем, что труднее достается, нежели то, что даётся само собою в руки» [8, с. 230] есть высшая награда. Из чего следовало, что «не защита аулов и имущества составляла славу черкеса, но слава наездника, по мнению народа, приобреталась за пределами родины» [9, с. 255]. Потому знаменитые среди адыгов наездники пользовались огромным авторитетом и общественным почетом, и «на праздничных пирах им преподносили чашу героя – батырыбжь» [1, с. 32].

Наездничество среди адыгов (черкесов) как набег на земли соседей, с которыми их не связывали союзнические отношения, не только не рассматривались в категориях преступления, но всячески поощрялись общественным мнением как дело полезное не только для непосредственных участников набега, но и для всего общества, получавшего новые возможности и новый статус в горах.

По окончании наезднических сезонов добыча аккумулировалась и делилась в зависимости от условий её захвата, а также нравов, определявшихся социально-культурными обычаями в группах, относящихся к «аристократическим» или «демократическим» по своему устройству. Наиболее важная «часть добычи (в основном пленные) продавались или обменивались на товары» [1, с. 93], которые не умели производить в горах (различные дорогие ткани, предметы роскоши, огнестрельное оружие), армянским купцам, разъезжавшим повсюду, имея поддержку и защиту влиятельных феодальных фамилий. Эти купцы хорошо знали обычаи и правила адыгов, распорядок начала и окончания наезднических сезонов.

В адыгских селениях возвращение наездников из похода ожидалось с нетерпением и всегда было праздничным событием. Собравшиеся жители поздравляли своих героев, а те дарили свою добычу (за исключением боевых трофеев) всем односельчанам – родственникам, соседям, знакомым, вдовам, сиротам, молодым девушкам – раздавали захваченный скот, лошадей и всякое иное имущество, которое удалось добыть. При этом каждый из участников набега старался перещегоолять других в щедрости, чтобы подтвердить и укрепить о себе славу истинного наездника [1, с. 96–97].

В этой связи следует обратиться к мнению В.А. Потто, который отмечал, что «страсть к набегам была у черкесов повсеместная, но желание добычи стояло при этом далеко не на первом плане; чаще увлекала их жажда известности, желание прославить свое имя каким-либо подвигом, чтобы стать героем былины, песни, предметом длинных вечерних рассказов у очага...» [4, с. 287].

Для князей и дворян добыча была всего лишь маркером их храбрости, воинской отваги и удалства, но никак не самоцелью, поскольку слава «истинного наездника» была не просто атрибутом их воинской изобретательности или почета, но прежде всего она была синонимом авторитетности и власти, которые приобретались «скорее личными заслугами, чем княжеским достоинством» [10, с. 155].

В то же время нет необходимости отрицать, что наездническая добыча не играла важной роли в повседневной жизни черкесов, которые в большинстве своем не были хорошо обеспеченными людьми. Горные условия вместе с горными ущельями и лесами, бурными реками делали их селения труднодоступными для неприятелей, но не были ни землей обетованной, ни садом Эдемским. Потому бедность или недостаточная обеспеченность была повсеместной и касалась не только простолюдинов, но и аристократических фамилий, хотя и не столь часто и не в той

мере, как это было среди слоев незнатного происхождения. Нередко встречались примеры того, что знатные и прославленные отцы оставляли в качестве наследства своим сыновьям лишь славу известного имени [8, с. 69].

С другой стороны, в силу той особенной атмосферы адыгских нравов богатство как таковое не позволяло в полной мере им воспользоваться для подкрепления общественной статусности, поскольку «чрезмерная роскошь, в любых её проявлениях, строго порицалась» [1, с. 106], оно там надолго не задерживалось. Кроме того, материальное положение адыгской знати формировалось за пределами военной добычи, ибо «никакие военные трофеи, хотя и были доходной статьёй бюджета феодалов, не могли создать стабильное экономическое положение знати...» [11, с. 16]. Потому наездничество за добычей не только превращалось в инструмент поиска славы, почёта и власти, но и сделалось перманентным способом обеспечения выживания, снабжения и насыщения повседневного существования необходимыми благами жизни.

Одновременно, хотя удачливые наездники вынуждены были по обычаю раздавать большую часть своей добычи, «они за счет таких раздач, а также своей мобильности, имели обширный круг друзей и знакомых», которые вместе с обычаем «куначества, взаимопомощи и гостеприимства всегда гарантировали наезднику определенный, достаточно приемлемый уровень материального благосостояния» [1, с. 115].

В горном Дагестане отношения с соседями, прежде всего с ближними, «носили системный характер, определявшийся не только общим уровнем экономического и политического развития края, но и порядком функционирования местного общества как социокультурной модели» [6, с. 269]. Она основывалась на принципе соревновательности, когда каждый мужчина, каждая социальная группа стремились быть не хуже других, но желательно победителем. В данном феномене содержался механизм местного жизнеобеспечения. Соседние селения могли предъявлять претензии на земельные угодья друг друга или объекты окружающего ландшафта, обладавшие, например, сакральной силой, реальной или приписываемой, а также по многим иным поводам. Побеждали в спорах те, кто был сильнее – многочисленнее, храбрее или изобретательнее. Предметом спора или вражды могли также быть скот или политическое влияние в округе, стремление к подчинению соседей [6, с. 322].

В отношениях жителей нагорного Дагестана, как и всех иных мест высокогорной части Кавказа, с внешним миром, с дальними соседями, находившимися на большем или меньшем пространственном отдалении и отличавшимися разительной культурной стороной жизни, воспринимаемыми как «чужие» и «другие», экспансионистские действия могли быть средством решения определенных, но весьма значимых общинных проблем. С дальними соседями обращались иначе, чем с ближними, «правила контактирования были другими по причине резкого отличия “того” мира от “этого”»: горцы с презрением взирали на тех, «кто “сидел” ниже на земле, кто лишен права и возможности быть хоть чуточку ближе к Верху» [6, с. 335], а потому разрешали себе в отношении них самые резкие действия.

Активной экспансии горцев могли способствовать экологические катаклизмы – падёж скота от бескормицы или эпизоотий, резкое понижение зимних или осенне-весенних температур, вымерзание или смывание посевов водяными или селевыми потоками, погружавших горы в голод.

Другой мотивацией могли стать амбиции молодежи, наслушавшейся в домах рассказов о подвигах отцов. «Молодёжь своим удальством и выносливостью в набегах хотела завоевать уважение в глазах старших» [6, с. 348]. Кроме того, по мнению Ю.Ю. Карпова, каждое новое поколение горской молодежи, вступавшей в социально активный возраст, из-за неудовлетворенности своим положением в обществе «критически выражало своё отношение» к недостаточно благополучной или «к откровенно сложной и противоречивой действительности» посредством традиционного и наиболее доступного для неё механизма регулирования межпоколенческих конфликтов – военной активности [6, с. 348–349].

Набег был нужен молодёжи для того, чтобы обрести экономическую независимость от старших, а также для изменения своего социального статуса путем уплаты брачного выкупа (калым за невесту) [12, с. 100]. В данном случае «в основе социально-возрастного конфликта в традиционных обществах лежал неравномерный доступ различных социально-возрастных групп к наиболее общественно-ценным ролям и материальным благам» [12, с. 104]. Старшие

поколения (отцы) могли задерживать социальный рост своих сыновей, лишая их калыма, при этом сами брали дополнительных жён, тем самым увеличивая свой престиж и расширяя родственные связи, что также умножало их общественное влияние [12, с. 105].

Молодёжь стремилась изменить ситуацию в свою пользу. Потому набег был для них не только наиболее доступным способом обретения экономической независимости от своих отцов, но и способом совершения подвигов и обретения нематериальной славы героев, которые в традиционном обществе могли иметь общественный вес, превосходивший материальное достояние. Оставалось только определить области набегов, т. е. территории, где готовились совершать подвиги.

Горцы Дагестана активно вовлекались в политическое противостояние, существовавшее в соседних странах, а сама социально-политическая атмосфера, господствовавшая на их территориях, разжигала страсти и предоставляла возможности для их удовлетворения: чем более неустроенности и раздоров было в них, тем легче дагестанцам удавалось осуществлять свои замыслы.

С точки зрения Ю.Ю. Карпова, «в большой степени походы-набеги горцев были обусловлены героикой их идеологии, практически единой в разных социумах, переживавших схожие общественные процессы. Они ... рождались и характерным взглядом с гор на “других”, резко отличных от обитателей верхней пространственной зоны и в силу этого лишенных свойств, которые позволяли бы горцам вести диалог с ними как с равными» [6, с. 362].

Дополнительной мотивацией к набегу могла стать ситуативная невозможность равнины принимать дополнительные рабочие руки, т. е. в услугах пришлых работников переставали нуждаться, но оставалась потребность в материальных ресурсах для обеспечения жизнедеятельности в горах. В результате начинал действовать закон сильного – «взять максимально возможное у слабого» [6, с. 365].

К началу XIX в. «на протяжении всей гряды гор Большого Кавказа, от побережья Каспийского до Черного моря, не было уголка, где бы ни занимались набегами...» [2, с. 16], а местные кавказские народы разделялись на две неустойчивые и амбивалентные группы – «на охотников и на добычу, смотря по тому, где они жили – в непроходимой трущобе или на открытых полях» [13, с. 41].

Набеги на плоскостные территории со стороны горцев Дагестана, например военные походы джарцев, были прежде всего «организованной охотой за людьми в целях работоторговли или выкупа», которые приобрели очень скоро вид почти «коммерческого предприятия» [14, с. 19]. С contemporaries свидетельствовали, как «лезгины стараются женщин хороших ловить, ибо турки и персияне великую цену им за пригожую женщину дают, так что и до 5000 р. платят» [15, с. 189]. В горных районах Дагестана наездничество сделалось одним из видов профессионального ремесла, которое поддерживало и дополняло местную экономику, а потому там трудно было найти общества, которые бы ни участвовали в набегах в чужие пределы [16, с. 78].

М.М. Блиев, положив экономический фактор в основу социально-политического развития горских обществ и социальной стратификации, считал, что при избытке народонаселения в горах и невозможном для многих в таких условиях экономическом самообеспечении включалось «оживление темпа социально-структурного развития, рост политических сил и экспансия, разложение общины, дифференциация её членов, “деклассирование” одних слоев населения и феодализация других, внутренние миграции, а также этнотерриториальная и политическая консолидация» [2, с. 368]. Вступив в состояние переходности, военно-демократические общества сделались основной социальной базой экспансии горцев на равнины, что способствовало процессам их феодализации.

Действительно, наличие процессов дифференциации в горских обществах, в которых стали выделяться институализированные группы, приобретающие статус привилегированных категорий населения, можно было наблюдать, например, среди рутульцев, где выдвинулись беки, «которые, хотя и не имели прав на феодальные повинности крестьян, но являлись самыми богатыми и влиятельными людьми, военачальниками и наследственными носителями исполнительной власти...» [17, с. 116].

Аналогичные процессы были зафиксированы и развивались и в других горских обществах Кавказа, например у чеченцев: «предводителей своих выбирают они из семейства, которое в течение веков давало им всегда отличных военачальников и потому у них в большом почете» [18, с. 260].

С другой стороны, эти процессы не следует абсолютизировать, поскольку в общинах имелись отработанные средства и механизмы недопущения разложения устоявшейся социальной системы, а «высокий уровень социальной мобильности, участие в военных акциях масс дееспособного населения сдерживали процессы классовобразования, появления сословий “угнетателей” и “угнетенных”» [6, с. 369].

Функционально набеговая система была досконально отлажена, а потому не допускала коренных структурных изменений. В этой связи экспансия горцев как таковая «не могла стимулироваться потребностями социальной динамики эволюционного плана» [6, с. 370]. Ко всему социальная база набеговой системы определялась той средой, которая переживала «эпоху вождей», но которая не порождала «царьков», а представители знатных фамилий, «при всей наличной славе первосортных героев... чья власть не распространялась дальше окрестностей и ближних соседей», оставались периферийными правителями и «не могли претендовать на истинную власть» [6, с. 366].

Можно констатировать, что обстоятельства и причины горской экспансии, имевшей в северокавказских условиях вид набега, обуславливались многими факторами – как их внутренним социально-культурным и политическим развитием, климатогеографическими особенностями среды их обитания, ценностными установками, нравственными требованиями и традициями, так и внешними мотивами, вторгавшимися в их существование и покушавшимися на их миро-социальное устройство. Помимо экономической мотивации импульсами к развитию набеговой экспансии служил страх вторжения в их особенный мир внешних иноэтнических и инокультурных политических субъектов, способных если не отнять полностью, то значительно ограничить их суверенное существование. Сама же набеговая практика была тем универсальным для большинства горских обществ традиционным инструментом отстаивания их социально-экономического и социокультурного своеобразия.

Список источников

1. *Мирзоев (Марзей) А.С.* Черкесское наездничество – «ЗекЮэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 302 с.
2. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.
3. *Ахмадов Я.З.* Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI – XVIII веках. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. 380 с.
4. *Потто В.А.* Кавказская война : в 5 т. М.: Центрполиграф, 2006. Т. 2. 591 с.
5. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 364 с.
6. *Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор. Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 656 с.
7. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – пер. пол. XIX в.). М.: Наука, 1967. 328 с.
8. *Каламбий (Адыль-Гирей Кешев).* Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1987. 272 с.
9. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Народы, населяющие Кавказ. М.: Центрполиграф, 2019. Т. 1. 655 с.
10. *Гербер И.Г.* Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году. Черкесы // Кавказ: европейские дневники XIII – XVIII веков / сост. В. Аталиков. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. С. 154–156.
11. *Налоева Е.Дж.* Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 5–27.
12. *Бочаров В.В.* Антропология возраста. СПб.: СПбГУ, 2001. 196 с.
13. *Фадеев Р.А.* Кавказская война. М.: Эксмо, 2003. 640 с.
14. *Петрушевский И.П.* Джаро-Белоканские общества первой трети XIX столетия. Тифлис: Заря Востока, 1934. 160 с.
15. *Цагарели А.А.* Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. СПб., 1891. Т. 1. 518 с.

16. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1957. 408 с.
17. Лавров Л.И. Рутульцы в прошлом и настоящем // Кавказский этнографический сборник / отв. ред. Л.И. Лавров. М.; Л.: АН СССР, 1962. Вып. 3. С. 110–157.
18. Стевен Г. Журнал путешествия по земле Донских казаков, к Кавказу и в Астрахань // Северный архив. 1824. Ч. 12, № 23, 24. С. 260–269.

References

1. Mirzoev (Marzey) A.S. *Circassian horsemanship - "Zeklue". From the history of the military life of the Circassians in the 18th - first half of the 19th century.* Nalchik: El'-Fa Publ.; 2004. 302 p. (In Russ.).
2. Bliiev M.M. *Russia and the mountaineers of the Greater Caucasus. On the way to civilization.* Moscow: Mysl' Publ.; 2004. 877 p. (In Russ.).
3. Akhmadov Ya.Z. *Essay on the historical geography and ethno-political development of Chechnya in the 16th-18th centuries.* Moscow: Charitable Foundation for the Support of Chechen Literature Press; 2009. 380 p. (In Russ.).
4. Potto V.A. *Caucasian War.* In 5 vols. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2006. Vol. 2. 591 p. (In Russ.).
5. Khan-Girey. *Notes about Circassia.* Nalchik: El'-Fa Publ.; 2008. 364 p. (In Russ.).
6. Karpov Yu.Yu. *A look at the mountaineers. View from the mountains. Worldview aspects of culture and social experience of the mountaineers of Dagestan.* St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ.; 2007. 656 p. (In Russ.).
7. Gardanov V.K. *Social system of the Adyghe peoples (18th - first half of the 19th century).* Moscow: Nauka Publ.; 1967. 328 p. (In Russ.).
8. Kalambiy (Adyl-Girey Keshev). *Notes of the Circassian.* Nalchik: El'brus Publ.; 1987. 272 p. (In Russ.).
9. Dubrovin N.F. *The history of war and Russian rule in the Caucasus. Peoples inhabiting the Caucasus.* Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2019. Vol. 1. 655 p. (In Russ.).
10. Gerber I.G. News about the peoples and lands located on the western side of the Caspian Sea between Astrakhan and the Kura River and their condition in 1728. Circassians. *Caucasus: European diaries of the 13th - 18th centuries.* Comp. by V. Atalikov. Nalchik: M. and V. Kotlyarov's Publishing House; 2010:154-156. (In Russ.).
11. Naloeva E.J. On the features of Kabardian feudalism. *From the history of feudal Kabarda and Balkariya.* Nalchik: El'brus Publ.; 1981:5-27. (In Russ.).
12. Bocharov V.V. *Anthropology of age.* St. Petersburg: St. Petersburg State University Press; 2001. 196 p. (In Russ.).
13. Fadeev R.A. *Caucasian War.* Moscow: Eksmo Publ; 2003. 640 p. (In Russ.).
14. Petrushevsky I.P. *Dzharo-Belokan societies of the first third of the 19th century.* Tiflis: Zarya Vostoka Publ.; 1934. 160 p. (In Russ.).
15. Tsagareli A.A. *Charters and other historical documents of the 18th century related to Georgia.* St. Petersburg, 1891. Vol. 1. 518 p. (In Russ.).
16. Magomedov R.M. *Socio-economic and political system of Dagestan in the 18th - early 19th century.* Makhachkala: Dagestan Book Publ.; 1957. 408 p. (In Russ.).
17. Lavrov L.I. Rutulians in the past and present. *Caucasian ethnographic collection.* Resp. ed. L.I. Lavrov. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Press; 1962;(3):110-157. (In Russ.).
18. Steven G. Journal of travel through the land of the Don Cossacks, to the Caucasus and to Astrakhan. *Severnyi arkhiv = Northern Archive.* 1824;12(23, 24):260-269. (In Russ.).

Информация об авторе

П.С. Мордовин – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии.

Information about the author

P.S. Mordovin – Postgraduate Student of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology.

Статья поступила в редакцию 20.04.2024; одобрена после рецензирования 12.05.2024; принята к публикации 29.05.2024.
The article was submitted 20.04.2024; approved after reviewing 12.05.2024; accepted for publication 29.05.2024.

Научная статья

УДК 908

doi: 10.18522/2687-0770-2024-2-67-72

ПРЕПОДАВАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В МУЖСКИХ ГИМНАЗИЯХ КАЗАНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ КАЗАНСКОЙ И АСТРАХАНСКОЙ МУЖСКИХ ГИМНАЗИЙ)

Анатолий Сергеевич Петров

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия

bayern1993@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы преподавания восточных языков как часть национальной политики Российской империи в XIX – начале XX в. На примере мужских гимназий Казанского учебного округа прослеживаются проблемы на пути оформления восточного языкознания. Образование, ставшее важной частью развития государства в XIX в., предполагало культурную интеграцию всех народов Российской империи в систему просвещения. Анализируется процесс развития преподавания восточных языков в классических гимназиях Казанского учебного округа. Сегодня Поволжье, в особенности Нижнее Поволжье, остается важным элементом взаимодействия России с прикаспийскими государствами, что в рамках просвещения важно в той же степени, как и в других областях народного хозяйства. Тем более что это обусловлено высокой интенсивностью событий на данной территории.

Ключевые слова: Астрахань, Казань, XIX в., XX в., гимназия, Астраханская мужская гимназия, Казанская мужская гимназия, восточные языки, преподаватель, татарский язык, армянский язык, персидский язык, арабский язык

Для цитирования: Петров А.С. Преподавание восточных языков в мужских гимназиях Казанского учебного округа как элемент национальной политики Российской империи в XIX – начале XX века (на материалах Казанской и Астраханской мужских гимназий) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 2. С. 67–72.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

TEACHING ORIENTAL LANGUAGES IN BOY'S GYMNASIUMS OF KAZAN EDUCATIONAL DISTRICT AS AN ELEMENT OF THE NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19th - EARLY 20th CENTURY (ON THE MATERIALS OF KAZAN AND ASTRAKHAN BOY'S GYMNASIUM)

Anatoly S. Petrov

Tatishchev Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

bayern1993@inbox.ru

Abstract. The investigation deals with the issues of teaching Oriental languages as part of the national policy of the Russian Empire in the 19th - early 20th century. The problems in the development of Oriental linguistics are traced using the example of boy's gymnasiums of the Kazan educational district. Education, which became an important part of the development of the state in the 19th century, implied the cultural integration of all the peoples of the Russian Empire into the educational system. The process of development of teaching Oriental languages in classical gymnasiums of the Kazan educational district is analyzed. Today, the Volga region, especially the Lower Volga region, remains an important element of Russia's interaction with the Caspian states,

---

© Петров А.С., 2024

which is as important in the context of education as it is in the field of industry. This determines the relevance of the research topic.

Keywords: Astrakhan, Kazan, 19th century, 20th century, gymnasium, Astrakhan boy's gymnasium, Kazan boy's gymnasium, Oriental languages, teacher, Tatar language, Armenian language, Persian language, Arabic language

For citation: Petrov A.S. Teaching Oriental languages in Boy's Gymnasiums of Kazan Educational District as an Element of the National Policy of the Russian Empire in the 19th - early 20th Century (on the Materials of Kazan and Astrakhan Boy's Gymnasium). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(2):67-72. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Поволжье – это тот регион, который изначально населяло множество различных народов. На протяжении всей российской истории здесь происходили процессы культурного взаимодействия на всех уровнях взаимодействия. В XIX в. возникла необходимость в культурной интеграции всех народов Российской империи в систему просвещения. Поэтому нужны были учебные заведения, которые изучали бы азиатскую культуру и главный ее аспект – языки.

В настоящее время Поволжье, в частности Нижнее Поволжье, играет огромную роль во взаимоотношениях России с прикаспийскими государствами. Каспийский регион остается в фокусе внимания российской политики по важным и разнообразным причинам. Это и определяет актуальность нашей темы.

Цель данного исследования – анализ процесса развития преподавания восточных языков в классической гимназии XIX – начала XX в. в Казанском учебном округе.

Создание в 1802 г. императором Александром I учебных округов определило Астрахань к Казанскому учебному округу [1, с. 362]. В самой же Казани преподавание восточных языков началось значительно раньше всех остальных городов Поволжья. Историк А.Н. Кононов отмечает, что преподавание татарского языка в Казани вводится во второй половине XVIII в. [2, с. 12]. Наличие университета, статус главного города учебного округа и широкий административный ресурс позволял контролировать учебный процесс во всех подведомственных учебных заведениях.

В преподавании восточных языков казанские учебные заведения, в частности Казанская мужская гимназия, значительно преуспевали по сравнению с остальными учебными заведениями округа [3, с. 30].

Так, Казанская мужская гимназия и Казанский университет готовили учителей восточных языков и переводчиков [4, л. 3]. В стенах гимназии, согласно положению по восточным языкам, были созданы три разряда – арабский и персидский; турецко-татарский и персидский; монгольский и турецко-татарский. В последующем к этим языкам присоединились армянский, китайский и маньчжурский [5, л. 10].

В начале второй половины XIX в. преподавание восточных языков, за исключением татарского, в Казанской гимназии сворачивается, а преподаватели были переведены в Санкт-Петербург [6, л. 13].

Немного иначе обстояли дела в Астрахани. Геополитическое положение на всем протяжении ее истории в составе России определяло взаимоотношения с народами, населяющими Кавказ и Прикаспий. Через этот важный торговый и культурный узел происходило взаимодействие России и Востока. Распространение русской культуры, государственности, законов Российской империи на территории, которые постепенно входили в её состав, сопровождалось развитием системы просвещения среди местного населения. Многонациональный торговый город привлекал разные национальности. Так, к XIX в. в Астрахани уже сложились крупные персидская и армянская диаспоры. Татарская же диаспора была представлена здесь изначально и составляла большой процент местного населения.

Формирование классических гимназий, начавшееся в 1804 г. с изданием нового Устава, предполагало детальное изучение языков. Реформы образования в XIX в. только усилили эти процессы [7, с. 259]. Знакомство учеников новых учебных заведений в таком регионе не могло

ограничиваться славянскими, латинскими или греческим языками. Вдобавок ко всему дети малых народов также изъявляли желание учиться. Государству требовались квалифицированные кадры, способные в будущем помогать развитию взаимодействия народов – торгового и культурного обмена между ними.

Цель обучения в гимназиях – «приготовление к университетским наукам юношества, которое по склонности к оным или по званию своему, требующему дальнейших познаний, пожелает усовершенствовать себя в университетах». Еще одна цель – «преподавание наук, хотя начальных, но полных в рассуждении предметов учения, тем, кои, не имея намерения продолжать оные в университетах, пожелают приобрести сведения, необходимые для благовоспитанного человека» [8, с. 636]. Поэтому необходимость изучения восточных языков в Астраханской мужской гимназии была обоснована.

Персидский язык

Еще в 1809 г. директор Астраханской мужской гимназии А. А. Храповицкий задумал на основании пункта II Устава гимназий ввести персидский язык, считая это полезным ввиду большого количества персов в Астрахани, которые занимались здесь торговлей. Для осуществления задуманного директор гимназии обратился за советом к генеральному консулу в Персии – коллежскому советнику М.Д. Скабиневскому, который рекомендовал ему Мирзу Абдуллу Визирева, как «...человека способного занять место преподавателя персидского языка в гимназии» [9, с. 437]. На вопрос Храповицкого, какое вознаграждение Визирев хотел бы получать, тот ответил, что готов приступить к работе в гимназии бесплатно при условии, что директор достанет ему грамматику, сочинённую Скабиневским [10, л. 3].

В попечительный совет Храповицкий сообщал, что «...нашел способного к преподаванию персианина Визирева, принимающего на себя труд преподавания из одного усердия к службе Его Императорскому Величеству» [9, с. 439]. Надежды на открытие персидского класса в 1809 г. не оправдались. Разрешение от попечителя было получено только в 1811 г.

В стенах Астраханской мужской гимназии к преподаванию персидского языка допускались не только этнические персы и представители малых народов, но и русские.

С 15 августа 1835 г. по 1843 г. Николай Иванович Михайлов – губернский переводчик персидского языка при Астраханских присутственных местах исполнял обязанности учителя персидского в гимназии [11, л. 1].

В 1846 г. «...Дербентский из персиан дворянин Садык-Бек Аджи Джедоар-Беков или Джафаров» [9, с. 452] подал прошение о предоставлении ему места учителя персидского языка в Астраханской мужской гимназии. С 30 сентября 1846 г. он был допущен к должности учителя без жалования. Только после получения звания учителя арабского и персидского языков и согласия министра народного просвещения в октябре 1846 г. он был назначен старшим учителем персидского языка с жалованием.

Однако процесс утверждения в должности затянулся на несколько лет. В 1847 г. попечитель ответил, что «Джафаров утвержденным быть не может по происхождению» [9, с. 453]. После этого начался поиск документов, подтверждающих его дворянскую родословную. В 1849 г. Дербентский военный губернатор выдал свидетельство о бекском происхождении Джафарова. Даже после того директор гимназии Аристов медлил с представлением Джафарова, указывая на его некомпетентность. Сообщая в попечительский совет директоров, отмечал, что Джафаров способен только учить чтению персидского и видел его вину в неудовлетворительных успехах учеников. Однако попечитель встал на сторону преподавателя, что было крайне редко, и заявил, что необходимо «...уважать мнение о нем, данное от университета» [9, с. 460]. В итоге преподаватель Джафаров продолжил службу в гимназии, получив «...третное не в зачет жалование» [9, с. 460], до упразднения преподавания персидского в 1866 г. После был уволен за штат, дослужившись до чина коллежского советника.

Татарский язык

В 1817 г. преподаватель М. А. Визирев обратился к директору с просьбой о том, что для Астраханского края необходимы татарский и турецкий языки. В помощники себе он просил перевести письмоводителя дирекции Волочкова в преподаватели гимназии, это было исполне-

но попечителем. Так начинается долгая история преподавания татарского языка в стенах Астраханской мужской гимназии.

За время ее существования здесь успели поработать много преподавателей татарского языка, у некоторых стаж исчислялся десятилетиями. Одним из них был Маулям Бердиев, занимавший должность с 1833 г. до 1864 г. [12, л. 2].

23 августа 1863 г. младшим учителем татарского языка был определен «...Надворный Советник Михаил Борисович Первухин» [9, с. 482]. После окончания отделения словесных наук Казанского университета в 1834 г. был утвержден учителем арабского языка в 1-й Казанской гимназии. За время своего пребывания он занимал разные должности – старшего учителя арабского языка, секретаря педагогического совета, комнатного надзирателя пансиона, преподавателя турецко-татарского языка. В 1840 г. был уволен «...по прошению от учебного ведомства» [9, с. 482]. Далее в его карьере начинается этап государственной службы. В 1841 г. Первухин определен письмоводителем при Елабужском окружном лесничем Министерства государственных имуществ, откуда в 1842 г. перешел на службу столоначальника в Оренбургскую палату государственных имуществ. В последующем он становится переводчиком. За усердную службу Оренбургский губернатор назначил Первухина на должность попечителя оренбургских прилинейных киргизов. Тесное сотрудничество с малыми народами Российской империи для него закончилось в 1861 г. За свою непродолжительную карьеру в Астраханской мужской гимназии Первухин отметил «... не совсем трезвою жизнью» [9, с. 481], за что получал выговоры, а в 1866 г. был уволен из штата.

Армянский язык

11 ноября 1835 г. директор Рыбушкин получил от попечителя предложение начать преподавание армянского языка и «...возложить рассмотрение их на молодых русских ученых, основательно знающих армянский язык и могущих на нем свободно объясняться» [9, с. 492]. Отмечалось, что изучение восточных языков принесет пользу для отечества в таких сферах, как торговля, политика и наука. Наличие в Астрахани большой армянской диаспоры и армянского училища становилось важным подспорьем в решении этой задачи.

Из учеников Астраханской мужской гимназии и Агабабовского училища были выбраны кандидаты, которые освобождались от занятий латинским и немецким языками, в пользу углубленного изучения персидского, татарского и армянского [13, л. 4].

Армянский язык был введен в курс гимназии в 1838 г. Однако преподавание велось на безвозмездной основе, а средства, запрошенные на содержание воспитанников, отобранных для изучения языка, получены не были. В этом же году начинается преподавание армяно-григорианского Закона Божьего.

Вел курс нового предмета Герасим Попов – штатный смотритель армянского Агабабовского училища, который происходил из астраханских армян. Закончив обучение в Московской коммерческой практической академии, вернулся в Астрахань. Свою деятельность в качестве преподавателя Астраханской мужской гимназии продолжал до 1848 г. и уволен по собственному желанию за «...неимению свободного времени по Агабабовскому училищу» [9, с. 494].

На его место был утвержден Владимир Алексеевич Чернышов, который, как и предшественник, согласился трудиться без жалования. Выпускник Казанского университета совмещал свои обязанности с государственной службой в канцелярии присутствия губернского правления. После его увольнения преподавание армянского языка прекращается до 1862 г. [14, л. 2].

После одобрения попечителя в 1862 г. армянский язык вернулся в курс Астраханской мужской гимназии. Преподавателем на безвозмездной основе был назначен учитель Агабабовского училища Тотомиянц.

В 1870-х гг. армянский язык преподавали священники Калантарианец и Серафим Лазарев, которые совмещали это с преподаванием армяно-григорианского Закона Божьего. В следующее десятилетие здесь трудились священники Минас Мхитарьянц и Авраам Попов.

Армянский епископ обращался к попечителю с просьбой увеличить количество часов, отводимых на изучение языка и Закона Божьего, а также начать выплату жалования из средств гимназии. Все закончилось тем, что 18 сентября 1887 г. ввели «...обязательство родителей и благо-

творителей из армян относительно обеспечения уплаты жалования за преподавание армянского языка и Закона Божьего» [9, с. 495].

В 1888 г. епископ Кеворк выделил 200 рублей из церковных сумм на жалование для преподавателей. Вместе с этим был предложен вариант расписания уроков, составленный законоучителем Мхитарьянцем, который директор Котовщиков отверг [15, с. 111].

В этом же году епископ прислал программы, согласно которым должны были обучаться армянские дети [16, с. 173]. Так, с первого по второй класс предполагались чтение и письмо по книге Г. Аганианца. В третьем и четвертом классе добавлялась диктовка. Программа пятого класса включала сочинения на разговорном языке. Шестой класс требовал умения переводить статьи с русского на разговорный армянский, а в седьмом – на книжный армянский. В восьмом классе – чтение и перевод с книжного на разговорный язык армянских писателей и армянских переводов с европейских языков.

В 1895 г. новым преподавателем армянского языка стал Хачатур Котоянц, который трудился до 1897 г.

Арабский язык

Преподавание арабского языка в гимназии сильно зависело от других восточных языков – татарского и персидского. В 1840 г. учитель персидского языка Михайлов сообщал директору, что, по сведениям, полученным от профессора Эрдмана, выпускник гимназии на вступительном экзамене в университете показал «...недостаточные сведения, только в арабском языке» [9, с. 513]. Исходя из этого Михайлов предлагает ввести новую дисциплину – арабский язык. Директор гимназии Рыбушкин подал запрос попечителю на введение нового курса и выделения средств для преподавателей, однако получил отказ. Только в 1844 г. уроки арабского языка появились в курсе Астраханской мужской гимназии.

До преподавания арабского были допущены учителя Холмогоров, Бердиев и Джафаров. Директор сообщал попечителю, что «...поступают на восточные классы только ленивые, редко посещающие класс и слабые по всем предметам, поступающие, чтобы избавиться от изучения немецкого языка» [9, с. 515]. Как уже отмечалось, вину в этом директор возлагал на учителя Джафарова, сообщая о его слабых преподавательских умениях и навыках. Исходя из этого, в 1857 г. директор гимназии Аристов просит о прекращении преподавания восточных языков. Руководство гимназии объясняло это низкой успеваемостью и необходимостью реструктуризации фонда жалования, который требовалось направить на долг по книгам и ремонт здания гимназии. Однако попечитель отказал в этой просьбе и даже возложил вину на руководство гимназии в сложившейся ситуации. В ответе сообщалось, что попечительский совет удивлен, почему в таком городе, как Астрахань, слабая заинтересованность в изучении восточных языков. Преподавание татарского, персидского и арабского было продолжено.

Таким образом, на примерах 1-й Казанской мужской гимназии и Астраханской мужской гимназии, которые представляют Казанский учебный округ, прослеживаются тенденции к развитию и распространению интереса к восточной культуре. Введение в курс преподаваемых дисциплин восточных языков свидетельствует о гармоничной и всесторонней государственной национальной политике в условиях XIX – начала XX в.

Наличие в этих городах большого количества носителей восточной культуры подталкивало к необходимости начала преподавания, изучения и систематизации восточного языкознания. Появляются первые профессиональные преподаватели, переводчики, ученые, которые послужили на благо своему государству. Сформировалось несколько поколений изучавших национальные языки в общеобразовательных гимназиях под чутким руководством и одобренной программой. Работа строилась на добровольных началах. Многие из преподавателей были выведены за штат гимназий и совмещали преподавание языкознания и основное ремесло. Но, даже несмотря на нехватку финансирования, была проделана огромная работа, а каждый из преподавателей внес свой вклад в распространение и изучение восточных языков в нашем регионе.

Список источников

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое : с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. (далее – ПСЗ). Т. 2 : 1802–1803. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 1122 с.

2. Кононов А. Н. История изучения тюркских народов России: дооктябрьский период. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1982. 201 с.
3. Валеев Р. М., Валеева Р. З. Традиция преподавания азиатских языков в общеобразовательных школах России и Первая Казанская гимназия (1769–1855) // Сб. ст. и докл. участников I Междунар. науч.-практ. конф. (20–21 апреля 2017 г.). Казань: Казанский фед. ун-т, 2017. С. 23–32.
4. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 87. Оп. 1. Д. 8794.
5. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3833.
6. НАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 652.
7. Булич С.К. Очерк истории языкознания в России // Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1904. 1248 с.
8. Высочайше утверждённый Устав Императорского Казанского университета // ПСЗ. Т. XXVIII: 1804–1805. СПб.: Тип. 2-го отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 1349 с.
9. Остроумов Т. Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии за время с 1806 по 1914 год. Астрахань, 1914. 846 с.
10. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 968. Оп. 1. Д. 2.
11. ГААО. Ф. 968. Оп. 1. Д. 3.
12. ГААО. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4.
13. ГААО. Ф. 968. Оп. 1. Д. 7.
14. ГААО. Ф. 968. Оп. 1. Д. 8.
15. Казанский Н. Народное образование в Астраханской губернии // Русская мысль. 1898. Вып. 6. 120 с.
16. Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды III Междунар. съезда ориенталистов в С.-Петербурге 1876 г. СПб., 1879–1880. Т. 1. С. 99–205.

References

1. *Complete collection of laws of the Russian Empire. First Collection: from 1649 to December 12, 1825 (hereinafter – ICCL)*. Vol. 2: 1802-1803. St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery; 1830. 1122 p. (In Russ.).
2. Kononov A.N. *History of the study of the Turkic peoples of Russia: the pre-October period*. Leningrad: Nauka, Leningrad branch Publ.; 1982. 201 p. (In Russ.)
3. Valeev R.M., Valeeva R.Z. The tradition of teaching Asian languages in comprehensive schools of Russia and the first Kazan gymnasium (1769-1855). *Collection of articles and reports of participants of the I International Scientific and Practical Conference (April 20-21, 2017)*. Kazan: Kazan Federal University Press; 2017:23-32. (In Russ.).
4. *National Archive of the Republic of Tatarstan (hereinafter – NART)*. Fund 87. In. 1. File 8794. (In Russ.).
5. *NART*. Fund 92. In. 1. File 3833. (In Russ.).
6. *NART*. Fund 977. In. 1. File 652. (In Russ.).
7. Bulich S.K. An essay on the history of linguistics in Russia. *Notes of the historical and philological faculty of the Imperial St. Petersburg University*. St. Petersburg: M. Merkushev Printing House; 1904. 1248 p. (In Russ.).
8. The Supremely approved Charter of the Imperial Kazan University. *ICCL. Vol. 28: 1804-1805*. St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery; 1830. 1349 p. (In Russ.).
9. Ostroumov T. *Historical essay on the Astrakhan 1st boys' gymnasium from 1806 to 1914*. Astrakhan, 1914. 846 p. (In Russ.).
10. *State Archive of Astrakhan Region (hereinafter – SAAR)*. Fund 968. In. 1. File 2. (In Russ.).
11. *SAAR*. Fund 968. In. 1. File 3. (In Russ.).
12. *SAAR*. Fund 968. In. 1. File 4. (In Russ.).
13. *SAAR*. Fund 968. In. 1. File 7. (In Russ.).
14. *SAAR*. Fund 968. In. 1. File 8. (In Russ.).
15. Kazansky N. Public education in the Astrakhan province. *Russkaya mysl' = Russian Thought*. 1898;(6). 120 p. (In Russ.).
16. Veselovsky N.I. Information on the official teaching of Oriental languages in Russia. *Proceedings of the 3 International Congress of Orientalists in St. Petersburg in 1876*. St. Petersburg, 1879-1880;1:99-205. (In Russ.).

Информация об авторе

A.C. Петров – аспирант кафедры истории России.

Information about the author

A. S. Petrov – Postgraduate Student of the Department of Russian history.

Статья поступила в редакцию 05.04.2024; одобрена после рецензирования 12.05.2024; принята к публикации 29.05.2024.
The article was submitted 05.04.2024; approved after reviewing 12.05.2024; accepted for publication 29.05.2024.

Научная статья
УДК 94 (470.6)"18"
doi: 10.18522/2687-0770-2024-2-73-79

ОБРАЗОВАНИЕ И НОВЫЕ РЕАЛИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ У ГОРСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ирина Вадимовна Середина

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия
iseredina04@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются изменения в жизни горского населения Северного Кавказа, произошедшие после завершения военных действий в крае. Акцент делается на сфере образования, которому уделялось особое внимание со стороны властей. Предполагалось, что с помощью должного воспитания удастся сформировать законопослушных подданных империи, чей пример благотворно скажется на их сородичах и земляках. Происходящие изменения находили отражение в повседневном быту юношества, в их одежде, пище, модели поведения. Для консервативно настроенной части горского сообщества такие преобразования выглядели «греховными» и потому осуждались. Чаще всего речь шла о людях старшего поколения, видевших в этом угрозу национальной самобытности. Наиболее последовательными критиками новых предпочтений были жители горных районов, в меньшей степени задействованные в экономических и культурных связях с русскими поселенцами. Проживавшие на равнине общества легче воспринимали новации и старались внедрять у себя то, что считали удобным или подчёркивающим высокий статус человека. Нередко неприязнь к происходящим изменениям объяснялась религиозными убеждениями. Существовали опасения, что под воздействием русской культуры молодёжь откажется от ислама и начнёт исповедовать христианство.

Ключевые слова: Северный Кавказ, горцы, образование, империя, учёба, юношество, реформы, религия, культура, школа

Для цитирования: Середина И.В. Образование и новые реалии повседневности у горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 2. С. 73–79.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

EDUCATION AND NEW REALITIES OF EVERYDAY LIFE AMONG THE MOUNTAIN PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

Irina V. Seredina

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
iseredina04@mail.ru

Abstract. The article examines the changes in the life of the mountain population of the North Caucasus that occurred after the end of hostilities in the region. The emphasis is on the field of education, which received special attention from the authorities. It was assumed that with the help of proper education it would be possible to form law-abiding subjects of the empire, whose example would have a beneficial effect on their relatives and fellow countrymen. The changes taking place were reflected in the everyday life of young people, in their clothing, food, and behavior patterns. For the conservative-minded part of the mountain community, such transformations looked “sinful” and were therefore condemned. Most often it was about people of the older generation who saw this as a threat to national identity. The most consistent critics of the new preferences were the inhabitants of the mountainous regions, who were less involved in economic and cultural ties with the Russian settlers. Those living on the plains of the society accepted innovations more easily and tried to introduce what they con-

sidered convenient or emphasizing the high status of a person. Often, hostility to the changes was explained by religious beliefs. There were fears that, under the influence of Russian culture, young people would abandon Islam and begin to profess Christianity.

Keywords: North Caucasus, highlanders, education, empire, study, youth, reforms, religion, culture, school

For citation: Seredina I.V. Education and New Realities of Everyday Life Among the Mountain Peoples of the North Caucasus in the Second Half of the 19th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(2):73-79. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Угасание вооружённого противостояния на Северном Кавказе открывало новые перспективы перед горским населением региона. Нужно было найти свою нишу в той модели социального устройства, которую предлагала, а то и настойчиво навязывала империя. Это было необходимым условием демонстрации лояльности вчерашнему противнику, с которым отныне предстояло жить в рамках единого правового пространства. Кроме того, успешное освоение внешней стороны быта позволяло лучше понять внутреннее содержание тех изменений, которые с каждым годом всё сильнее влияли на жизнь ещё недавно замкнутых северокавказских сообществ.

Уместным представляется провести параллель с процессами, которые некогда инициировал государь-реформатор Пётр Великий, настойчиво внедрявший различные новации в культурную повседневность своих подданных. Это давало возможность скорейшего освоения тех разнообразных западноевропейских технологий (в широком смысле), которые были необходимы для внедрения социально-экономических трансформаций, обеспечивавших конкурентную состоятельность России как суверенного государства. Нечто подобное мы наблюдаем и в тех процессах, которые были инициированы империей на Кавказе и нашли отклик у немалой части местных народов.

Безусловно, среди приоритетов следует выделить те результаты, которые были достигнуты в сфере образования. Фактически речь шла о влиянии новых механизмов на социализацию горского юношества. Обладая в силу возраста большей пластичностью и восприимчивостью к предлагаемым культурным ценностям, молодое поколение уверенно адаптировалось к новым моделям взаимоотношений, в том числе проявлявшимся в повседневной жизни.

Создававшаяся система в рассматриваемый период не могла иметь всеобъемлющий, массовый характер. Отметим, что такого результата империя не добилась не только на Кавказе, но и в прочих регионах государства. И нельзя говорить о некоем «злом умысле», нежелании властей приобщить местных жителей к достижениям науки и культуры. Проблема являлась системной, и в сложившихся обстоятельствах можно было лишь пытаться привлечь внимание к образовательным ценностям представителей той части горского сообщества, которую предполагалось использовать на государственной службе в качестве примера позитивного влияния российских порядков на лояльных подданных.

В 1859 г. был утверждён устав горских школ, ставший своеобразным итогом уже накопленного к тому времени опыта по распространению образования и просвещения среди местных народов. Инициатором этого начинания был А.И. Барятинский, умело пользовавшийся лучшими достижениями своих предшественников и неплохо разбиравшийся в местной ситуации [1, с. 30]. Власти понимали значение не только образования, но и воспитания «инородцев» (это слово не имело негативных коннотаций). Важно было не просто обучить их неким практическим знаниям, но и сделать так, чтобы они приобщились к духовно-нравственным сторонам российской культуры. Как отмечал один из современников, размышляя о перспективах школы на иноэтничных окраинах империи, «...приниматься за образование, не обращая внимание на воспитание, – дело (с педагогической точки зрения) самое нерациональное» [2, с. 9].

При этом исследователи отмечают важный момент в правительственной программе. Заниматься подготовкой горского юношества собирались не за счёт игнорирования интересов русских жителей северокавказской окраины, а одновременно озаботившись предоставлением об-

разовательных услуг и для детей тех офицеров и чиновников, которые несли службу в крае. Только в этом случае можно было создать «благоприятный микроклимат» в той «социально-демографической среде», которая и должна была стать главным носителем ценностных ориентиров для автохтонных народов [1, с. 30].

Любопытно, что даже на бытовом уровне школьники, обучавшиеся на казённый кошт, должны были получить пример разумной сдержанности в желаниях. Их не собирались нравственно растлевать роскошью, банально покупая лояльность внешним проявлением щедрости. Имперское учебное заведение создавало условия для успешной учёбы, одновременно воспитывая принципы разумной достаточности в быту. Казённая повседневность, к примеру, заключалась в том, чтобы содержание воспитанников было «достаточно, но просто и без всякого щёгольства и роскоши. Главное в пище – её доброкачественность, а в одежде – опрятность» [3, с. 387].

Обращает на себя внимание и то, что в уставе сочли необходимым регламентировать и рацион школьника, который был един для всех, независимо от социального статуса и имущественного положения родителей: «Воспитанникам даётся пища три раза в сутки. Поутру завтрак из калмыцкого чая с хлебом или просто из хлеба с местным сыром, молоком или варёными овощами, по удобству и времени года, обед из двух блюд и ужин из супа с мясом и овощей или каши с маслом и мясного блюда. По воскресеньям, праздникам и табельным дням к обеду прибавляется ещё третье блюдо» [3, с. 387].

Как видим, для воспитанников из числа горцев такой рацион не мог вызвать психологического отторжения, так как блюда состояли из привычных продуктов, не запрещенных верой или обычаями. Важна сама системность и упорядоченность в питании. Таким образом, их приучали к присущей государству регламентации различных сторон жизни, дисциплине, столь необходимой не только военным, но и гражданским служащим. Делалось это исподволь, но, привыкнув к определённому режиму дня, обучающийся начинал с пониманием относиться и к другим ограничивающим его подростковые вольности порядкам. Воспитывалась самодисциплина, и человек добровольно, а со временем уже осознанно выполнял обязательства, которые ждало от него общество.

Столь же продумано отнеслись к снабжению обучающихся необходимыми вещами. Они получали три комплекта постельного белья, четыре полотенца, т.е. количество, вполне достаточное, чтобы выполнять гигиенические процедуры, жить в чистоте. И здесь представляется уместным подчеркнуть контраст со всё ещё привычным бытом самих горцев. Так, в своих воспоминаниях обучавшийся в русской гимназии даргинец Г.-М. Амиров писал: «Постельного белья или ночного у нас не полагается, и все без исключения, начиная от родителей и кончая ребёнком, спят а la Адам и Ева» [4, с. 10].

Из одежды воспитанники довольствовались будничным и праздничным полукафтанами и двумя парами тёплых брюк. В летнее время выдавались брюки из лёгкой материи. Оговаривалось, что ткань, из которой была изготовлена одежда, должна была быть недорогой, но прочной. Ещё ученик получал пальто, которое шили из солдатского сукна. Но эта одежда, щёгольская по местным меркам, в горных селениях могла быть встречена крайне неодобрительно, и привыкшие к достаточно терпимому отношению к себе в русской среде юноши-горцы старались не демонстрировать такую одежду, возвращаясь домой. Даже их родители считали её проявлением «скверны», о чём вспоминал тот же Амиров [4, с. 10–11].

Стоит добавить, что и обувь в сложившихся обстоятельствах служила маркером культурных предпочтений. Так, русские сапоги порой вызвали бурю негодования у мусульман, которые считали, что они изготовлены из свиной кожи и истинно верующий не должен их носить. Ещё одним табу было использование сапожниками дратвы, в которую добавляли свиную щетину. Но, как правило, речь шла о жителях горных селений. Те, кто освоился на равнине, гораздо быстрее адаптировались к новым культурным предпочтениям и даже начинали на этом зарабатывать. Горские ремесленники вполне успешно осваивали изготовление сапог как для русских, так и для своих состоятельных и не столь щепетильных земляков.

Таким образом, «революция повседневности» далеко не сразу пробила путь к сердцам местных жителей. Они демонстрировали суровое отношение к тем новациям, которые несла им российская культура. Даже спустя десятилетия после завершения военных действий в Дагестане

отмечается такая же реакция на мундир, которую демонстрировали наибы Шамиля, заставившие его сына Джамалэдина (Джамалуддина) снять «гяурскую» форму, прежде чем показаться на глаза своему отцу [5, с. 61]. Напомним, что ранняя смерть бывшего заложника некоторыми современниками-наблюдателями объяснялась тем культурным шоком, который был вызван несовместимостью новоприобретённых привычек с горским патриархальным укладом [6, с. 49; 7, с. 102–111].

Но по прошествии времени потомки этих людей будут с гордостью носить российскую военную форму, которая станет частью их собственной этнической идентификации [8, с. 205].

Возвращаясь к правилам горской школы, отметим, что предполагалось снабжать каждого юношу шестью носовыми платками, что говорит о тех манерах, которые рассчитывали привить ему во время обучения. Данный предмет туалета не использовался простолюдинами и являлся своеобразным статусным маркером человека, получившего как минимум элементы аристократического образования, символом принадлежности к определённой группе населения [3, с. 387].

Заботясь о гармоничном развитии своих подопечных, руководство старалось открыть при учебном заведении гимнастический зал и пригласить для преподавания учителей с соответствующей подготовкой [3, с. 387].

Такой подход к организации образования был незнаком жителям Кавказа, и его эффективность и привлекательность должны были помочь сформировать нового человека, у которого потребности и образ жизни отличались от прежних стереотипов поведения и культивируемых патриархальными традициями запросов.

Заслуживает отдельного внимания анализ изучаемых дисциплин. Он позволяет понять, на что предполагалось обратить внимание при обучении воспитанника, какие знания считались наиболее полезными для его успешной социализации и профессионального становления. Прежде всего, речь шла о Законе Божьем, причём оговаривалось преподавание различных предметов для православных детей и мусульманских законов для исповедующих ислам. Власти не собирались ущемлять права подданных в этом вопросе, они готовы были заручиться содействием иноконфессионального духовенства, формируя феномен «российского ислама» [9]. Такой подход должен был отличаться терпимым отношением ко всем, и в учебных заведениях горцы видели зримый пример того, как вполне мирно уживаются люди, имеющие иные религиозные предпочтения. Культивировалось почитание существующей власти как залог мира и благополучия для всех подданных.

Обязательной частью учебного процесса было изучение русского языка и грамматики. Выполнялись практические задания, развивались навыки чистописания, что могло потребоваться при любом дальнейшем профессиональном выборе выпускника школы. Необходимыми являлись знания в области отечественной и всеобщей географии, но особенно подчёркивалось внимание к административному устройству Кавказского края, с которым была связана судьба большинства слушателей. Существенное воспитательное значение имели уроки истории. Её преподавание не ограничивалось только прошлым России, школьники получали представление о развитии мира в целом. Формируя разностороннюю личность, русская школа давала азы знаний в области арифметики, алгебры, геометрии, причём в последнем случае подростки начинали заниматься ещё и черчением различных фигур. При необходимости, а скорее по возможности давались основы рисования [3, с. 379].

В нашем случае речь шла об окружных школах, окончив которые можно было устроиться на работу или же продолжить обучение в университетах империи. Это был весомый стимул для прилежного отношения к процессу получения знаний, особенно для детей, не имеющих состоятельных родителей. Похожая, но несколько облегчённая учебная программа практиковалась в начальных школах [3, с. 381].

Внедрённая в качестве эксперимента программа проходила апробацию в течение четырёх лет. За это время можно было получить предварительные результаты и на их основании внести необходимые коррективы в процесс обучения. Главной же целью проекта становилось воспитание гражданственности у молодого поколения горцев, достичь которого предполагалось «разумным и нравственным воспитанием» [10, с. 387].

Для Кавказа понятия «свой» – «чужой» имели гипертрофированно болезненное содержание. Всё, что выходило за рамки привычного миропонимания, считалось греховным и опасным, а потому российские учебные заведения оценивались частью населения крайне негативно. Отмечалось, что оторванность детей во время учёбы от семьи воспринимается как утрата ими собственной, прежде всего религиозной, идентичности. Более того, родители всерьёз опасались, что «неверные» лишат жизни их детей, как только те окажутся в руках неизвестных воспитателей. Однако «...они ежегодно являются домой на каникулы – и отцы покойны: сыновья их по-прежнему мусульмане, по-прежнему для них дорога родная сакля с её обитателями, и ещё веселее они переступают порог её после разлуки» [11, с. 94].

Судя по тому, что о подобных тревогах упоминают многие горцы – выпускники российских учебных заведений, такие настроения были массовыми. И даже убеждаясь в ошибочности своих фобий, горцы не могли избавиться от предубеждений. Один из современников, характеризуя своего дядю, отмечал: «Как питомец старого поколения, он питал в душе непримиримую вражду к русским; но никогда ни словом, ни делом не обнаруживал этого нерасположения. Умный, проницательный, он не мог не заметить благотворного во многих отношениях влияния русских, но при всём том моя просьба, чтоб он отправил одного из своих сыновей в корпус, осталась тщетной. “Бог с ними, пусть себе остаются дома. Зачем мне, на краю могилы, брать на душу грех?” – был его ответ, всегдашний и неизменный» [12, с. 81]. Старшее поколение, участвовавшее в массовом вооружённом противостоянии с русскими, стало носителем архаичных запретов и главным оплотом сопротивления в начавшейся «революции повседневности».

Расставания-встречи при социализации становились частью повседневности для горца. Он уже не так был связан со своим замкнутым мирком, ограниченным родным селением. Перед ним открывался большой мир, впечатлениями от которого он делился со своими родными и односельчанами.

Справедливости ради отметим, что у горцев были основания опасаться за сохранение своей веры. Российская администрация не скрывала своих миссионерских замыслов, резонно указывая на враждебность, проявляемую частью мусульманского духовенства. Тот же А.И. Барятинский немало сил и средств потратил на восстановление православных традиций среди горцев, создав для этого специальное общество [13, с. 19–20]. Но речь не шла о каком бы то ни было насилии над горцами. Предполагалось действовать методом убеждения и «ласканий».

Впечатляющие успехи в образовании, которые демонстрировали горцы, поступившие в Ставропольскую гимназию, можно рассматривать как некий пример того, к чему следует стремиться в просветительских проектах. Возвратившиеся домой после учёбы, они явно выбивались из среды своих сверстников, так как отличались высокой эрудицией и непривычным мышлением. Они служили поводом для гордости, олицетворяя не только свою семью, но и весь народ, горцев в целом. Отсюда и трепетное отношение к учёбе, в которой присутствовал элемент соревновательности, поощряемой преподавателями и земляками. Недаром отстающих в изучении дисциплин стимулировали с помощью стыда, спрашивая: «Как ты в горы покажешься?» [11, с. 95].

И при этом наблюдался феномен рождения новой ментальности, когда, оказавшись в условиях городской жизни, воспитанники переставали ощущать себя только представителями конкретного общества, а становились носителями надэтнических ценностей. Находящиеся на государственной службе горцы старались поддерживать своих юных земляков и, даже не имея среди них кровной родни, приглашали в гости и «ласками и увещаниями поощряли их к новым успехам». Особо подчёркивалось, что «к почётному горцу являлся и осетин, и абазин, и юноша-горец иного племени; и для всех были одни ласки, одни слова, и все как члены одной семьи, всё принимали к сердцу» [11, с. 95].

Императорским указом от 18 апреля 1859 г. обучающимся в столичных вузах студентам с Кавказа разрешили проживать на частных квартирах. Здесь, видимо, сыграло свою роль стремление не только обеспечить им удобство и приватность в быту, но и создать наиболее благоприятные условия для знакомства с образом жизни российского обывателя, продемонстрировать его жизнь изнутри. Для этого каждому выдавалась стипендия в размере до 300 руб. серебром, что давало возможность не только снять квартиру и обеспечить себя питанием, но и по-

тратить оставшиеся деньги на досуг, который существенно отличался от того, с каким они были знакомы у себя дома [14, с. 94].

Всё это происходило в рамках целенаправленной подготовки педагогических кадров из числа горцев, которых на казённый кошт готовили для дальнейшей работы на своей малой родине. Им читали специальные курсы, разработанные с этой целью в университетах [15, с. 143–144].

То, что новые знания, развлечения, уровень комфорта рано или поздно окажут влияние на горцев, демонстрировали примеры со знаковыми и даже культовыми представителями местного социума. Пристальный интерес у российской общественности вызывал находившийся в плену имам Шамиль. Именно его готовность и старание понять чуждую для него культуру позволяли надеяться, что и его бывшие приверженцы проявят подобный интерес. Сохранилось воспоминание о его посещении гимназии в Калуге и реакции на различные приспособления в кабинете физики. Он охотно принял участие в опытах, проявляя «живейшее любопытство». Явно одобрительно отнёсся имам и к самой идее и способу реализации наблюдаемого учебного процесса. Нравилось ему и созерцание картин, особенно на духовную тематику, «о которых он отзывался с благоговением» [16, с. 112]. Ещё недавно бывший символом неприятия русской, имперской культуры, Шамиль становился примером восприятия новых ценностных ориентиров, внушая уверенность, что и другие горцы будут вовлечены в происходящее культурное преобразование Кавказа.

Мир оказался не менее трудным испытанием для северокавказских обществ, чем закончившееся вооружённое противостояние с Российской империей. Приходилось менять привычный и традиционный образ жизни, что неминуемо должно было сказаться и на культуре повседневности. Она воспринимала новые веяния, которые коснулись самых разных сторон бытия. Речь шла не только о материальной культуре, где новации оказались наиболее заметны. Менялись жизненные приоритеты, трансформировалась ментальность местных жителей. Капиталистический уклад теснил патриархальные ценности, что порой болезненно воспринималось современниками.

Список источников

1. *Гатагова Л.С.* Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: Россия молодая, 1993. 143 с.
2. Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1869. 522 с.
3. Об уставе горских школ // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Царствование императора Александра II. 1855–1864. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1865. Т. III. С. 377–391.
4. *Амиров Г.-М.* Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1873. Вып. 7, ч. III. С. 1–80.
5. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1888. Т. XI. 1020 с.
6. *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1873. Вып. VII. С. 1–76.
7. *Каширин В.Б., Муханов В.М.* Заложник двух владык (Судьба самого знаменитого аманата Кавказской войны, поручика Джемал Эддина Шамиля) // Кавказский сборник / под ред. В.В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2010. Т. 6 (38) С. 63–115.
8. *Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.
9. *Матвеев В.А.* Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические аспекты проблемы / под ред. и с послесл. В.Б. Виноградова. Армавир; Ростов н/Д.: Кубан. отделение Рус. ист. общества, 2004. 64 с.
10. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Гос. тип., 1902. 786 с.
11. Конкурс между воспитанниками Ставропольской гимназии // Журн. Министерства народного просвещения. 1859. Ч. CI, отд. VII. С. 92–97.
12. *Каламбий (Адиль-Гирей Кешев).* Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1988. 272 с.
13. *Савенко Е.А.* История восстановления христианства в центральных районах Северного Кавказа в 1742–1917 гг. (идеи, практика, результаты) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2013. 28 с.

14. О дозволении жить на частных квартирах студентам С.-Петербургского и Московского университетов из кавказских воспитанников, а также из воспитанников Лазаревского института восточных языков // Журн. Министерства народного просвещения. 1859. Ч. СII, отд. I. С. 94–95.

15. О приготовлении в императорских С.-Петербургском и Московском университетах десяти кавказских и закавказских уроженцев для занятия учительских должностей по Кавказскому учебному округу // Журн. Министерства народного просвещения. 1859. Ч. СIII. С. 143–144.

16. Посещение Шамилем Калужской гимназии // Журн. Министерства народного просвещения. 1859. Ч. CIV. С. 112.

References

1. Gatagova L.S. *Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century*. Moscow: Rossiya molodaya Publ.; 1993. 143 p. (In Russ.).

2. *Collection of documents and articles on the issue of education of foreigners*. St. Petersburg: Printing House of the partnership “Public Benefit”; 1869. 522 p. (In Russ.).

3. On the charter of mountain schools. *Collection of resolutions of the Ministry of Public Education. Reign of Emperor Alexander II. 1855-1864*. St. Petersburg: Printing House of the partnership “Public Benefit”, 1865;3:377-391. (In Russ.).

4. Amirov G.-M. Among the highlanders of Northern Dagestan (from the diary of a high school student). *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis: Printing House of the Chief Administrative Governor of the Caucasus; 1873;7(3):1-80. (In Russ.).

5. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis: Printing House of the Chief Administrative Governor of the Caucasus; 1888;11. 1020 p. (In Russ.).

6. Gadzhi-Ali. An eyewitness account of Shamil. *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis: Printing House of the Chief Administrative Governor of the Caucasus; 1873;7:1-76. (In Russ.).

7. Kashirin V.B., Mukhanov V.M. Hostage of two rulers (The fate of the most famous amanat of the Caucasian War, Lieutenant Dzhemal Eddin Shamil). *Caucasian collection*. Ed. by V.V. Degoev. Moscow: Russkaya panorama Publ., 2010;6(38):63-115. (In Russ.).

8. Dudarev D.S., Dudarev S.L. *The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society of the first half - mid-19th century*. Armavir; Stavropol: Dizain-studiya B Publ.; 2017. 402 p. (In Russ.).

9. Matveev V.A. *Russian Islam in the North Caucasus: historical aspects of the problem*. Ed. and with an afterword by V.B. Vinogradov. Armavir; Rostov-on-Don: Kuban branch of the Russian Historical Society Press; 2004. 64 p. (In Russ.).

10. Rozhdestvensky S.V. *Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education. 1802-1902*. St. Petersburg: State Printing House; 1902. 786 p. (In Russ.).

11. Competition between students of the Stavropol gymnasium. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya = Journal of the Ministry of Public Education*. 1859;101(7):92-97. (In Russ.).

12. Kalambiy (Adil-Girey Keshev). *Notes of the Circassian*. Nalchik: El'brus Publ.; 1988. 272 p. (In Russ.).

13. Savenko E.A. *History of the restoration of Christianity in the central regions of the North Caucasus in 1742-1917 (ideas, practice, results)*. Dissertation Thesis. Krasnodar, 2013. 28 p. (In Russ.).

14. On permission to live in private apartments for students of St. Petersburg and Moscow universities from Caucasian students, as well as from students of the Lazarev Institute of Oriental Languages. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya = Journal of the Ministry of Public Education*. 1859;102(1):94-95. (In Russ.).

15. On the preparation at the Imperial St. Petersburg and Moscow universities of ten Caucasian and Transcaucasian natives to occupy teaching positions in the Caucasian educational district. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya = Journal of the Ministry of Public Education*. 1859;103:143-144. (In Russ.).

16. Shamil's visit to the Kaluga gymnasium. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya = Journal of the Ministry of Public Education*. 859;104:112. (In Russ.).

Информация об авторе

И.В. Середина – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии.

Information about the author

I.V. Seredina – Postgraduate Student of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology.

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 12.05.2024; принята к публикации 29.05.2024.
The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 12.05.2024; accepted for publication 29.05.2024.

Научная статья

УДК 323.2

doi: 10.18522/2687-0770-2024-2-80-90

МЕРЫ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ ПО РАЗВИТИЮ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В 20–30-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Никита Сергеевич Ткаленко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

nik.tkalenko.1996@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются меры российских властей при решении эпидемических проблем на территории Северо-Западного Кавказа в 20–30-е гг. XIX в. Ландшафтно-климатические особенности края, сложности акклиматизации личного состава российской армии, беспокойная военно-политическая обстановка препятствовали развитию здравоохранения на данной территории. Потери личного состава российской армии от болезней были большими, чем на полях сражений. Для преодоления возникших трудностей властями был предпринят комплекс мер, направленных на создание медицинских учреждений, аптек, системы карантинных. Разрабатывались и внедрялись методы предупреждения болезней. Прежде всего обращалось внимание на санитарно-гигиенические процедуры, соответствующее потребностям ослабленного организма питание, внедрение подходящих для местного климата одежды и обуви. Для предупреждения распространения эпидемий была создана разветвлённая сеть карантинных застав. В регион направлялись на службу медики, которые оказывали помощь страждущим, независимо от их национальной принадлежности. Всё это позволило если и не полностью нормализовать эпидемиологическую ситуацию, то существенно снизить опасность распространения вирулентных болезней.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, климат, здравоохранение, медицина, врачи, эпидемии, карантинный двор, торговля, армия

Для цитирования: Ткаленко Н.С. Меры российских властей по развитию здравоохранения на Северо-Западном Кавказе в 20–30-е годы XIX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 2. С. 80–90.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

MEASURES OF THE RUSSIAN AUTHORITIES TO DEVELOP HEALTH CARE IN THE NORTH-WEST CAUCASUS IN THE 20-30s OF THE 19th CENTURY

Nikita S. Tkalenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

nik.tkalenko.1996@mail.ru

Abstract. The measures taken by Russian authorities to solve epidemic problems in the North-West Caucasus in the 1820s-1830s are considered. The landscape and climate features of the region, the difficulties of acclimatization of the personnel of the Russian Army, and the unstable military and political situation hindered the development of healthcare in this territory. The losses of the Russian Army personnel from diseases were greater than on the battlefields. To overcome the difficulties that arose, the authorities took a set of measures aimed at creating medical institutions, pharmacies, and a quarantine system. Methods for disease prevention were developed and implemented. First of all, attention was paid to sanitary and hygienic procedures, nutrition appropriate to the needs of a weakened organism, introduction of clothing and footwear suitable for the local climate. An extensive network of quarantine outposts was created to prevent the spread of epidemics. Doctors were sent to the region to provide assistance to those in need, regardless of their nationality. All this made it possible, if not to completely normalize the epidemiological situation, then to significantly reduce the risk of the spread of virulent diseases.

Keywords: North-West Caucasus, climate, health care, medicine, doctors, epidemics, quarantine yard, trade, army

For citation: Tkalenko N.S. Measures of the Russian Authorities to Develop Health Care in the North-West Caucasus in the 20-30s of the 19th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(2):80-90. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Целью данной работы является анализ мероприятий российского правительства по развитию здравоохранения в регионе в 20–30-е гг. XIX в.

Задачи исследования:

- оценка факторов, влияющих на эпидемическую обстановку на территории Северо-Западного Кавказа в указанный период;
- рассмотрение карантинных мероприятий по предотвращению болезней;
- анализ санитарно-медицинских мероприятий, проведённых российским правительством на территории Северо-Западного Кавказа в 20–30-е гг. XIX в.

Территория Кавказа не раз становилась очагом эпидемиологической опасности [1, с. 85]. Знойный влажный климат, резкие перепады температуры, быстрое изменение погодных условий, наличие болот, наполнявших воздух тучами насекомых, проблемы с водоснабжением предопределили высокую распространённость заболеваний. Достаточно отметить, что потери российской армии на полях сражений были ниже санитарных, усугублённых к тому же непривычным климатом и продуктами [2, с. 173]. Особенно трудно было тем солдатам и офицерам, которые лишь недавно оказались на южном фронтире и ещё не успели пройти акклиматизацию [3, с. 60]. Отсюда и повышенное внимание российских властей к организации в крае необходимой медицинской службы, созданию системы здравоохранения, которая бы позволила если и не решить проблему полностью, то хотя бы снизить потери в армии и среди гражданского населения.

В немалой степени причины сложившейся ситуации были обусловлены человеческим фактором. Неисполнение элементарных гигиенических норм, скученность при размещении в жилых помещениях, однообразная и порой несвежая пища из-за отсутствия возможности хранения продуктов – всё это приводило к многочисленным кишечно-желудочным заболеваниям, ослаблявшим организм и делавшим его уязвимым для других болезней [1, с. 83; 4, с. 125–126].

Между тем специфика службы в регионе была такова, что личный состав Отдельного Кавказского корпуса нередко находился в стрессовом состоянии, при котором требовалась мобилизация всех ресурсов организма, и без того подвергавшегося изнурительным физическим испытаниям. Достаточно вспомнить об эпизодах форсирования горных рек, после которых имели место массовые случаи пневмонии [5, с. 765]. Военная необходимость нередко заставляла командование размещать личный состав в местах, которые были плохо приспособлены для длительного проживания. Например, строительство черноморских фортов, многие из которых были возведены вблизи заболоченных мест, где существовала угроза заболевания малярией [3, с. 59–60].

Данную ситуацию описывал командир Черноморской береговой линии Н.Н. Раевский в своём письме генерал-адъютанту П.Х. Граббе: «Отряд, действующий на Восточном берегу, нельзя сравнить с отрядами, действующими в горах Дагестана и на Лабе: несносные летние жары, происходящие от низменности места, болота Кубани и других рек, которые все болотисты на Восточном берегу, наполняют воздух вредными испарениями. <...> Корпусный Командир и Ваше Превосходительство испытали на самих себе их влияние в короткое Ваше пребывание на Восточном берегу; при конце каждой экспедиции я был одержим опасными болезнями; от последней я и ныне не поправился; смертность в прибрежных укреплениях весьма сильна, хотя гарнизоны имеют постоянное [место] и менее работают, чем отряд. Что же должен терпеть солдат, изнурённый работою и лишённый сей улучшенной пищи? В то время, как совершенно ослабленному отряду доставляют огромные работы, его лишают средств сохранить здоровье отказом морского продовольствия...» [6, с. 304].

Справедливости ради отметим, что подобные проблемы приходилось решать и армиям других европейских государств. При этом никто не сумел избежать потерь, столкнувшись с незримым и беспощадным неприятелем: будь то французская армия на о. Гаити в 1801 г. [7, с. 45] или колонизирующие Индию солдаты Британской империи [8, с. 89] – все они вынуждены были предпринимать затратные, но зачастую безуспешные попытки справиться с эпидемиями. Следует подчеркнуть, что методы российского командования соответствовали мировой практике, и резонно предположить, что без предпринятых усилий вероятные потери от болезней были бы гораздо выше.

Решительно повёл борьбу с болезнями А.П. Ермолов. Генерал выступал за изменение формы российских войск на более подходящую для местных условий. Было разрешено ношение папах, полушубков, длинных сапог; вместо ранцев стали использовать сухарные мешки [9, с. 47]. Казачеству в 1824 г. было приказано носить одежду и снаряжение «черкесского покроя» (черкеска с 16 газырями, бешмет, папахи, чевяки или сапоги и др.) [10, с. 85–88].

Серьёзной проблемой для создания в крае эффективной системы здравоохранения являлась нехватка квалифицированных медицинских кадров [11, с. 159]. Врачей приглашали из центральных губерний, так как собственных учебных медицинских заведений на Северном Кавказе не существовало [12, с. 17]. Ещё одной проблемой стало отсутствие необходимого количества медикаментов. До 1838 г. на весь Кавказ имелось только две аптеки для снабжения войск – в Тифлисе и Ставрополе [12, с. 17].

В формировании системы здравоохранения на Северо-Западном Кавказе немалую роль играла деятельность Кавказской областной врачебной управы, центр которой располагался в Ставрополе. Управа занималась освидетельствованием новобранцев во время рекрутских наборов, снабжением войск медикаментами и врачебными инструментами, координацией всех медицинских служб в регионе, особенно в период эпидемий [13, с. 134].

Самыми первыми лечебными учреждениями на Кавказе можно считать избы-лазареты, которые строились на окраине селений, находящихся вблизи российских гарнизонов. Здесь оказывалась медицинская помощь заболевшим солдатам, офицерам и казакам. Первые такие лазареты в Черномории были открыты в 1825 г. в ст. Полтавской и кр. Темрюке. Полтавский медицинский пункт находился в турлучном строении, состоящем из камеры для аптеки и 2 комнат с 50 кроватями. Темрюкский войсковой лазарет находился в частном доме с двумя комнатами и был рассчитан на 25 человек. На два лазарета был один врач и один фельдшер [12, с. 17]. В октябре 1825 г. в Екатеринодаре было построено госпитальное отделение на 400 человек [4, с. 126]. В 1831 г. в данном отделении появляется первый гражданский врач [14, с. 16].

В 1835 г. в регионе были открыты оспопрививательные комитеты, состоявшие из заседателя, священника и окружного врача. Но уже в 1846 г. Врачебная управа признала проект не оправдавшим возлагавшихся на него ожиданий [15, с. 112]. Видимо, организовать должную вакцинацию населения в условиях военно-политической нестабильности в крае медицинским службам не удалось, да и саму угрозу распространения оспы сочли незначительной.

Нередкой болезнью среди офицеров и солдат Отдельного Кавказского корпуса являлась лихорадка. Так, в войсках около Петербурга ею страдало 3,5 % из числа всех заболевших, в Кавказской армии таких было уже 56 %, а на Черноморском побережье, где свирепствовала малярия, – 66 % [1, с. 83]. Боролись с этим недугом с помощью карантинных предосторожностей, а уже заболевшим предоставлялось улучшенное питание и винные порции с добавлением хинина. Однако количество этого лекарства не покрывало всей имеющейся потребности [16, с. 9]. Дальнейший процесс восстановления вылечившихся от малярии был длительным и требовал значительных издержек [1, с. 84].

Не обходилось без последствий и излечение дизентерии [17, с. 458]. Эффективным лекарством от неё считалась каломель, но после лечения этой микстурой появлялись проблемы с состоянием дёсен и зубов [1, с. 84].

Среди массовых заболеваний в рассматриваемый период упоминается цинга. Командование неохотно признавало её наличие, так как считалось, что она является следствием служебного несоответствия командира и офицеров части, не сумевших обеспечить солдат полноценным питанием и условиями для проживания. Выявление цинги было чревато проверками, а то и об-

винением в казённых растратах. С этим заболеванием боролись, добавляя витаминсодержащие продукты в солдатский порцион, выдавая хрен, лук, кизил, барбарис, черемшу [1, с. 85].

Чаще всего болезнь встречалась на Черноморском побережье, где постоянно ощущались перебои с доставкой продовольствия, а имеющиеся запасы еды не отличались разнообразием. Так, в Михайловском укреплении, находящемся в устье реки Вулан, за 4 месяца (с 10 октября 1837 г. по 25 февраля 1838 г.) от цинги умерли 1 офицер и 195 солдат. Иногда в день умирало по 7 человек [1, с. 84]. Пытаясь справиться с этим бедствием, командование требовало обеспечить «соблюдение в казармах чистоты, опрятности, все способы к удалению из них сырости, к очищению и освежению воздуха; наблюдение за чистоплотностью людей, как в отношении их самих, так и одежды, не упуская из вида нужных предосторожностей при хождении людей в баню и купанье в море; употребление здоровой пищи из свежей провизии и овощей, от цинги предохраняющих, в соразмерности, предписанной медиками; старание избегать изнурительных работ, ободрение духа солдат введением народных забав, гимнастических игр и различных увеселений. Усугубление надзора медиков за больными и в особенности за цынготными, отделяя их совершенно от гарнизона» [6, с. 75]. Но на практике добиться этого в условиях блокады фортов враждебными силами черкесов не представлялось возможным.

Известно, что в конце 30-х гг. XIX в. в крепости Анапа российский гарнизон страдал от цинги из-за отсутствия чистой питьевой воды и сырости в казарменных помещениях. Аналогичная ситуация фиксировалась в Вельяминовском, Лазаревском, Навагинском и Головинском фортах [4, с. 125]. В Новороссийском укреплении с декабря 1838 г. по март 1839 г. из гарнизона в 247 человек в среднем в месяц заболел 41 человек, из которых умирало 9. В укреплении Александрийском по той же статистике – 151/38/10; в укреплении Геленджик – 596/64/13; в Тенгинском укреплении – 255/77/21; в форте Вельяминовском – 228/131/27; в форте Александрия – 424/96/4; в укреплении Святого Духа – 544/37/17 [6, с. 54, 61, 63, 78, 87, 93, 95].

Н.Н. Раевский связывал такую ситуацию с неудовлетворительным состоянием казарм и лазаретов, катастрофической нехваткой медикаментов и плохим качеством пищи [6, с. 293]. Предварительные расчёты необходимого количества лекарств оказались ошибочны. Оставленные гарнизону форта Лазарев медикаменты из расчёта на год были использованы за три месяца [6, с. 296]. Это не могло не отразиться на боеспособности приморских укреплений. В конце сентября 1839 г. при совершении попытки черкесами взять Навагинский форт среди его защитников было 80 тяжёлобольных солдат, которые тем не менее участвовали с остальным гарнизоном в отражении нападения неприятеля [18, с. 462–463]. Но далеко не для всех крепостей исход противостояния был столь же благоприятен. В 1840 г. пало сразу несколько российских укреплений, и не последнюю роль в этом сыграло изнурение гарнизона непрерывными болезнями.

Несмотря на враждебность части горского населения, российские врачи не отказывали в оказании медицинской помощи и черкесам. Они были такими же пациентами, как и прочие подданные империи [19, с. 119]. Так, в 1838 г. в предписании начальнику первого отделения Черноморской береговой линии Новотроицкого укрепления штабс-капитану Мамонтову говорилось: «...неприятных нам горцев, кои будут являться в укрепление, требующих медицинского пособия, тех из них, кои пожелают оставаться в крепости для излечения недугов своих, помещать в лазареты... наблюдая, чтобы в содержании больных горцев не было скудости... равно видом не было допущено лихоимства... тем же, кто не пожелает остаться, давать с собою медицинские по совету медика средства» [20, с. 64].

Известно, что лазарет в Геленджикской крепости с 26 июня по 6 сентября 1838 г. посетил 231 горец. За медицинской помощью обращались не только мужчины, но и женщины. В том же году в Геленджикский госпиталь несколько раз приходила черкешенка, где за ней был установлен «бдительный и ласковый присмотр», а в прислугу определена анапская поселанка Нищенкова. Николай I, узнав об этом, приказал местному начальству вручить золотую цепочку данной черкешенке в присутствии других горцев в благодарность за доверие к русским. Приказ был выполнен после того, как черкешенка появилась в Геленджикском укреплении в следующий раз [20, с. 64–65].

Для оказания медицинской помощи местным жителям из числа горцев от казны выделялись соответствующие средства. В рапорте командира Черноморского линейного № 4 батальона

майора Середина к геленджикскому коменданту говорилось, что с 17 августа по 6 сентября 1838 г. в среднем на каждого человека в сутки расходовалось по 3 руб. 61 коп. В рапорте самого коменданта полковника Витковского отмечалось, что на содержание и лечение черкесов, посещавших крепость с 22 января по 3 сентября 1839 г., им было истрчено средств на сумму 652 руб. 98 коп. [21, с. 113].

Страждущие не делились на «мирных» и «немирных». Командир Черноморского линейного № 5 батальона майор Мороневский в рапорте от 24 октября 1838 г. писал, что «доставлен во вверенное мне укрепление Св. Духа из числа неприязненных нам горцев... черкес, названный Сугум Амирза, и того же числа принят на пользование медицинскими средствами в батальонный лазарет» [21, с. 112].

В рапорте начальника форта Вельяминовского капитана Пакахристо от 6 декабря 1838 г. говорилось: «Прибывшие сего числа больные неприязненные нам горцы из реки Пшагати аула Тагай, коих имена Хаудир Нарт, Гуджи Хандхуч, Сапсук Таххич, всего три человека и по согласию их остаться пользоваться помещены в форт в Вельяминовском лазарете» [21, с. 112].

В апреле 1839 г. в крепость Абинскую для излечения от болезни прибыл натухаец Аоев Сохту. В том же месяце больной черкес Огормет Свен Базруков явился в Новотроицкое укрепление [4, с. 132]. В июле 1839 г. в крепость Святого Духа приехал адыгский князь Шер Ахмет Цамба, запросивший помощи в лечении от болезни в батальонном лазарете. На его содержание Черноморским линейным № 6 батальоном было израсходовано 4 руб. 10 коп. серебром [4, с. 132].

К концу 1830-х гг. в российских прибрежных лазаретах и госпиталях было уже столько горцев, что российское командование стало опасаться захвата адыгами российских укреплений. Но, несмотря на это, в медицинские учреждения принимали всех закубанцев, обратившихся за помощью [4, с. 135–136]. Такая практика контрастирует с методами, практикуемыми североамериканскими властями, когда племена индейцев уничтожались с помощью создания искусственных очагов эпидемических заболеваний [22, с. 78–79].

Ещё одним вызовом российской медицине стала вспышка холеры, или «черной болезни», появившейся на Кавказе в 1822–1823 гг. и затем перекинувшейся в Астраханскую губернию [1, с. 85]. Очередная эпидемия болезни была зафиксирована через шесть лет, вспышки холеры периодически наблюдались до 1838 г. Пришлось даже созывать авторитетную медицинскую комиссию, чтобы выработать эффективные меры по противодействию распространявшейся заразе [23, с. 114].

Способы профилактики болезни были уже привычны. В случае выявления холеры ежедневно нижним чинам Отдельного Кавказского корпуса выдавались винные порции. Так, капитан Н.С. Кишинский докладывал генералу Н.С. Завадовскому, что в период с 2 по 19 июля 1831 г. в вверенной ему 3-й роте было выдано винных порций на сумму 285 руб. 50 коп. в количестве 32 ведра и 25 чарок [1, с. 85].

При отсутствии эффективных медикаментозных способов излечения болезни власти уповали на карантинные предосторожности. Весьма настойчив и последователен в их совершенствовании был генерал А.П. Ермолов, сумевший заручиться в данном вопросе поддержкой самого императора. Опасаясь, что болезнь будет распространяться в результате торговых сношений, он требовал строго следить за очищением привозимых горцами на Линию товаров, содержать самих купцов в изоляции в течение необходимого по медицинским требованиям срока [9, с. 91–92].

Однако сам А.П. Ермолов признавал, что для снижения роста эпидемий данные мероприятия были недостаточны [24, с. 100]. В письме А.А. Закревскому от 23 февраля 1822 г. он поведал: «Вы верно удивитесь, получая рапорты об убыли людей. От прошлого года остались нам свирепые болезни и смертность не только в войсках, но и между самими жителями ужаснейшая. Не отнесите потери к недостатку попечения о людях или к худому состоянию госпиталей. Всё соблюдается строжайшим образом, а в полках лазареты поистине заслуживают одобрения. Но при всей потере нашей мы ещё счастливы в сравнении с соседями нашими персиянами, у коих в Эриванской области не собрано половины с полей хлеба за болезнью поселян, а в Индии считают более полутора миллиона убыли людей» [25, с. 275].

Ситуация осложнялась тем, что районы Закубанья, откуда и заносилась болезнь в российские пределы, формально являлись территорией Османской империи. Лишь после Адриано-

польского мира 1829 г. Петербург получил возможность отчасти влиять на ситуацию на этих землях.

В 1830 г. были устроены лазарет в Шебском укреплении, большой военный госпиталь в ст. Прочноокопской и флигель с аптекой и полугоспиталем на 50 человек в Георгие-Афипском укреплении [4, с. 127]. В 1834 г. в крепости Анапе был построен деревянный военновременный госпиталь для лечения солдат и офицеров кавказской армии от малярии, желчной горячки и цинги [12, с. 17]. В 1837 г. построены госпитали на 100 человек в Абинском и Ольгинском укреплениях, а также возведены лазареты и госпитали в Усть-Лабинской крепости, Гастагаевском и Псебайском укреплениях [4, с. 127].

На Черноморской береговой линии были построены госпитали в Анапе, Геленджике, Новороссийске, Фанагории. Лазареты располагались при батальонных штаб-квартирах, куда направлялись больные военнослужащие. В каждом укреплении для оказания первой помощи находился лекарь или фельдшер. Медицинскую помощь здесь могли получать как казаки, солдаты и офицеры с семьями, вдовы военных, так и горцы [20, с. 63–64]. Семьи офицеров и нижних чинов имели право на бесплатный отпуск лекарств из государственных аптек [4, с. 131].

Часто поступающая тревожная информация о распространении эпидемий на сопредельных территориях заставляла власти не пренебрегать мерами по предотвращению попадания заражённых в пределы Российской империи. Так, 15 мая 1830 г. тифлисский военный губернатор оповестил правительство о том, что в некоторых персидских городах появилась холера [26, л. 2]. В сентябре 1830 г. в Центральной России, а также в Слободско-Украинской, Екатеринославской областях, Земле Войска Донского стали наблюдаться случаи заболевания холерой [26, л. 19]. В связи с этим на Лабинской карантинной заставе с мая по октябрь 1830 г. происходило карантинное очищение животных (коров, быков, телят, лошадей), принадлежащих черкесам и армянам [27, л. 1–2]. Несмотря на предпринимаемые шаги в январе 1831 г. болезнь появилась в некоторых селениях Северо-Западного Кавказа, которые сразу же были переведены в карантинное оцепление [28, л. 2–3].

Ещё одним опасным заболеванием, отличающимся повышенной вирулентностью, была чума. Из опасения её проникновения в российские пределы в 1822 г. пришлось на время прекратить торгово-экономические связи с горцами [29, с. 123]. Сведения-слухи о заболевших регистрировались в 1818, 1828, 1830 и 1840 гг. [1, с. 85]. В 1835–1836 гг. появилась, к счастью, не подтвердившаяся информация о заболевших в станице Баталпашинской [30, с. 614].

Екатеринодарская карантинная контора 10 февраля 1835 г. со ссылкой на показания одного из горцев сообщила, что среди закубанцев была отмечена вспышка чумы. Якобы в недавнем времени к черкесской гавани Сашше (недалеко от Суджук-Кале) из Турции прибыло купеческое судно с разными товарами. После этого среди местных жителей появились заболевшие чумой. Вскоре этот корабль попал в сильную бурю и был выброшен на берег. Все товары разхищены, и можно было ожидать, что часть из них попадёт на линию [31, л. 21].

Не менее тревожная информация поступила весной того же года, когда 6 апреля к Осодосу из Константинополя прибыло австрийское торговое судно «Онгарези». Один из его пассажиров, «татарин» Шикий Анваз-Оглу, имел раны от чумного бубона, находившиеся в стадии заживления. После этого всем конторам поступило распоряжение быть крайне осторожными с зарубежными судами [31, л. 144]. Данные сведения подтвердил армянин Иванес Асланов, рассказавший, что в районе реки Убыхи присутствует бубонная чума. Как стало потом известно, слухи о наличии чумы в регионе были лишь страшными разговорами среди жителей, а эпидемических вспышек на территории Закубанья не наблюдалось. Тем не менее российские власти проявили бдительность и сразу же установили карантинные ограничения вдоль реки Кубань. Обмен с горцами был разрешён только на Екатеринодарском и Редутском карантинах и ограничивался лишь лесом и дровами [31, л. 24]. Впрочем, лазутчики доносили, что это не мешало контрабандистам продолжать перевозить груз в обе стороны, снабжая им «немирных» черкесов и получая от них товары, попавшие под запрет [31, л. 79].

В середине 1830-х гг. вспышки чумы произошли в Грузии, Армении, а в Тегеране началась ещё и холера [31, л. 172, 214]. Российским властям в Закубанье рекомендовалось повысить бдительность, дабы не допустить распространения болезни, если она проявится среди черкесов. В

июне 1838 г. чума снова появляется в Армении и в Ахалцихской провинции [18, с. 72–73]. Это заставило российское командование вновь усилить контроль за исполнением карантинными служащими своих обязанностей, а срок обсервационной изоляции с семи дней был увеличен до четырнадцати [18, с. 81].

Накопленный опыт по предупреждению массовых заболеваний нашёл отражение в изменениях, внесённых в карантинные уставы в 1832 и 1841 гг. Территория, где присутствовали вспышки заболеваний, оцеплялась войсками, на дорогах выставлялись заставы, устраивались временные лазареты, закрывались рынки, недопустимо было проведение собраний и богослужений. Из заражённых областей людей выводили после 14-дневного карантина. Разрешение на выезд в центральные губернии России давалось также после обязательной процедуры «очищения» и карантина [1, с. 85]. Домашних животных на обсервационных заставах прогоняли через воду, опрыскивали раствором хлорной извести или жидким раствором негашёной извести. Вместе со скотом карантинной изоляции подвергались и гуртовщики. В случае смерти либо заболевания человека всю одежду заражённого сжигали [31, л. 38].

Ещё в 1825 г. в Екатеринодаре было учреждено Центральное карантинное управление. В 30-х гг. XIX в. стали возводиться карантинные линии на Черноморском побережье Кавказа [4, с. 147–148]. Кавказская карантинная линия тянулась по Северо-Восточному побережью Чёрного моря, вдоль рек Кубань, Малка, Терек до острова Чечень на Каспийском море. На Северо-Западном Кавказе между Таманской и Баталпашинской карантинными заставами вдоль Кубани располагались карантин при Бугазском меновом дворе, Анапский временный карантин, Ольгинская карантинная застава, Темиргоевский карантин, Екатеринодарский частный карантин, Махошевский карантин, Усть-Лабинская и Невинномысская карантинные заставы [17, с. 458; 4, с. 146].

Как правило, карантинные дома возводились на открытой местности, по возможности на возвышенности. Расстояние до ближайшего населенного пункта предполагалось не менее одной версты, вдали от болот и топких мест. Обязательным условием был свободный доступ солнечного света. Карантинное строение всегда по периметру окружалось глубоким рвом и обносились валом [17, с. 456].

Процедура досмотра была строго регламентирована. Посетителей карантина опрашивали, имеют ли они сведения о наличии заразных болезней на территории, откуда они прибыли [4, с. 147]. Далее они следовали в помещение для окуривания. Весь багаж с вещами распаковывался, одежда и бельё развешивались на верёвках, содержимое в пакетах и упаковках, бумага складывались на металлические решетки, после чего всё очищалось дымом и газом. В отдельном помещении в растворе уксуса и соли омывались все металлические предметы (монеты, расчёски, часы, компасы, ключи, кольца и т.д.). Участников досмотра раздевали и проверяли на наличие симптомов чумы на коже, а также заставляли протереть всё тело губкой, пропитанной уксусом. Убедившись в отсутствии заболеваний у посетителей, сотрудники карантина выдавали им чистую, подвергшуюся санитарной обработке одежду. Для досмотра женщин привлекались жительницы ближайших поселений [17, с. 457]. Медицинскому освидетельствованию подвергались как гражданские лица, так и военные чины [4, с. 147].

Главным учреждением карантинной заставы являлась карантинная контора, в которой служили инспектор, товарищ инспектора, доктор или штаб-лекарь, несколько помощников, иногда присутствовала повивальная бабка. Карантинная контора получала сведения о заражённых зонах, определяла сроки карантина, следила за организацией праздничных мероприятий, обеспечивала карантинный двор продовольствием и медикаментами, находящимися в аптеке при карантинном дворе. Все сведения о болезнях, выявленных карантинной конторой, подавались в рапортах губернскому начальству [17, с. 456–457].

Из-за опасности заражения работа в карантинах не пользовалась популярностью. Об этом свидетельствует текучесть кадров медицинского персонала. Так, на Екатеринодарском частном карантине на должности лекаря карантинного дома с 1829 по 1841 г. побывало 4 человека [17, с. 459]. Работников для карантинных часто набирали из числа солдат-инвалидов [4, с. 146]. Они поддерживали в рабочем состоянии карантинные изоляторы, проводили обработку товаров и одежды [32, с. 18–19].

Возможно, сказывалось и желание властей сэкономить на содержании этих учреждений, о важности которых нередко вспоминали, лишь когда угроза эпидемии становилась реальностью. В качестве иллюстрации приведем отношение барона Г.В. Розена к тайному советнику Д.Н. Блудову, от 14 ноября 1835 г., в котором говорилось о сокращении финансирования карантинных учреждений: «За сим нужным считаю присовокупить, что сумма, исчисленная на устройство карантин в прежнем моём предположении, простиралась, собственно на возведение зданий до 461 000 рублей серебром и на формирование стражи до 254 000 рублей ассигнациями; по нынешним же соображениям и по приблизительному расчету расходы могут ограничиться на первый предмет до 300 000 рублей серебром, а на второй до 169 000 рублей ассигнациями» [5, с. 162].

На меновых дворах товары подвергались тем же процедурам очищения, что и в карантине. Впрочем, по желанию продавца процедура обмена могла быть изменена. Для этого устраивались деревянные изгороди, по разные стороны которых находились покупатели и продавцы. Осмотр продаваемых вещей происходил визуально, без прикосновения к ним, после чего приглянувшаяся вещь обрабатывалась и отдавалась новому собственнику [33, с. 140–141]. Предпринимаемые медиками шаги позволяли сохранять экономическую активность в крае даже в условиях эпидемиологической опасности.

Медицинские службы Российской империи прилагали все усилия по формированию на Северном Кавказе системы здравоохранения. Непривычные для новопоселенцев из северных регионов климатические условия, вода и пища провоцировали кишечно-желудочные заболевания, нередко заканчивающиеся летальным исходом. Угрозу здоровью и жизни людей несли многочисленные эпидемии, которые нередко заносились в регион из сопредельных территорий. Приходилось затрачивать значительные человеческие и финансовые ресурсы, чтобы создать в крае разветвленную сеть аптек, лечебных учреждений, карантин с целью предупреждения заболевания или его последующего излечения. Нередко центрами медицинского обслуживания становились российские крепости, в которых могли получить помощь как военнослужащие, так и гражданские лица. Не отказывали в ней и горцам, среди которых были враждебно настроенные к России люди. И хотя смертность от санитарных потерь и болезней оставалась по-прежнему высокой, можно с уверенностью утверждать, что без предпринятых усилий она была бы ещё масштабней.

Список источников

1. Салчинкина А.Р. Эпидемическая ситуация в годы Кавказской войны 1817–1864 гг. (по воспоминаниям офицеров Отдельного Кавказского корпуса) // Общество: философия, история, культура. 2019. № 9 (65). С. 83–86.
2. Епифанцев А.А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? М.: Маска, 2010. 354 с.
3. Клычников Ю.Ю. Кавказ как «школа войны» для российской армии (к оценке опыта первой половины XIX столетия) // Гуманит. и юрид. исследования. 2022. Т. 9, № 1. С. 57–64.
4. Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.) / под ред. Н.Н. Великой. Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2011. 248 с.
5. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 1–12. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника кавказского, 1878. Т. VIII. 1033 с.
6. Архив Раевских. Т. 1–5 / изд. П.М. Раевского; ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. Т. 3. 717 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002939912> (дата обращения: 03.08.2023).
7. Бронштейн А.М., Малышев Н.А., Лобзин Ю.В. От колониальной и военной медицины к медицине тропической: дорога временных поражений и знаменитых побед // Эпидемиология и инфекционные болезни. 2015. Т. 20, № 2. С. 43–48.
8. Михель И.В. Эпидемия и история охраны здоровья в Индии // Соц. и гуманитар. науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9 : Востоковедение и африканистика. 2022. № 3. С. 87–100.
9. Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827 гг.). Эссендуки: Армавирское полиграфпредприятие, 1999. 135 с.
10. Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской Линии / под ред. В.Б. Виноградова. Армавир: Армавир. гос. пед. ун-т, Армавирское полиграфпредприятие, 2005. 122 с.

11. Рубаева Э.М. Формирование медицинской интеллигенции на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. // Дискуссия. 2013. № 8 (38). С. 159–165.
12. Салчинкина А.Р. Проблемы медицинского обеспечения Отдельного Кавказского корпуса и казачества в годы Кавказской войны 1817–1864 гг. // Соц.-гуманит. вестн. : всерос. сб. науч. тр. 2017. Вып. 21. С. 16–19.
13. Карташев А.В., Цапко Л.И., Клименко Д.И. Особенности организации здравоохранения в Кавказской области и Ставропольской губернии в XIX веке // Мед. вестн. Северного Кавказа. 2018. Т. 13, № 1. С. 132–136.
14. Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX в. – 1940 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2006. 27 с.
15. Василенко В.Г. Из истории смертности от инфекционных заболеваний (на примере натуральной оспы) // Вопросы южнороссийской истории : науч. сб. / под ред. С.Н. Кгиторова. Армавир: Дизайн-студия Б, 2013. Вып. 18. С. 108–115.
16. Торопов Н.И. Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающихся лихорадок: с картой распространения лихорадок на Кавказ и рисунками. СПб.: Воен.-мед. деп., 1864. 416 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003567388> (дата обращения: 29.06.2023).
17. Карташев А.В. Медицинская служба на Кавказской карантинной линии в первой половине XIX века // Мед. вестн. Северного Кавказа. 2021. Т. 16, № 4. С. 455–460.
18. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 1–12. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника кавказского, 1878. Т. IX. 979 с.
19. Норченко Е.А., Айларова С.А. Модернизация Северного Кавказа в 20–50-е годы XIX века. Владикавказ: Сев.-Осет. ин-т гуманитар. и соц. исследований, 2013. 282 с.
20. Пылков О.С. О некоторых аспектах деятельности российских властей по оказанию медицинской помощи горцам Северо-Западного Кавказа (первая половина XIX в.) // Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы : материалы XIII науч.-пед. семинара / под ред. В.Б. Виноградова. М.; Армавир, 2009. С. 61–70.
21. Пылков О.С. Лечение горцев в лазаретах и госпиталях Черноморской береговой линии в первой половине XIX в. (по материалам ГАКК) // Вопросы южнороссийской истории / под ред. В.Б. Виноградова. М.; Армавир : Дизайн-студия Б, 2006. Вып. 13. С. 111–116.
22. Пылков О.С. Участие российской армии в социально-экономическом и культурном развитии Северного Кавказа (первая половина XIX в.) // Современные аспекты российского кавказоведения (мозаика новейших статей и материалов). М.; Армавир, 2009. Вып. 2. С. 76–83.
23. Райкова С.В. Из истории борьбы с холерными эпидемиями в России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 7-1. С. 114–116.
24. Коробейникова Д.Ю. Колонизационно-переселенческая деформация северокавказского региона в процессе его адаптации к имперскому миросоциуму // Гуманит. и юрид. исследования. 2018. № 3. С. 98–103.
25. Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816–1860 / сост. Г.Г. Лисицына и др.; отв. ред. Я.А. Гордин. СПб.: Журн. «Звезда», 2014. 830 с.
26. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 324. Оп. 1. Д. 108.
27. ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 83.
28. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 301.
29. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века : соц.-экон. очерки. Краснодар: Кн. изд-во, 1989. 319 с.
30. Котенев Е.С., Дубянский В.М., Волынкина А.С., Зайцев А.А., Куличенко А.Н., Кравцова С.Л. История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // Мед. вестн. Северного Кавказа. 2016. Т. 11, № 4. С. 612–616.
31. ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 211.
32. Пылков О.С. Участие российской армии в социально-экономическом и культурном развитии Северного Кавказа (первая половина XIX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 26 с.
33. Радионов С.И. Основные тенденции экономического развития линейного казачества Кубани (1794–1860 гг.) / под ред. Н.Н. Великой. Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2011. 200 с.

References

1. Salchinkina A.R. The epidemic situation during the Caucasian War of 1817-1864 (according to the memoirs of officers of the Separate Caucasian Corps). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*. 2019;(9):83-86. (In Russ.).
2. Epifantsev A.A. *Unknown Caucasian War. Was there a genocide of the Adyghs?* Moscow: Maska Publ.; 2010. 354 p. (In Russ.).

3. Klychnikov Yu.Yu. Caucasus as a “school of war” for the Russian Army (to the assessment of the experience of the first half of the 19th century). *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanities and Law Research*. 2022;9(1):57-64. (In Russ.).
4. Pylkov O.S. *Russian Army in transformational processes in the North Caucasus (late 18th – first half of 19th century)*. Ed. by N.N. Velikaya. Armavir: IP Shurygin V.E. Publ.; 2011. 248 p. (In Russ.).
5. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. 1-12. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus; 1878, vol. 8. 1033 p. (In Russ.).
6. Raevsky P.M., publ. *Raevsky's archive*. Vol. 1-5. Ed. and annot. by B.L. Modzalevsky. St. Petersburg: Printing House of M.A. Alexandrov; 1910. Vol. 3. 717 p. Available from: [https:// search.rsl.ru/ru/record/01002939912](https://search.rsl.ru/ru/record/01002939912) [Accessed 3rd August 2023]. (In Russ.).
7. Bronshteyn A.M., Malyshev N.A., Lobzin Yu.V. From colonial and military medicine to tropical medicine: the road of temporary defeats and famous victories. *Epidemiologiya i infektsionnye bolezni = Epidemiology and Infectious Diseases*. 2015;20(2):43-48. (In Russ.).
8. Mikhel' I.V. Epidemic and history of health protection in India. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura = Social and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies*. 2022;(3):87-100. (In Russ.).
9. Klychnikov Yu.Yu. *Activity of A.P. Ermolov in the North Caucasus (1816-1827)*. Essentuki: Armavir Printing Enterprise; 1999. 135 p. (In Russ.).
10. Skiba K.V. *From the history of the “Small Caucasian War” on the Kuban Line*. Ed. by V.B. Vinogradov. Armavir: Armavir State Pedagogical University, Armavir Printing Enterprise; 2005. 122 p. (In Russ.).
11. Rubaeva E.M. Formation of the medical intelligentsia in the North Caucasus in the 19th - early 20th centuries. *Diskussiya = Discussion*. 2013;(8):159-165. (In Russ.).
12. Salchinkina A.R. Problems of medical support of the Separate Caucasian Corps and Cossacks during the Caucasian War of 1817-1864. *Sots.-gumanit. vestn. = Social and Humanitarian Bulletin. All-Russian collection of scientific works*. 2017;(21):16-19. (In Russ.).
13. Kartashev A.V., Tsapko L.I., Klimentko D.I. Features of the organization of health care in the Caucasus region and the Stavropol province in the 19th century. *Meditsinskii vestnik Severnogo Kavkaza = Medical Bulletin of the North Caucasus*. 2018;13(1):132-136. (In Russ.).
14. Vasilenko V.G. *History of health care and medical education in the Don and North Caucasus (19th century - 1940)*. Dissertation Thesis. Krasnodar, 2006. 27 p. (In Russ.).
15. Vasilenko V.G. From the history of mortality from infectious diseases (on the example of smallpox). *Questions of South Russian history*. Scientific collection. Ed. by S.N. Ktitorov. Armavir: Dizain-studiya B Publ.; 2013;(18):108-115. (In Russ.).
16. Toropov N.I. *An experience of medical geography of the Caucasus regarding intermittent fevers: with a map of the distribution of fevers to the Caucasus and drawings*. St. Petersburg: Military and Medical Department Press; 1864. 416 p. Available from: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003567388> [Accessed 29th June 2023]. (In Russ.).
17. Kartashev A.V. Medical service on the Caucasian quarantine line in the first half of the 19th century. *Meditsinskii vestnik Severnogo Kavkaza = Medical Bulletin of the North Caucasus*. 2021;16(4):455-460. (In Russ.).
18. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. 1-12. Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus; 1878. Vol. 9. 979 p. (In Russ.).
19. Norchenko E.A., Ailarova S.A. *Modernization of the North Caucasus in the 20-50s of the 19th century*. Vladikavkaz: North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research Press; 2013. 282 p. (In Russ.).
20. Pylkov O.S. On some aspects of the activities of the Russian authorities to provide medical assistance to the highlanders of the North-West Caucasus (the first half of the 19th century). *Russian North Caucasus: current risks, encroachments and prospects*. Materials of the 13th Scientific and Pedagogical Seminar. Ed. by V.B. Vinogradov. Moscow; Armavir, 2009:61-70. (In Russ.).
21. Pylkov O.S. Treatment of highlanders in infirmaries and hospitals of the Black Sea coastline in the first half of the 19th century (based on the materials of the SAKR). *Questions of South Russian history*. Ed. by V.B. Vinogradov. Moscow; Armavir: Dizain-studiya B Publ.; 2006;(13):111-116. (In Russ.).
22. Pylkov O.S. Participation of the Russian Army in the socio-economic and cultural development of the North Caucasus (the first half of the 19th century). *Modern aspects of Russian Caucasian studies. Mosaic of the latest articles and materials*. Moscow; Armavir, 2009;(2):76-83. (In Russ.).
23. Raikova S.V. From the history of the fight against cholera epidemics in Russia. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*. 2013;(7-1):114-116. (In Russ.).
24. Korobeynikova D.Yu. Colonization and resettlement deformation of the North Caucasian region in the process of its adaptation to the imperial world society. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanities and Law Research*. 2018;(3):98-103. (In Russ.).

25. Ermolov A.P. *Caucasian letters. 1816-1860*. Comp. by G.G. Lisitsyna et al.; ed. By Ya.A. Gordin. St. Petersburg: Journal "Star" Press; 2014. 830 p. (In Russ.).
26. *State Archive of the Krasnodar Territory* (hereinafter - SAKT). Fund 324. In. 1. File 108. (In Russ.).
27. SAKT. Fund 324. In. 1. File 83. (In Russ.).
28. SAKT. Fund 261. In. 1. File 301. (In Russ.).
29. Pokrovsky M.V. *From the history of the Adyghs in the late 18th - first half of the 19th century: socio-economic essays*. Krasnodar: Book Publishing House; 1989. 319 p. (In Russ.).
30. Kotenev E.S., Dubyansky V.M., Volynkina A.S., Zaytsev A.A., Kulichenko A.N., Kravtsova S.L. History of plague epidemics in the North Caucasus and the modern epidemic potential of natural plague foci. *Meditsinskii vestnik Severnogo Kavkaza = Medical Bulletin of the North Caucasus*. 2016;11(4):612-616. (In Russ.).
31. SAKT. Fund 324. In. 1. File 211. (In Russ.).
32. Pylkov O.S. *Participation of the Russian Army in the socio-economic and cultural development of the North Caucasus (the first half of the 19th century)*. Dissertation Thesis. Stavropol, 2008. 26 p. (In Russ.).
33. Radionov S.I. *The main trends in the economic development of the linear Cossacks of the Kuban (1794-1860)*. Ed. by N.N. Velikaya. Armavir: IP Shurygin V.E. Publ.; 2011. 200 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.С. Ткаленко – преподаватель кафедры регионалистики и евразийских исследований, Институт социологии и регионоведения.

Information about the author

N.S. Tkalenko – Lecturer of the Department of Regionalistics and Eurasian Studies, Institute of Sociology and Regional Studies.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 29.05.2024.
The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 29.05.2024.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCE

Научная статья

УДК 339.137.2

doi: 10.18522/2687-0770-2024-2-91-99

КОНЦЕПЦИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Седа Адамовна Альбекова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
albekovaseda@mail.ru

Аннотация. Приведены результаты применения авторской методики оценки национальной конкурентоспособности, основанной на анализе эффективности макроэкономических систем в эксплуатации девяти основных факторов роста применительно к 91 государству в период с 2003 по 2021 г. Полученные данные демонстрируют определенные расхождения с международными рейтингами национальной конкурентоспособности, тем не менее отражают авторскую концепцию ее оценки, подразумевающую эффективность маркетизации природного, человеческого и финансового капиталов макроэкономическими системами, а не ее инфраструктурно-институциональное качество.

Ключевые слова: конкуренция, конкурентоспособность, макроэкономика, индексы конкурентоспособности, показатели национальной конкурентоспособности, экономическая система, факторы, страны

Для цитирования: Альбекова С.А. Концепция и реализация альтернативной методики оценки национальной конкурентоспособности // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 2. С. 91–99.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

CONCEPT AND IMPLEMENTATION OF AN ALTERNATIVE METHODOLOGY FOR NATIONAL COMPETITIVENESS ASSESSING

Seda A. Albekova

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
albekovaseda@mail.ru

Abstract. The article presents the results of applying the author's methodology for assessing national competitiveness, based on an analysis of the effectiveness of macroeconomic systems in the operation of nine main growth factors in relation to ninety-one states in the period from 2003 to 2021. The obtained results demonstrate certain discrepancies with international ratings of national competitiveness; however, they reflect the author's concept of its assessment, which implies the effectiveness of the marketization of natural, human and financial capital by macroeconomic systems, and not its infrastructural and institutional quality.

Keywords: competition, competitiveness, macroeconomics, competitiveness indices, indicators of national competitiveness, economic system, factors, countries

For citation: Albekova S.A. Concept and Implementation of An Alternative Methodology for National Competitiveness Assessing. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(2):91-99. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Теоретическая основа и дизайн исследования

Рассматривая национальную экономику как географически, исторически, культурно сформировавшуюся сложную систему производственно-распределительных материальных, социальных и административных по принципам своего функционирования отношений, а также отказавшись от подхода идеализации определенного типа экономических отношений как максимально конкурентных (и дальнейшего сопоставления других с «идеалом» с целью ранжирования и оценки первых, на чем во многом основаны методы оценки национальной конкурентоспособности), можно предложить альтернативную методику оценки конкурентоспособности экономических систем, которая в отличие от существующих:

- не предполагает наличия некой максимально конкурентной экономической системы и ориентирована в большей степени на оценку ее эффективности, свойственную во многом уникальным географическим, хозяйственным, социальным, культурным, политическим особенностям государства;

- основывается не на оценке факторов и инфраструктурных элементов конкурентоспособности, обладание которыми не всегда прямо свидетельствует о высокой конкурентоспособности государства или территории (например, в силу неготовности национального предпринимательства, инвесторов, включая иностранных, к их активной эксплуатации), а на анализе эффективности государства как социально-экономической системы маркетизации этих факторов (природного [1–5], трудового [6–16], инновационного и традиционного капиталов), т. е. способности исторически, географически, культурно и хозяйственно сложившейся модели социально-экономических отношений эксплуатировать присутствующие (либо импортируемые) факторы более или менее эффективно;

- не базируется на постулате либеральной школы [17–19], что только в условиях высокой внутренней конкуренции возможен рост национальной конкурентоспособности, рассматривая специфику сложившейся национальной экономической модели как данность, проявляющуюся в показателях эффективности последних, динамичную в условиях конъюнктурных (глобального или национального уровня) колебаний;

- заключается в применении максимально объективных, общеизвестных (и единых в методике расчета), а также доступных макроэкономических показателей, что исключает фактор персонализации используемой информации и субъективности оценок (как, например, результаты анкетирования либо опросов представителей бизнеса);

- строится на принципах популярной и широко применимой методологии оценки эффективности макроэкономических систем (индекс выявленного сравнительного преимущества (RCA) рассчитывается как отношение удельного веса экспорта продукции по определенному виду в общем объеме экспорта страны к удельному весу того же вида продукции в мировом объеме экспорта), заключается в сравнении результативности их функционирования – отношение доли государства в мировых достижениях (показатели P – результаты) к доли государства в мировой обеспеченности производственными факторами (показатели Φ – факторы).

Среди показателей P были определены: P_1 – доля государства в мировом ВВП (ППС); P_2 – доля государства в мировом экспорте (дол. США), в отношении которых в дальнейшем были оценены вводные переменные, отражающие эксплуатацию экономической системой природного, трудового и финансового капиталов.

Существенные отличия в показателях долей стран в мировом ВВП (ППС) и экспорте повлияют на оценку национальной конкурентоспособности в дальнейшем, позволят синтезировать полученные результаты с целью большей их корректировки и актуализации.

В качестве вводных переменных использовались показатели, количественно характеризующие национальные факторы производства, вовлеченные в производственные отношения (исходя из их классификации по трем группам: природный, трудовой и финансовый капиталы):

1. Природные факторы (согласно предложенной методике, будет оцениваться эффективность маркетизации природного потенциала страны, выражаемого в ее пахотных землях, природных ресурсах, чистой воде и энергии в конкретной макроэкономической системе):

Φ_1 – пахотные земли (земля сохраняет роль важнейшего природного фактора, обеспечивающего не только развитие национального сельского хозяйства, но и потенциал территориального размещения производства, рынков сбыта. При этом учитывались только пахотные земли (а не территория государства в целом), что характеризует их как активно вовлеченные в производственно-распределительные отношения и хозяйственные процессы на территории государства);

Φ_2 – вклад природных ресурсов во внутренний валовый продукт в денежных единицах (отражает уровень вовлечения природных ресурсов в национальное производство, степень их маркетизации, влияния на динамику национального хозяйственного прогресса. При этом импорт природных ресурсов не учитывался. Показатель рассчитывался исходя из доли природной ренты в ВВП стран мира);

Φ_3 – ежегодный забор речной воды (чистая вода остается наряду с землей основным природным ресурсом, условием существования и развития всех отраслей народного хозяйства. При расчете использовалась величина потребляемой чистой воды на единицу ВВП);

Φ_4 – потребление энергии (энергия выступает наиболее важным фактором экономического развития, от ее генерации зависят потенциал и эффективность народно-хозяйственного прогресса. Доступность и цена энергии также является своего рода агрегированным показателем обладания производственным фактором, отражающим наличие у государства энергетических ресурсов (месторождения углеводородов, реки, сырье атомной энергетики), необходимой инфраструктуры и технологий энергетической генерации. Показатель рассчитывался исходя из энергоемкости национального ВВП).

2. Трудовые факторы:

Φ_5 – численность рабочей силы (обладание рабочей силой определяет способность государства к экономическому прогрессу, а производительность труда – один из основных критериев национальной конкурентоспособности. Данный показатель характеризует, насколько эффективно та или иная экономическая система эксплуатирует национальные трудовые ресурсы. Для расчетов были использованы показатели численности рабочей силы, скорректированные на уровень безработицы в определенный момент времени);

Φ_6 – количество населения с образованием выше среднего (бакалавр и выше) (уровень образования не только отражает качество рабочей силы, но и косвенно влияет на уровень инноватизации национальной экономической системы и внутреннего спроса);

Φ_7 – государственные расходы на образование (фактор показывает экономическую эффективность государственных расходов на образование, развитие науки и техники в стране, потенциал коммерциализации инноваций и инвестиций в технологичные секторы).

3. Финансовый (традиционный) капитал:

Φ_8 – размер иностранных инвестиций в национальной экономике в денежных единицах (характеризует привлекательность национальной экономики для иностранного капитала, возможности его более эффективной коммерциализации в границах экономической системы);

Φ_9 – прирост основных фондов в стране (показатель отражает ежегодный прирост вовлеченных в национальное производство фондов. Рассчитывался на основе показателей роста основных фондов относительно ВВП (ППС)).

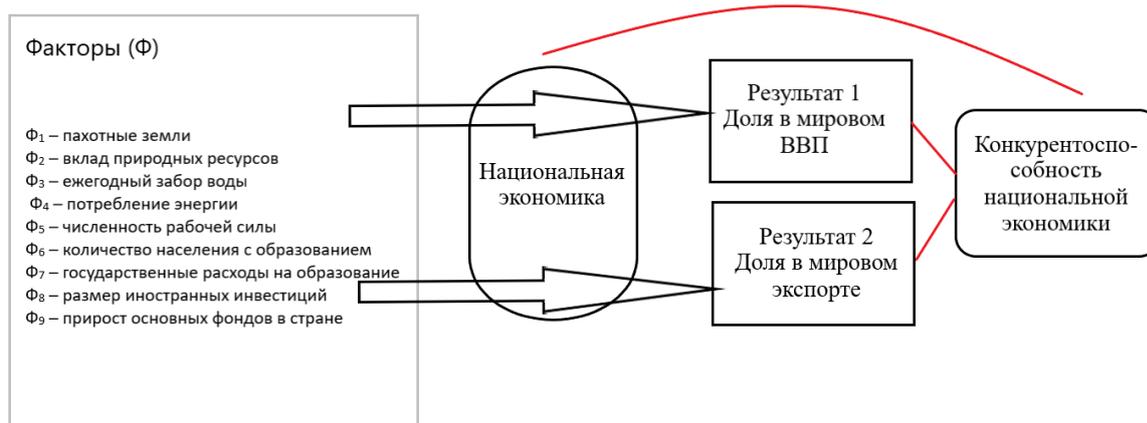
Каждый из 9 показателей вовлеченных в национальную экономику факторов рассчитывался как доля конкретной страны в отношении мировой экономики и в дальнейшем сопоставлялся с аналогичной долей государств в мировом ВВП (ППС) (первый этап) и мировом экспорте (второй этап) с целью определения эффективности национальной социально-экономической системы, ориентированной не в последнюю очередь на конвертацию факторов в макроэкономические достижения.

Государства, интегрирующие в экономические отношения меньшую долю мировых производственных факторов, однако при этом получающие несоразмерно большую долю в мировом ВВП или экспорте, очевидно, являются более конкурентными, способными к более производи-

тельной, эффективной конвертации производственных факторов в реальные достижения в рамках мировой экономики.

Но характеристики самой экономической системы как актора данной конвертации остаются вне рамок исследования. Так как, по нашему мнению, системные свойства конкретной национальной экономической модели являются по-своему уникальными, адаптированными под географические, исторические, культурные и хозяйственные особенности, отличающиеся не столько инфраструктурно-институциональными чертами, сколько эффективностью маркетизации факторов современного производства, значение которых сохраняет актуальность как в продвинутых технологических странах, так и в государствах догоняющего прогресса.

На рисунке приведена рамочная модель авторского исследования.

Рамочная модель исследования (составлено автором) / Framework model of research (compiled by the author)

Безусловно, данная методика оценки не свидетельствует, например, о том, что более конкурентная (по результатам оценки) экономическая модель одного государства должна стать ориентиром или образцом для модернизации и стратегии прогресса другой, как и о том, что высокий уровень конкурентоспособности одной страны всегда является косвенным показателем высокого уровня материального благополучия или экономического развития (например, инновационности, возрастания роли интеллектуализации труда, внутренней конкуренции). Основная цель применения авторской методики заключается в определении эффективности национальной экономической системы в маркетизации производственных факторов, ее способности к конвертации собственных особенностей внутренней организации в достижения макроэкономических показателей в конкретные периоды экономического развития.

Результаты исследования

Для проведения исследования были использованы статистические показатели экономического развития 91 страны мира с 2003 по 2021 г.

На первом этапе показатели вовлеченности факторов каждой страны соотносились с ее долей в мировом ВВП (в конкретный год).

Полученные результаты переводились в 100-балльную систему оценки (100 баллов присваивалось максимальному показателю, остальные распределялись пропорционально).

По итогам первой части исследования можно определить общий индекс конкурентоспособности государств с учетом девяти ресурсов экономического роста и динамики их доли в мировом ВВП (табл. 1).

Лидерами выступают страны Ближнего Востока и Европы. Также в топ-10 представлено по одной стране Черного континента (Нигерия) и АТР (Бруней). Россия занимает 57-ю позицию, между Уругваем и Доминиканой.

Таблица 1 / Table 1

**Общий индекс конкурентоспособности государств с учетом девяти ресурсов экономического роста и динамики их доли в мировом ВВП (рассчитано автором, данные Всемирного банка)
 / General index of competitiveness of states, taking into account nine resources of economic growth and the dynamics of their share in world GDP (calculated by the author, World Bank data)**

№	Страна	Год			№	Страна	Год		
		2003	2015	2021			2003	2015	2021
Лидеры				Аутсайдеры					
1	Бахрейн	371,93	530,91	467,55	72	Болгария	135,67	179,78	188,78
2	Ирландия	279,82	459,65	458,28	73	Ирак	204,99	191,47	188,64
3	Швейцария	271,53	467,42	441,09	74	Бразилия	182,88	192,12	187,42
4	ОАЭ	422,15	456,79	419,00	75	Босния и Герцеговина	121,42	169,94	185,70
5	Бруней	483,10	417,55	379,40	76	Конго, ДР	193,37	164,50	184,00
6	Великобритания	237,77	345,78	372,90	77	Того	211,01	172,66	183,48
7	Дания	280,07	361,54	342,44	78	Вьетнам	128,32	155,97	173,41
8	Кипр	299,00	304,47	332,02	79	Индия	159,72	152,44	171,14
9	Литва	153,73	270,35	314,98	80	ЮАР	199,89	208,27	169,85
10	Нигерия	204,69	297,52	306,78	81	Гондурас	131,54	154,54	168,38
11	Бельгия	244,46	311,29	305,56	82	Армения	133,21	157,55	163,09
12	Норвегия	229,03	301,62	304,59	83	Азербайджан	85,37	172,93	162,06
13	Нидерланды	221,49	308,64	303,64	84	Албания	108,30	158,47	161,69
14	Германия	213,42	308,99	299,93	85	Монголия	118,68	180,87	161,08
15	Франция	214,16	283,16	290,37	86	Грузия	110,44	153,50	157,55
16	Италия	222,40	296,11	288,35	87	Молдова	126,88	144,92	155,36
17	Израиль	295,43	292,27	284,81	88	Узбекистан	176,15	149,82	152,34
18	Швеция	218,11	296,96	283,26	89	Кыргызстан	151,53	94,06	109,83
19	Словакия	169,26	286,60	280,46	90	Зимбабве	183,70	104,96	107,34
20	Австрия	208,29	289,75	278,83	91	Мозамбик	137,08	104,59	105,92
57	Россия	160,85	230,57	211,21					

В целом географические группы стран по показателю динамики конкурентоспособности (с учетом доли в мировом ВВП) можно разбить на три категории.

В первой – страны Западной Европы и Ближнего Востока, обладающие максимальными значениями в 2021 г., при этом страны Западной Европы демонстрируют прогресс с 2003 г., тогда как показатели государств Ближнего Востока практически на аналогичном 2003 г. уровне.

Во второй – страны СНГ, в 2021 г. демонстрирующие наименьшие значения, однако есть незначительный рост с 2009 г.

Третья категория – самая многочисленная – показатели конкурентоспособности (с учетом доли стран в мировом ВВП) стран в 2021 г. находились в диапазоне 200–250 и незначительно выросли с 2003 г.

В доходных группах относительно стабильным был рост показателей конкурентоспособности (с учетом доли стран в ВВП) в странах со средним и низким доходом. Группа стран с высоким доходом отличалась большей волатильностью в 2003–2021 гг.

На втором этапе исследования показатели вовлеченности факторов каждой страны соотносились с ее долей в мировом экспорте (в конкретный год). Полученные результаты переводились в 100-балльную систему оценки (100 баллов присваивалось максимальному показателю, остальные распределялись пропорционально) (табл. 2).

Результаты итоговой оценки конкурентоспособности экономических систем государств мира с учетом их вклада в мировой экспорт вновь демонстрируют лидерство Европы (в том числе и Восточной). Сохранили места в лидерах (в сравнении с результатами первого этапа исследования) Бахрейн, Бруней и Израиль, тогда как ОАЭ, Нигерия рейтинг покинули, сменившись Японией и Южной Кореей. Рейтинг России с учетом вклада в мировой экспорт немного вырос (с 57-й до 49-й позиции, между Турцией и Иорданией). Суммировав значения показателей национальной конкурентоспособности стран мира, можно выделить итоговый индекс (табл. 3).

По данным табл. 3, отметим лидерство государств Запада (прежде всего Европы), а также незначительное присутствие в топ-20 мирового рейтинга государств АТР (Япония, Бруней, Южная Корея) и Ближнего Востока (Израиль, Бахрейн).

Таблица 2 / Table 2

Общий индекс конкурентоспособности государств с учетом девяти ресурсов экономического роста и динамики их доли в мировом экспорте (рассчитано автором, данные Всемирного банка) / General index of competitiveness of states, taking into account nine resources of economic growth and the dynamics of their share in world exports (calculated by the author, World Bank data)

№	Страна	Год			№	Страна	Год		
		2003	2015	2021			2003	2015	2021
Лидеры					Аутсайдеры				
1	Ирландия	652,96	633,00	674,56	72	Гана	33,09	35,98	35,39
2	Швейцария	476,85	593,96	523,1	73	Бразилия	34,14	35,89	33,89
3	Нидерланды	437,48	459,13	397,62	74	Гондурас	48,72	35,38	30,97
4	Кипр	226,43	551,86	369,46	75	Колумбия	34,1	36,52	30,27
5	Бельгия	460,69	337,61	313,22	76	Индонезия	34,67	31,28	30,18
6	Бахрейн	244,38	374,45	304,8	77	Египет	44,48	26,67	28,86
7	Дания	394,51	349,94	282,12	78	Кения	40,3	27,53	28,23
8	Бруней	353,09	269,18	263,16	79	Нигерия	53,97	33,59	27,12
9	Великобритания	240,82	201,63	249,73	80	Того	57,99	32,03	24,92
10	Южная Корея	187,27	340,2	247,85	81	Сенегал	55,91	28,5	23,98
11	Словакия	109,04	217,28	241,75	82	Индия	17,45	21,21	23,59
12	Германия	231,79	268,95	232,87	83	Камерун	45,87	27,45	21,62
13	Норвегия	336,45	259,65	232,43	84	Танзания	29,91	24,92	21,58
14	Австрия	282,24	236,55	229,65	85	Узбекистан	27,08	22,92	20,51
15	Франция	201,75	230,62	200,54	86	Кыргызстан	26,62	15,26	20,19
16	Швеция	282,98	235,43	199,23	87	Пакистан	23,62	19,31	19,41
17	Словения	178,94	180,26	190,29	88	Непал	33,84	30,35	16,8
18	Израиль	287,68	195,12	177,48	89	Мозамбик	48,17	15,1	16,16
19	Литва	86,61	146,23	175,23	90	Нигер	36,95	18,46	13,56
20	Япония	208,07	274,24	172,74	91	Эфиопия	15,68	12,05	11,21
49	Россия	51,4	77,41	57,62					

Таблица 3 / Table 3

Индекс национальной конкурентоспособности 2003, 2015, 2021 гг. (рассчитано автором) / National competitiveness index 2003, 2015, 2021 (calculated by the author)

№	Страна	Год			№	Страна	Год		
		2003	2015	2021			2003	2015	2021
Лидеры					Аутсайдеры				
1	Ирландия	737,55	731,91	803,08	72	Монголия	72,53	126,49	104,73
2	Швейцария	582,74	712,64	665,73	73	Зимбабве	135,59	69,40	103,00
3	Кипр	344,06	690,64	543,95	74	Гана	93,59	94,72	102,81
4	Нидерланды	545,67	565,68	532,92	75	Колумбия	100,84	101,86	102,33
5	Бахрейн	383,05	558,78	464,01	76	Грузия	72,94	101,96	101,93
6	Бельгия	597,56	439,90	434,03	77	Танзания	89,03	86,78	101,27
7	Дания	519,80	464,26	409,93	78	Азербайджан	52,03	108,70	99,94
8	Бруней	518,62	404,32	396,82	79	Молдова	101,05	92,43	98,67
9	Великобритания	350,61	317,47	396,55	80	Албания	65,08	93,01	98,57
10	Словакия	184,97	316,16	357,43	81	Индонезия	90,64	91,42	97,97
11	Норвегия	482,99	374,89	356,63	82	Камерун	104,72	95,29	97,19
12	Германия	331,90	374,02	347,96	83	Гондурас	102,35	90,79	94,98
13	Южная Корея	263,57	445,52	345,26	84	Сенегал	118,45	88,48	89,70
14	Австрия	381,10	335,57	338,75	85	Индия	81,22	76,94	88,44
15	Швеция	406,42	343,49	314,12	86	Того	138,11	88,35	87,79
16	Франция	298,14	328,18	307,10	87	Узбекистан	106,79	82,83	82,17
17	Словения	261,59	272,06	297,29	88	Нигер	121,71	73,46	78,58
18	Литва	156,70	238,63	289,44	89	Эфиопия	46,50	63,92	77,64
19	Израиль	398,47	293,91	282,81	90	Кыргызстан	101,88	52,88	66,32
20	Япония	308,30	399,49	267,12	91	Мозамбик	128,78	53,66	57,20
47	Россия	127,22	167,88	140,37					

Среди аутсайдеров – страны, представляющие многочисленные географические регионы (Африка, Азия, Латинская Америка, постсоветское пространство), в том числе и лидирующие

(как по вкладу в мировой ВВП, так и по глобальному экспорту) экономики, например Индия и Индонезия. Российская Федерация находится во второй части рейтинга (47-я позиция).

В географическом контексте лидерство стран Западной Европы также очевидно на протяжении всего периода исследования (отрыв от ближайших преследователей практически в два раза). Средние показатели конкурентоспособности стран АТР, Ближнего Востока, Восточной Европы и Северной Америки в одном диапазоне к 2020 г., однако при этом Восточная Европа практически весь период исследования наращивала конкурентоспособность, тогда как страны АТР ее несколько растеряли с 2013 г., как и государства Ближнего Востока. Страны СНГ, Африки, Южной Азии и Латинской Америки – в самой нижней части графика, показатели конкурентоспособности стран СНГ и Южной Азии практически сравнялись в 2020 г., Латинская Америка их незначительно опережает.

Средний показатель конкурентоспособности государств в доходных группах в своей динамике и значениях не вызывает удивления – с большим отрывом лидируют страны с высоким уровнем дохода (между тем стоит отметить снижение показателей конкурентоспособности богатых государств с 2003 года), в то же время положительная динамика в течение всего периода исследования была свойственна для стран с высоким средним уровнем дохода. Средние индексы национальной конкурентоспособности в странах с низким средним и низким доходом колебались, но по итогу практически не изменились в период с 2003 по 2021 г.

Для повышения адекватности оценки, с целью исключения влияния фактора краткосрочного (например, в результате колебания мирохозяйственной конъюнктуры или национальной инвестиционной привлекательности) роста национальной конкурентоспособности, можно оценить национальную конкурентоспособность стран мира в долгосрочном периоде (среднее значение итогового индекса за 2003–2021 гг.), а также величину отклонения значений показателя национальной конкурентоспособности за обозначенный период (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Средний показатель индекса национальной конкурентоспособности (А) и величина стандартного отклонения ежегодных показателей (Б), 2003–2021 гг. (рассчитано автором) / Average national competitiveness index (A) and standard deviation of annual indicators (B), 2003-2021 (calculated by the author)

№	Страна	А	Б	№	Страна	А	Б	№	Страна	А	Б
1	Ирландия	717,36	99,33	32	Малайзия	224,30	35,60	63	Иордания	116,94	13,47
2	Швейцария	655,52	60,03	33	Новая Зеландия	209,40	24,65	64	Босния и Герцеговина	115,17	14,96
3	Нидерланды	588,94	26,56	34	США	201,43	17,86	65	Боливия	114,79	11,15
4	Бельгия	501,59	58,99	35	Австралия	201,11	18,46	66	Пакистан	114,04	23,91
5	Кипр	496,61	105,88	36	Эстония	200,92	25,27	67	Армения	110,92	31,91
6	Дания	468,81	39,63	37	Латвия	198,91	40,24	68	Египет	110,66	17,42
7	Бахрейн	468,43	53,03	38	Хорватия	186,40	26,17	69	Доминикана	110,29	11,02
8	Бруней	467,27	90,54	39	Польша	177,06	26,21	70	Того	109,41	16,79
9	Норвегия	418,25	55,60	40	Ангола	170,81	34,51	71	Бразилия	108,93	5,34
10	Швеция	376,72	45,51	41	Парагвай	161,60	36,55	72	Конго, ДР	107,51	15,26
11	Австрия	371,30	38,73	42	Ирак	161,04	45,46	73	Вьетнам	106,47	21,63
12	Германия	353,16	27,62	43	Уругвай	154,16	13,93	74	Гана	102,66	14,26
13	Великобритания	338,93	31,44	44	ЮАР	148,32	35,11	75	Индонезия	102,49	15,82
14	Южная Корея	337,81	48,83	45	Мексика	146,68	8,90	76	Колумбия	102,11	7,57
15	Япония	320,32	49,11	46	Россия	144,75	13,95	77	Сенегал	99,77	9,62
16	Франция	316,16	32,64	47	Чили	142,87	10,15	78	Зимбабве	99,52	20,33
17	Словакия	298,77	40,54	48	Болгария	142,62	21,00	79	Китай	98,43	14,34
18	Словения	297,71	39,10	49	Беларусь	140,41	13,77	80	Молдова	97,71	16,37
19	Израиль	292,77	27,74	50	Турция	140,38	13,71	81	Грузия	97,49	16,40
20	Финляндия	285,70	27,13	51	Алжир	140,04	23,34	82	Гондурас	93,21	8,90
21	Италия	272,32	24,86	52	Кот-д'Ивуар	139,99	22,18	83	Монголия	92,23	15,83
22	Оман	256,46	48,45	53	Аргентина	136,87	12,48	84	Узбекистан	91,79	10,38
23	Испания	254,03	24,60	54	Казахстан	136,83	29,68	85	Танзания	90,35	9,98
24	Чехия	253,74	31,19	55	Румыния	134,50	26,96	86	Мозамбик	86,64	33,33
25	КСА	249,58	36,52	56	Эквадор	133,76	34,33	87	Албания	86,34	12,80
26	Ливан	247,48	39,85	57	Нигерия	132,09	22,56	88	Нигер	85,29	12,86
27	Португалия	242,09	13,48	58	Сальвадор	126,40	23,55	89	Индия	80,41	8,27
28	Канада	237,15	31,21	59	Кения	122,04	26,92	90	Эфиопия	71,49	14,14
29	Литва	231,09	54,80	60	Непал	119,19	27,81	91	Кыргызстан	70,23	13,83
30	Греция	230,37	37,04	61	Азербайджан	118,54	33,08				
31	Венгрия	227,53	17,08	62	Камерун	117,20	31,54				

По данным табл. 4 видно, что усредненные за 18 лет периода исследования показатели национальной конкурентоспособности несущественно изменили рейтинг (по сравнению с приведенным ранее): среди лидеров и аутсайдеров – большинство прежних стран.

Наиболее стабильными по показателям национальной конкурентоспособности на протяжении периода исследования были Бразилия, Колумбия, Индия, Гондурас, Мексика, Сенегал, Танзания (отклонение ниже 10), тогда как странам Европы (Ирландия, Швейцария, Бельгия, Норвегия, Латвия), Кипру, Японии, Брунею, Бахрейну свойственно обратное – высокие колебания индексов национальной конкурентоспособности.

Дискуссия и направления дальнейших исследований

Несмотря на некую спорность, даже неожиданность полученных результатов оценки стран в относительном рейтинге конкурентоспособности (безусловно, вызывает удивление, к примеру, более высокая позиция Литвы, чем США), в защиту предложенного метода оценки национальной конкурентоспособности стран можно вынести аргумент, что эта методика – результат отказа от идеализации и универсализации показателей абсолютной оценки национальной конкурентоспособности, попытка аналогизировать или взаимоувязать последние не только с эффективностью сложившейся системы национального хозяйства в эксплуатации производственных факторов, приобретенных и естественных преимуществ территории, но и с ориентирами внешней конкурентоспособности, определенными ее уровнем.

Предложенная альтернативная методика также подразумевает корректировку полученных значений с учетом нахождения стран на одном из трех уровней глобальной пирамиды конкурентоспособности, что будет реализовано в дальнейших наших исследованиях.

Список источников

1. *Белая М. Л.* Природный капитал в современной экономике // Вестн. РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2016. № 2 (86). С. 59–68.
2. *Пакина А.А.* К критике теории «природного капитала» // Изв. Самарского науч. центра РАН. 2010. № 1. С. 1434–1436.
3. *Розенберг А.Г.* К вопросу определения экосистемных услуг и природного капитала // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2016. Т. 25, № 4. С. 195–198.
4. *Цибульникова М. Р.* Природный капитал как составляющая национального богатства // Геогр. вестн. 2020. № 3 (54). С. 54–68.
5. *Dasgupta P.* Nature's Role in Sustainable Economic Development // Philosophical Transaction of the Royal Society B. 2010. Vol. 365. P. 5–11.
6. *Ахполова В. Б., Ермоленко В. В.* Природа, сущность и формы человеческого капитала // Экон. вестн. Рост. гос. ун-та. 2007. Т. 5, № 2-3. С. 24–28.
7. *Бахшиян Д.В., Зевеке О.Ю.* Человеческий капитал – основной ресурс эффективного предприятия, как резонанс на вызовы современного мира // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2017. № 3. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2017/03/14317> (дата обращения: 20.11.2023).
8. *Vecker G.* Economic theory. N. Y.: Knopf, 1971. 222 p.
9. *Белокопытова О. А.* Эффективность и риски инвестиций в человеческий капитал // Экон. вестн. Рост. гос. ун-та. 2007. № 1-2. С. 18–22.
10. *Грузков И.В.* Идеи и опыт классификации человеческого капитала // TERRA ECONOMICUS. 2011. Т. 9, № 2-3. С. 16–19.
11. *Касаева Т.В.* Расширительная трактовка структуры человеческого капитала // TERRA ECONOMICUS. 2013. Т. 11, № 2-2. С. 21–27.
12. *Колядин А.П.* Структурные элементы человеческого капитала // Экон. вестн. Рост. гос. ун-та. 2006. Т. 4, № 2. С. 61–65.
13. *Синявская О. В.* Основные факторы воспроизводства человеческого капитала // Экономическая социология. 2001. Т. 2, № 1. С. 43–87.
14. *Schultz T.* Investment in Human Capital. N.Y.: The Free Press, 1971. 272 p.
15. *Ben-Porath Y.* The Production of Human Capital over Time // Education, Income, and Human Capital / W. Lee Hansen (ed.). NBER, 1970. P. 129–154.

16. Хекман Дж. Политика стимулирования человеческого капитала / пер. с англ. Е. Покатович // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 73–137.
17. Domar E.D. Capital Expansion, Rate of Growth and Employment // *Econometrica*. 1946. Vol. 14. P. 137–147.
18. Harrod R.F. An Essay in Dynamic Theory // *The Economic Journal*. 1939. Vol. 49. P. 14–33.
19. Solow R. A Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70. P. 65–94.

References

1. Belaya M.L. Natural capital in modern economics. *Vestnik Rossiyskogo Ekonomicheskogo Universiteta imeni G.V. Plekhanova = Bulletin of the G.V. Plekhanov Russian Economic University*. 2016;(2):59-68. (In Russ.).
2. Pakina A.A. On the criticism of the theory of “natural capital”. *Izv. Samarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiyskoy Akademii Nauk = Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2010;(1):1434-1436. (In Russ.).
3. Rosenberg A.G. On the issue of determining ecosystem services and natural capital. *Samarskaya Luka: problemy regional'noy i global'noy ekologii = Samara Luka: Problems of Regional and Global Ecology*. 2016;25(4):195-198. (In Russ.).
4. Tsibulnikova M.R. Natural capital as a component of national wealth. *Geographicheskii vestnik = Geographical Bulletin*. 2020;(3):54-68. (In Russ.).
5. Dasgupta P. Nature's Role in Sustainable Economic Development. *Philosophical Transaction of the Royal Society B*. 2010;365:5-11.
6. Akhpolova V.B., Ermolenko V.V. Nature, essence, and forms of human capital. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta = Economic Bulletin of Rostov State University*. 2007;5(2-3):24-28. (In Russ.).
7. Bakhshiyani D.V., Zeveke O.Yu. Human capital is the main resource of an effective enterprise, as a response to the challenges of the modern world. *Ekonomika i menedjment innovatsionnykh tehnologiy = Economics and Management of Innovative Technologies*. 2017;(3). Available from: <https://ekonomika.snauka.ru/2017/03/14317> [Accessed 20th November 2023]. (In Russ.).
8. Becker G. *Economic theory*. N. Y.: Knopf; 1971. 222 p.
9. Belokopytova O.A. Efficiency and risks of investments in human capital. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta = Economic Bulletin of Rostov State University*. 2007;(1-2):18-22. (In Russ.).
10. Gruzkov I.V. Ideas and experience of classification of human capital. *TERRA ECONOMICUS*. 2011;9(2-3):16-19. (In Russ.).
11. Kasaeva T.V. Expanding interpretation of the structure of human capital. *TERRA ECONOMICUS*. 2013;11(2-2):21-27. (In Russ.).
12. Kolyadin A.P. Structural elements of human capital. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta = Economic Bulletin of Rostov State University*. 2006;4(2):61-65. (In Russ.).
13. Sinyavskaya O.V. Main factors of reproduction of human capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology*. 2001;2(1):43-87. (In Russ.).
14. Schultz T. *Investment in Human Capital*. N.Y.: The Free Press; 1971. 272 p.
15. Ben-Porath Y. The production of human capital over time. *Education, Income, and Human Capital*. W. Lee Hansen, ed. NBER, 1970:129-154.
16. Heckman J. The policy of stimulating human capital. Trans. from English E. Pokatovich. *Voprosy obrazovaniya = Issues of Education*. 2011;(3):73-137. (In Russ.).
17. Domar E.D. Capital Expansion, Rate of Growth and Employment. *Econometrica*. 1946;14:137-147.
18. Harrod R.F. An essay in dynamic theory. *The Economic Journal*. 1939;49:14-33.
19. Solow R. A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*. 1956;70:65-94.

Информация об авторе

С.А. Альбекова – старший преподаватель кафедры мировой экономики и международных отношений.

Information about the author

S.A. Albekova – Senior Lecturer at the Department of World Economy and International Relations.

Статья поступила в редакцию 21.01.2024; одобрена после рецензирования 23.02.2024; принята к публикации 29.05.2024.
The article was submitted 21.01.2024; approved after reviewing 23.02.2024; accepted for publication 29.05.2024.

Научная статья

УДК 311

doi: 10.18522/2687-0770-2024-2-100-107

ОЦЕНКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ УРОВНЯ ЖИЗНИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мария Павловна Декина¹✉, Артем Владимирович Макаров², Эрдена Анджаевна Найминова³, Ирина Владимировна Подгорных⁴

^{1, 2, 3, 4} Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ dekina.m@unecon.ru ✉, ORCID: 0000-0002-1573-7449

² art.makar10@yandex.ru, ORCID: 0009-0003-7792-1289

³ erdena.nayminova@mail.ru, ORCID: 0009-0009-6777-4418

⁴ ira.podgornykh@mail.ru, ORCID: 0009-0009-2999-6079

Аннотация. Представлены результаты статистического анализа и оценка уровня жизни населения в РФ в контексте территориальных особенностей с учетом влияния различных факторов посредством использования комплекса статистических методов. Рассмотрены основные группы показателей уровня жизни по данным Федеральной службы государственной статистики. Ввиду наличия территориальной дифференциации уровня жизни в РФ выполнена кластеризация ее субъектов на основе таких характеристик, как среднедушевой денежный доход, потребительские расходы в среднем на душу населения, ожидаемая продолжительность здоровой жизни и уровень безработицы в регионах. Даны оценки ситуации внутри каждого кластера в связи с их территориальным расположением. Для выявления существующих закономерностей в показателях уровня жизни в региональном разрезе использован корреляционно-регрессионный анализ. Рассмотрены модели регрессии показателей бюджетов субъектов РФ и основных характеристик уровня жизни. Выявлены статистически значимые закономерности между показателями бюджетов, трудовой и жилищной сфер, а также денежными доходами населения. Определена корреляция между различными индикаторами уровня жизни. Дана сравнительная оценка во времени. Полученные результаты могут быть использованы в целях мониторинга показателей уровня жизни в регионах, а также при выработке мер социально-экономической политики.

Ключевые слова: уровень жизни, территориальная дифференциация, кластерный анализ, корреляционно-регрессионный анализ

Для цитирования: Декина М.П., Макаров А.В., Найминова Э.А., Подгорных И. В. Оценка территориальной дифференциации показателей уровня жизни в Российской Федерации // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 2. С. 100–107.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ASSESSMENT OF TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF LIVING STANDARD INDICATORS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Maria P. Dekina¹✉, Artem V. Makarov², Erdena A. Nayminova³, Irina V. Podgornykh⁴

^{1, 2, 3, 4} Saint Petersburg State Economic University, St. Petersburg, Russia

¹ dekina.m@unecon.ru ✉, ORCID: 0000-0002-1573-7449

² art.makar10@yandex.ru, ORCID: 0009-0003-7792-1289

³ erdena.nayminova@mail.ru, ORCID: 0009-0009-6777-4418

⁴ ira.podgornykh@mail.ru, ORCID: 0009-0009-2999-6079

Abstract. The results of statistical analysis and assessment of the standard of living of the population in the Russian Federation are presented in the context of territorial features, taking into account the influence of various factors using a complex of statistical methods. The main groups of living standard indicators presented in the data of the Federal State Statistics Service are considered. Due to the presence of territorial differentiation in the standard of living in the Russian Federation, clustering of the constituent entities of the Russian Federation was carried out based on such characteristics of the standard of living as average per capita cash income, average consumer spending per capita, healthy life expectancy and unemployment rate in the regions. Assessments of the situation within each cluster are given in connection with their territorial location. To identify existing patterns in living standard indicators at a regional level, correlation and regression analysis was used. Regression models of budget indicators of the constituent entities of the Russian Federation and the main characteristics of the standard of living are considered. Statistically significant patterns have been identified between indicators of the budgets, the labor and housing spheres, as well as the well-being of the population. The correlation between various living standard indicators has been determined. A comparative assessment over time is given. The results obtained can be used to monitor living standard indicators in the regions, as well as in developing socio-economic policy measures.

Keywords: standard of living, territorial differentiation, cluster analysis, correlation-regression analysis

For citation: Dekina M.P., Makarov A.V., Nayminova E.A., Podgornyykh I.V. Assessment of Territorial Differentiation of Living Standard Indicators in the Russian Federation. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(2):100-107. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Уровень жизни населения выступает одной из основных характеристик социально-экономического развития, а также входит в категорию качества жизни [1]. При проведении анализа и выработке мер в силу территориальных особенностей Российской Федерации необходимо учитывать дифференциацию уровня жизни [2]. Исследование предполагает анализ набора групп показателей [3], среди которых выделяются демографические, в частности ожидаемая продолжительность жизни [4], характеристики благосостояния и проч. Особое внимание уделяется показателям денежных доходов и потребления населения [5, 6]. Анализ непосредственно связан с экономической ситуацией в регионе, что определяет необходимость исследования структурных характеристик экономики регионов и уровня жизни [7, 8]. В качестве базы могут быть использованы данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), а также результаты социологических опросов [9] и выборочных наблюдений.

Цель статьи – оценка территориальной дифференциации уровня жизни населения субъектов РФ во взаимосвязи с показателями бюджетов на основе данных Росстата. Для достижения цели использованы корреляционно-регрессионный анализ и кластерный анализ.

Показатели уровня жизни в России

Данные Федеральной службы государственной статистики, позволяющие дать оценку уровню жизни населения РФ, включают показатели доходов, расходов и сбережений населения, распределения доходов, уровня бедности, потребительских ожиданий населения и проч. [10].

С 2015 по 2022 г. в России наблюдался постепенный рост уровня среднедушевых доходов населения и потребительских расходов. Однако в реальном выражении по сравнению с прошлым годом практически во все годы отмечается сокращение уровня доходов, за исключением 2018, 2019 и 2021 гг. Уровень реальных денежных доходов в 2022 г. составил 98,5 % по отношению к прошлому году.

К показателям уровня жизни относятся различные виды социальной поддержки со стороны государства для конкретных групп граждан, определенных в федеральных законах № 178-ФЗ от 17.07.1999 [11] и 442-ФЗ от 28.12.2013 [12].

Оценка неравномерности распределения доходов населения может быть проведена с помощью коэффициента фондов и коэффициента Джини. В 2015 г. коэффициент фондов составил 15,5, а в 2022 г. его значение сократилось, и соотношение денежных доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения РФ стало равным 13,8. Таким образом, снижение значе-

ния коэффициента фондов говорит о сокращении расслоения между группами бедных и богатых. В динамике коэффициента Джини также отмечается некоторое сокращение степени неравномерности распределения доходов: в 2015 г. коэффициент был равен 0,412, а в 2022 г. – 0,396.

Одной из важнейших характеристик уровня жизни выступает прожиточный минимум, величина которого устанавливается Правительством РФ в соответствии с федеральным законом № 134-ФЗ от 24.10.1997 ежегодно [13]. Значение прожиточного минимума может варьироваться по субъектам в зависимости от множества социально-экономических факторов. В 2022 г. самый низкий прожиточный минимум был установлен в Пензенской области (10 629 руб.), а самый высокий – в Чукотском автономном округе (28 851 руб.).

Кластерный анализ показателей уровня жизни

Исследование территориальных различий уровня жизни может быть проведено с помощью кластерного анализа. На рис. 1 представлена структура разбиения субъектов РФ на кластеры.

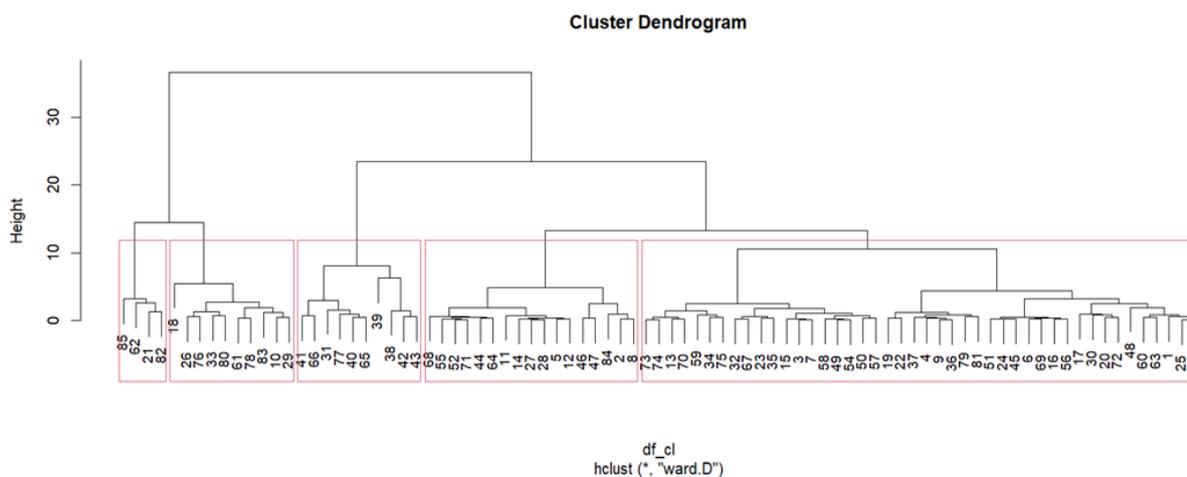

Рис. 1. Дендрограмма (построено авторами) / Fig. 1. Dendrogram (built by authors)

В качестве признаков для проведения кластерного анализа были использованы такие характеристики, как среднедушевой денежный доход (в месяц), потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), ожидаемая продолжительность здоровой жизни и уровень безработицы в региональном разрезе в 2021 г. Оптимальным в данном случае является разбиение субъектов РФ на пять кластеров. На рис. 2 отображена принадлежность определенного региона к одному из кластеров, сформированных в результате анализа.

К первому кластеру относятся регионы, в которых среднее значение среднедушевого денежного дохода составляет 35 386,3 руб., потребительских расходов в среднем на душу населения – 29 761,0 руб. в месяц, ожидаемой продолжительности здоровой жизни – 58,0 года, уровня безработицы – 4,7 %. Этот кластер является самым многочисленным по составу: он включает в себя 44 региона из 7 округов (кроме Северо-Кавказского федерального округа). Более половины регионов из Центрального (10), Южного (6) и Приволжского (10) федеральных округов. Для этого кластера характерны достаточно высокий уровень ожидаемой продолжительности жизни и уровень безработицы, ещё одной особенностью является соотношение среднедушевого дохода и потребления: они практически равны.

Во второй кластер были отнесены регионы, в которых среднее значение среднедушевого денежного дохода составляет 28 376,4 руб., потребительских расходов в среднем на душу населения – 23 396,9 руб. в месяц, ожидаемой продолжительности здоровой жизни – 58,0 года, уровня безработицы – 6,3 %. По числу вошедших субъектов РФ этот кластер на втором месте: 17 регионов. Преобладают регионы из Центрального (6) и Приволжского (4) федеральных округов, отсутствуют регионы из Южного федерального округа. В данном кластере среднедушевой доход ниже, чем в предыдущем, но сохраняется соотношение доходов и потребительских расходов.

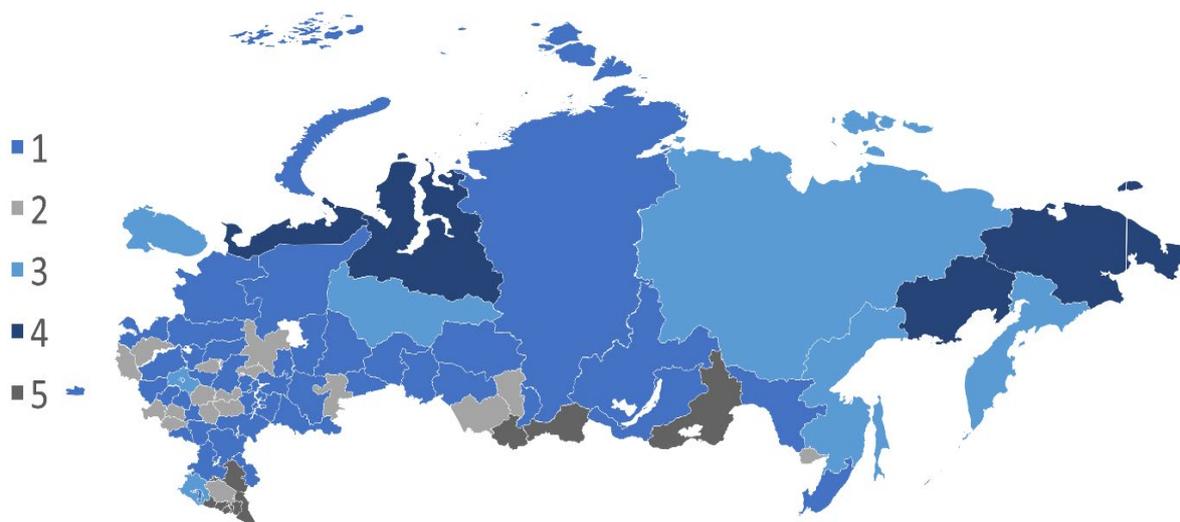

Рис. 2. Кластеры субъектов РФ (построено авторами)
/ Fig. 2. Clusters of subjects of the Russian Federation (built by authors)

Третий кластер представлен регионами, в которых среднее значение среднедушевого денежного дохода составляет 53 563,9 руб., потребительских расходов в среднем на душу населения – 40 772,3 руб. в месяц, ожидаемой продолжительности здоровой жизни – 59,9 года, уровня безработицы – 4,2 %. В этом кластере находится 10 регионов: г. Москва и Московская область (ЦФО), г. Санкт-Петербург и Мурманская область (СЗФО), Краснодарский край (ЮФО) и 4 региона из Дальневосточного федерального округа (ДФО). В данных регионах отмечаются наиболее высокие ожидания продолжительности здоровой жизни и в целом уровень жизни населения.

В четвертый кластер вошли четыре региона, в которых среднее значение среднедушевого денежного дохода составляет 90 592,0 руб., потребительских расходов в среднем на душу населения – 41 971,0 руб. в месяц, ожидаемой продолжительности здоровой жизни – 50,4 года, уровня безработицы – 3,9 %. В данную группу вошли Ненецкий автономный округ (СЗФО), Ямало-Ненецкий автономный округ (УФО), Магаданская область и Чукотский автономный округ (ДФО). В качестве особенностей можно выделить наиболее низкий уровень ожидания продолжительности здоровой жизни и изменение соотношения среднедушевого дохода и потребительских расходов: последние занимают менее 50 %.

В пятый кластер были отнесены 10 регионов, для которых среднедушевой денежный доход составляет 21 982,0 руб., потребительские расходы в среднем на душу населения – 15 821,7 руб. в месяц, ожидаемая продолжительность здоровой жизни – 57,8 года, уровень безработицы – 11,2 %. Данная группа в большей степени представлена регионами Северо-Кавказского федерального округа, характеризующимися самыми низкими доходами и высоким уровнем безработицы.

Взаимосвязь показателей уровня жизни и бюджетной сферы

Одной из приоритетных задач региональных органов власти является обеспечение достойного уровня и качества жизни населения. Важную роль в ее осуществлении играют федеральный и региональный бюджеты.

С точки зрения структурных характеристик отмечается отсутствие значимых изменений консолидированных бюджетов как из года в год, так за весь период 2015–2019 гг. При исследовании регионов с позиции показателя дотационности как удельного веса дотаций к бюджету региона в округах могут быть выделены 5 групп. За период 2015–2019 гг. сократилось количество высокодотационных регионов (50 % и выше) с 12 до 3, группа, где дотации составляют

26–49 %, сократилась с 12 до 8 субъектов. Возросло количество регионов с дотациями (11–25 %) и низко- и недотационных (до 1 %). Поскольку дотации представляют финансовую поддержку убыточным регионам, то из выявленных изменений можно сделать вывод о некотором улучшении финансового состояния регионов.

Проверка показала слабую связь между социально-экономическими показателями и показателями дотаций или ее отсутствие. Это может быть обусловлено тем, что государство распределяет дотации по регионам с целью достижения программ по улучшению жизни населения. Корреляционный анализ между бюджетом и показателями выделил несколько зависимостей с высокой теснотой связи, по которым далее были построены регрессионные модели (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Модели зависимости консолидированного бюджета от социально-экономических показателей, 2021 г. / Models of the dependence of the consolidated budget on socio-economic indicators, 2021

Фактор	Уравнение регрессии	Коэффициент детерминации R^2	F-критерий Фишера	Средняя ошибка аппроксимации MAPE, %
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	$y = -70559,11 + 332,40x$ ($t_a = -4,28$) ($t_b = 27, 37$)	0,900	748,9	3,55
Численность рабочей силы, тыс. чел.	$y = -95020,09 + 340,01x$ ($t_a = -4,04$) ($t_b = 19,29$)	0,818	371,9	3,13
Жилищный фонд, общая площадь жилых помещений, млн м ²	$y = -83731,07 + 6102,40x$ ($t_a = -2,34$) ($t_b = 11,57$)	0,617	134,0	3,12
Объем платных услуг населению, млн руб.	$y = 25598,04 + 1,36x$ ($t_a = 2,56$) ($t_b = 40,88$)	0,953	1671,0	4,17
Объем коммунальных услуг населению, млн руб.	$y = -65042,05 + 10x$ ($t_a = -2,15$) ($t_b = 13,67$)	0,692	186,9	3,15
Средняя цена на первичном рынке жилья, руб. за 1 м ² общей площади	$y = -312956,62 + 7,32x$ ($t_a = -5,79$) ($t_b = 11,01$)	0,593	121,1	4,14
Средняя цена на вторичном рынке жилья, руб. за 1 м ² общей площади	$y = -469944,34 + 9,92x$ ($t_a = -7,12$) ($t_b = 11,16$)	0,600	124,4	4,82

Источник: рассчитано по [14, 15].

За период с 2019 по 2021 г. было выявлено несколько закономерностей. Выросла теснота связи между значениями бюджетных средств и среднегодовой численностью занятых (в 2021 г. $R^2 = 0,90$, в 2015 г. $R^2 = 0,83$). Достаточно стабильным остается объем платных услуг; за период 2015–2021 гг. доля объясненной дисперсии выросла с 93 до 95 %. Коэффициент детерминации между показателями консолидированного бюджета и объемом коммунальных услуг в 2015 г. составил 0,67, в 2019 г. – 0,73, а в 2021 г. сократился до 69 %.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии статистически значимой связи между показателями бюджетов субъектов РФ и показателями трудовой и жилищной сферы, а также благосостоянием населения.

В рамках анализа уровня жизни также важно определить факторы, которые оказывают влияние на отдельные характеристики уровня жизни. Для рассмотрения использованы индикаторы жилищной сферы и благосостояния. Результаты корреляционно-регрессионного анализа приведены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Модели регрессии между социально-экономическими показателями / Regression models between socio-economic indicators

Признак-результат	Признак-фактор	2019	2020	2021
Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² общей площади жилых помещений	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	$y=211+0,90x$ $t_a=1,95$ $t_b=11,5$ $R^2=0,61$ $F=134$ $MAPE = 0,17 \%$	$y=206,2+0,93x$ $t_a=1,81$ $t_b=11,08$ $R^2=0,59$ $F=122$ $MAPE = 0,25 \%$	$y=84,8+1,2x$ $t_a=0,78$ $t_b=15,23$ $R^2=0,73$ $F=232$ $MAPE = 0,20 \%$
Ввод жилья в многоквартирных жилых домах, млн м ² общей площади	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	$y=-0,04+0,00067x$ $t_a=-0,87$ $t_b=17,47$ $R^2=0,78$ $F=305$ $MAPE = 0,19 \%$	$y=-0,048+0,00067x$ $t_a=-0,92$ $t_b=17,3$ $R^2=0,78$ $F=299,38$ $MAPE = 0,00... \%$	$y=-0,2+0,00085x$ $t_a=-5,62$ $t_b=32,6$ $R^2=0,93$ $F=1062,8$ $MAPE = 0,00... \%$
Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.	$y=-4532+1,5x$ $t_a=-1,56$ $t_b=13,3$ $R^2=0,82$ $F=176$ $MAPE = 5,2 \%$	$y=-7611,9+1,7x$ $t_a=-2,24$ $t_b=12,5$ $R^2=0,81$ $F=157,4$ $MAPE = 6,06 \%$	$y=-6461,4+1,55x$ $t_a=-1,67$ $t_b=11,57$ $R^2=0,78$ $F=134$ $MAPE = 6,70 \%$

Источник: рассчитано по [14, 15].

При сравнении моделей 2019, 2020 и 2021 гг. отмечается отсутствие существенных различий. В некоторых случаях влияние фактора со временем увеличивается. Так, несколько повысилась теснота связи между вводом жилья и числом занятых. Значение объясненной вариации ввода в действие жилых домов среднегодовой численностью занятых увеличилось с 61% в 2019 г. до 73% в 2021 г. Снизилось значение коэффициента детерминации в модели среднедушевых денежных доходов, однако этот показатель продолжает оставаться статистически значимым.

Заключение

Уровень жизни населения в регионах РФ характеризуется заметной степенью неоднородности при рассмотрении различных характеристик. Кластерный анализ позволил выявить схожие субъекты по факторам, характеризующим уровень жизни. В некоторых случаях отмечается близкое территориальное соседство в кластерах, однако в целом регионы представлены из разных округов.

Оценка зависимости между показателями уровня жизни и бюджетными характеристиками в региональном разрезе позволила выявить статистически значимое влияние отдельных факторов, что может быть использовано при проведении социально-экономической политики. Была подтверждена статистически значимая связь между показателями бюджета и характеристиками жилищной сферы и уровня благосостояния населения. Территориальная дифференциация уровня жизни, несмотря на некоторое снижение в последние годы, остается достаточно замет-

ной, что следует учитывать при разработке мер социальной и финансовой политики. Исследование уровня жизни может быть расширено с помощью рассмотрения показателей с использованием панельных данных.

Список источников

1. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения (эконометрический подход). М.: Наука, 2012. 432 с.
2. Елаховский В.С. Измерение региональных различий по уровню жизни в России // Вопросы статистики. 2020. Т. 27, № 5. С. 48–57.
3. Черемисина Н.В., Вейс Е.В. Оценка уровня жизни населения Тамбовской области // Статистика и экономика. 2019. Т. 16, № 1. С. 76–84. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-1-76-84>
4. Звездина Н.В., Иванова Л.В. Ожидаемая продолжительность жизни в России и факторы, влияющие на нее // Вопросы статистики. 2015. № 7. С. 10–20.
5. Гришина Е.Н., Лантева И.П., Трусова Л.Н. Денежные доходы как основной индикатор уровня жизни населения России // Статистика и экономика. 2019. Т. 16, № 3. С. 15–23. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-3-15-23>.
6. Лакман И.А., Тимирьянова В.М., Попов Д.В. Пространственный анализ взаимосвязи изменения доходов и потребления населения на основе панельных данных // Вопросы статистики. 2021. Т. 28, № 2. С. 128–139.
7. Трифонов Ю.В., Веселова Н.В. Методологические подходы к анализу структуры экономики на региональном уровне // Вопросы статистики. 2015. № 2. С. 37–49.
8. Окладников С.М., Иванова А.М., Сафонов Т.А. Исследование влияния трансформации региональной экономики на уровень жизни населения // Вопросы статистики. 2016. № 10. С. 73–85.
9. Фомин М.В., Безвербный В.А., Селезнёв И.А., Шнейдерман И.М., Мирязов Т.Р. Социально-экономический и демографический анализ пространственного развития Республики Саха (Якутия) // Вопросы статистики. 2021. Т. 28, № 4. С. 96–106.
10. Уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 05.11.2023).
11. О государственной социальной помощи : фед. закон № 178-ФЗ от 17.07.1999 (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ (дата обращения: 03.09.2023).
12. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : фед. закон № 442-ФЗ от 28.12.2013 (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 03.09.2023).
13. О прожиточном минимуме в Российской Федерации : фед. закон № 134-ФЗ от 24.10.1997 (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/ (дата обращения: 03.09.2023).
14. Жилищные условия // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения: 05.11.2023).
15. Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 05.11.2023).

References

1. Ayvazyan S.A. *Analysis of the quality and lifestyle of the population (econometric approach)*. Moscow: Nauka Publ.; 2012. 432 p. (In Russ.).
2. Elakhovsky V.S. Measuring regional differences in living standard in Russia. *Voprosy statistiki = Statistics Questions*. 2020;27(5):48-57. (In Russ.).
3. Cheremisina N.V., Veys E.V. Assessment of the living standard of the population in Tambov region. *Statistika i ekonomika = Statistics and Economics*. 2019;16(1):76-84. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-1-76-84> (In Russ.).
4. Zvezdina N.V., Ivanova L.V. Life expectancy in Russia and factors influencing it. *Voprosy statistiki = Statistics Questions*. 2015;(7):10-20. (In Russ.).

5. Grishina E.N., Lapteva I.P., Trusova L.N. Monetary revenues as a main indicator of the living standard of the population of Russia. *Statistika i ekonomika = Statistics and Economics*. 2019;16(3):15-23. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-3-15-23> (In Russ.).
6. Lakman I.A., Timiriyanova V.M., Popov D.V. Spatial analysis of the relationship between changes in income and consumption of the population based on panel data. *Voprosy statistiki = Statistics Questions*. 2021;28(2):128-139. (In Russ.).
7. Trifonov Yu.V., Veselova N.V. Methodological approaches to analyzing the structure of the economy at the regional level. *Voprosy statistiki = Statistics Questions*. 2015;(2):37-49. (In Russ.).
8. Okladnikov S.M., Ivanova A.M., Safonov T.A. Study of the impact of the transformation of the regional economy on the standard of living of the population. *Voprosy statistiki = Statistics Questions*. 2016;(10):73-85. (In Russ.).
9. Fomin M.V., Bezverbny V.A., Seleznyov I.A., Shneyderman I.M., Miryazov T.R. Socio-economic and demographic analysis of spatial development of the Republic of Sakha (Yakutiya). *Voprosy statistiki = Statistics Questions*. 2021;28(4):96-106. (In Russ.).
10. Standard of living. *Federal State Statistics Service*. Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> [Accessed 5th November 2023]. (In Russ.).
11. *On state social assistance*. Federal law No. 178-FZ dated July 17, 1999 (latest edition). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ [Accessed 3rd September 2023]. (In Russ.).
12. *On the basics of social services for citizens in the Russian Federation*. Federal law No. 442-FZ dated December 28, 2013 (latest edition). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ [Accessed 3rd September 2023]. (In Russ.).
13. *On the subsistence level in the Russian Federation*. Federal law No. 134-FZ dated October 24, 1997 (latest edition). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/ [Accessed 3rd September 2023]. (In Russ.).
14. Living conditions. *Federal State Statistics Service*. Available from: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya [Accessed 5th November 2023]. (In Russ.).
15. Labor market, employment, and salaries. *Federal State Statistics Service*. Available from: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries [Accessed 5th November 2023]. (In Russ.).

Информация об авторах

*М.П. Декина – кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики и эконометрики.
А.В. Макаров – студент факультета экономики и финансов.
Э.А. Найминова – студент факультета экономики и финансов.
И.В. Подгорных – студент факультета экономики и финансов.*

Information about the authors

*M.P. Dekina – Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Statistics and Econometrics.
A.V. Makarov – Student of the Faculty of Economics and Finance.
E.A. Nayminova – Student of the Faculty of Economics and Finance.
I.V. Podgornykh – Student of the Faculty of Economics and Finance.*

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 12.05.2024; принята к публикации 29.05.2024.
The article was submitted 08.04.2024; approved after reviewing 12.05.2024; accepted for publication 29.05.2024.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ TOUCHES TO THE PORTRAIT

Персоналии

doi: 10.18522/2687-0770-2024-2-108-114

В точках отсчета дагестанской национальной философии (к 100-летию Ахеда Агаева)

Personalities

At the starting points of Dagestan national philosophy (to the 100th anniversary of Ahed Agaev)

О философе Ахеде Гаджимурадовиче Агаеве я писал несколько раз – и при жизни, и после его ухода из жизни [1, 2]. Для Дагестана и для северокавказской науки он – знаковая фигура. 22 марта 2024 г. ему исполнилось бы 100 лет со дня рождения. Многие его помнят как писателя, литературоведа и языковеда, возможно, даже больше, чем как философа, хотя он был организатором и руководителем кафедры философии Дагестанского государственного университета 26 лет – с 1968 по 1994 г. Ученый написал и опубликовал более 300 статей и монографий.

Он был не только творчески плодотворен, но и теоретически разносторонен. Как признанный лидер дагестанской философии, оставил заметный след в изучении и исследовании национальных отношений. И все же, чтобы понять значение философской фигуры, надо ее рассмотреть в общественном статусе, сопоставить ее наследие с творчеством современников, с прошлым, настоящим и будущим соответствующей науки. И только так можно судить о подлинном масштабе творческой личности. Порой о каком-нибудь деятеле дается такое субъективно искаженное нагромождение эмпирических и фактологических сведений, что не поймешь, то ли человек действительно заслуженный, то ли пропиаренный...

1. Что такое национальная философия? Хочется изложить не столько научно-философское содержание философии А. Агаева, сколько попробовать оценить его место в науке, в философии Дагестана. То есть рассмотреть философа через призму его достижений в структуре и системе самой философской науки. И если мы будем последовательны и постараемся быть предельно адекватны в ответе на такой вопрос, то стоит определиться, что собой представляет философия Дагестана, когда она зародилась, стала и есть ли она. Логично исходить из понятия региональной философии как теоретической рефлексии духовной культуры, характерной для конкретных исторических, культурологических и территориальных границ, которые определяют или национальный, или цивилизационный масштаб философии. Если с национальной философией более или менее многое привычно, то цивилизационный уровень философии можно считать характеризующим целостную систему экономической, политической, социальной и духовной наднациональных подсистем, локализованных во времени и пространстве. Эти подсистемы подчинены особым законам и тенденциям, подчеркивающим автономный характер данной целостной системы в отношении развития всего человечества.

Но осмысление статуса региональной (как национальной, так и цивилизационной) философии нередко вызывает сомнения, поскольку философия, будучи по своей сути предельно абстрактной и всеобщей теоретической конструкцией, высшей формой рациональной коммуникации, вроде бы чужда регионализации и национализации. Но с другой стороны, все формы общественного сознания, в том числе самые высокотeorетизированные научные построения, как показывает история человеческого духа, несут в себе печать ментальных, психологических, климатических, соматических и подобных особенностей соответствующих субъектов творчества. Да и само формирование и становление мировой философии включает множество разнообразных эмпирических фрагментов, нанизанных на общемировоззренческую канву, вслед-

ствии чего трехтысячелетняя история древней науки предстает в более или менее известных исторических ее типах, формах и направлениях.

Одной из таковых форм предстает национальная философия со своими специфическими методологическими основаниями, стилем мышления и другими параметрами, не выходящими за пределы национальных признаков – языка нации, психологии, «объединения, слияния, прогресса, доминирования нации», которая «озабочена собственно проблемой противостояния духовному центру и отстаивания своей автономности и уникальности» [3].

Индивидуальность признаков самобытности означает, что в качестве их не должны рассматриваться религиозные, социальные, политические и другие признаки, которые являются внешними по отношению к процессу самого философствования, а значит, присутствуя в философии разных стран, теряют свою индивидуальность. Следовательно, признаки национальной философской традиции должны с необходимостью находиться внутри самого философского дискурса национальной философии [4].

При этом нужно учесть, что национальная философия тяготеет к практическому философскому познанию, сопряжена с проблемами языковых, национальных, религиозных отношений и другими проблемами прикладного характера. Правомерность существования национальной философии и ее содержательных проявлений демонстрирует европейская философия, которая состоит из ряда национальных (древнегреческой, немецкой, английской и др.) философий этого цивилизационного типа.

Идея существования национальной философии не исключает также универсальность философского знания, но она связана с проблемами национальной реальности, выражает духовный опыт нации, ее неповторимый исторический путь, особенности ее культуры (так как с точки зрения данного подхода философия – это не только «искания» специалистов-философов). При таком подходе возникает множество интерпретаций философских традиций отдельных стран и континентов, исследуются отличительные признаки этих традиций, их своеобразие и самобытность, выявляются особые темы и предметы философствования, специфичность психологии национального философского сознания, особенности духовного склада народа и т.п.

Здесь же присутствует проблема хронологии и содержания философской традиции. При рассмотрении национальной философии с необходимостью возникает также проблема критериев ее самобытности (или особенностей, или идентификации). Национальные традиции влияют на выбор проблем и на их решения, которые могут быть важны и интересны для всех философов и способны находить сторонников в разных странах. Национальный дух, нашедший выражение в национальной философии, может предстать как грань общечеловеческого духа, тогда такая философия становится интернациональной.

Итак, понятия «национальная философская традиция», «философия в данной стране» и «национальная философия» в той или иной степени отражают сложные и противоречивые по содержанию и уровню развития философию конкретного народа в контексте неразрывного диалога постоянно изменяющегося, бесконечно развивающегося историко-философского процесса, философской методологии и общественно-исторической практики. Национальная философия интерпретируется сквозь призму философской культуры как совокупности ценностных и познавательных ориентаций, передающихся от поколения к поколению.

Национальную философию в связи с вышесказанным можно рассматривать в аспекте традиции исследования философской мысли народа, государства на путях его исторического становления. Именно поэтому национальная философия предстает перед нами и в аспекте философских оснований национальной идеи, идеологии государственного и культурного строительства. Принято считать, что национальную философию делают возможной два условия: прежде всего связь с историей мысли в ареале нациогенеза и затем выражение мысли на национальном языке.

В. Акаев акцентирует внимание на том, что «культура как проявление народного духа, который, с точки зрения Гегеля, обозначает культурно-исторические проекции абсолютного духа. Движение истории, социокультурная динамика этноса – это противоборство друг с другом национальных духов, эмпирическим же выражением национального духа является народ с его культурными достижениями. Национальный дух осознает себя в религии, искусстве, праве, политике, философии того или иного народа. Государство – организация определенного народа,

объективированное выражение специфики национального духа. Только в философии национальный дух окончательно раскрывает и запечатлевает свою сущность» [5].

2. Структура и содержание национальной философии Дагестана. В ходе исследований национальных культур народов Северного Кавказа, пишет В. Акаев, обозначились три тенденции: анализ особенностей народной культуры, которые проявляются через национальный язык, обычаи, традиции, этнопсихологические особенности; рассмотрение национальной культуры в её связях и контактах с русской и европейской культурами; изучение влияния религиозной, исламской культуры на традиционные этнонациональные культуры [6]. Эти три тенденции могут выделенные в первом разделе черты и признаки национальной философии таким образом довести до того духовного образования, которое претендует на статус национальной философии. Для Дагестана такой статус далеко не очевиден.

Одним из видных исследователей, категорично настаивающих на существовании дагестанской философии, является М. А. Абдуллаев, посвятивший свое творчество осмыслению духовной культуры народов Дагестана с древнейших времен до наших дней. В основе его методологии – положение о расширительном толковании предмета истории философии, включая в него «не только философские, логические, эстетические, этические, но и социально-политические проблемы» [7, с. 12].

Автор аргументирует свою позицию тем, что философия служит «методологической и общетеоретической основой ... всей духовной культуры». Но поскольку «в духовной жизни горцев господствовала религиозная идеология», постольку это «препятствовало развитию философского мышления и философской мысли» в обстановке отсутствия письменности у ряда народов, «философских учреждений и периодики», «народные массы выражали свои мечты и стремления, свое отношение к социальной действительности и к мирозданию в фольклоре, а передовые люди – преимущественно в поэзии» [7, с. 13–14].

Эти аргументы только льют воду на мельницу противников бытия национальной философии Дагестана. На наш взгляд, главным недостатком предстает недоведенность процесса нациогенеза до формирования нации. Отсюда и другие проблемы – отсутствие самобытного национального духа, национальной идеи, неразработанность специфических тем и методологии в контексте развивающегося историко-философского процесса. Чрезвычайно важен аспект выражения мысли народа на национальном языке, который в Дагестане только на этапе становления.

Вопрос о статусе осложняется и тем, что, безусловно, формирующаяся дагестанская философия ни к одному из множества известных в науке цивилизационных типов (египетская, индийская, иранская, еврейская, греческая, римская, арабийская, европейская и др.) не относится. Требуется ответа и вопрос, насколько конкретные проявления в обозначившихся контурах национальной философии состоятельны с точки зрения философии науки, методологических притязаний как функции философии.

Как свидетельствует история Дагестана, национальное самосознание дагестанцев, его выжимки в виде философской рефлексии над собственным духом, вековые обычаи, ритуалы и традиции обрели контуры культуры с определенной метафизической глубиной только с приобщением к исламу. Религия ислама открыла дагестанцам доступ к духовным ценностям не только мусульманского региона, но и античной и в целом европейской культуры.

Начиная с IX – X вв. в Дербенте и других южных городах региона приобщали дагестанцев к исламу известные арабские и персидские алимь и шейхи. Так исторически сложилось в регионе, что предпочтительное распространение получила мистическая ветвь ислама – суфизм. Суфийская разновидность мусульманства, ставшая впоследствии традиционным для региона исламом, обладала наибольшим адаптационным ресурсом к природно-климатическим, этнопсихологическим и культурным факторам бытия местных этносов.

Но только с XVII в. известны имена ученых и мыслителей, представителей коренных этносов, через творчество которых более или менее определенно можно судить об их интеллектуальной жизни и познавательной культуре. Одним из довольно известных был Мухаммад из Кудутли – ученый в области арабской философии, мусульманского права, логики, философии, по существу первый учитель дагестанских ученых [8, 9]. Другой местный философ того времени – Дамадан-Эфенди из Мегеба, научная деятельность которого проходила в основном в Баг-

даде, Дамаске и т. п., занимался также математикой, физикой, пропагандировал астрономические идеи Улугбека, медицинские – Ибн-Сины, изучал оккультные мистические науки, увлекался и алхимией.

В конце XVIII и начале XIX в. Дагестан стал средоточием внешнеполитических интересов Турции, Ирана и России. Началось интенсивное проникновение в регион достижений европейской цивилизации.

По имеющимся в дагестанской истории к сегодняшнему дню сведениям, здесь одним из известных был Мухаммад ал-Яраги – первый проповедник и шейх тариката в Дагестане, вдохновитель газавата. В его учении свобода выступает в качестве главного условия жизни, с ним связан призыв к полному социальному раскрепощению горцев. Считается также, что в XIX в. в Дагестане сформировалась целая группа образованных людей во главе с Махадом из Чоха, получившим образование в Иране, Египте и вместе с учениками распространявшим в Дагестане достижения астрономии Улугбека. Исмаил из Шиназа первым стал обучать муталимов навыкам использования астролябии, Зайди из Куркли пользовался изобретенным им самим телескопом, самостоятельно изучил астрономические идеи Коперника, составил на их основе календарь. Муди-Мухаммед из Согратля распространял достижения античных и средневековых арабских философов и ученых.

Представление о более или менее устойчивой философско-познавательной культуре этого периода, которая могла быть верхом духовного развития наиболее образованных и мыслящих дагестанцев, дают воззрения и мыслительные подходы Гасана Алкадари, Гасана Гузунова (это уже XX в.), самостоятельно изучивших достижения европейской науки. Подобного плана мышлением обладал и Абдулла Омаров, который как этнограф, историк, публицист внес большой вклад в дело просвещения и образования, выступал за коренные реформы системы образования. За сближение соответствующих культур, в том числе философско-познавательных, выступили Абусупьян Акаев и Башир Далгат, которые также высоко оценивали цивилизующую роль России по отношению к народам Кавказа, считали овладение русским языком объективной необходимостью.

XX в. явил миру целый ряд дагестанцев – масштабных личностей. Среди них – Уллубий Буйнакский, Махач Дахадаев, Алибек Тахо-Годи. Особо выделялся Джелалутдин Асельдерович Коркмасов. У исследователя его творчества и биографии не вызывает сомнений и тот факт, что он был человеком цельного и независимого, в то же время раскованного и восприимчивого ума. Его научно-философское мышление было емко, сообразно его основательному и разностороннему образованию.

У истоков советской профессиональной философской науки в Дагестане первым, безусловно, стоял Х.М. Фаталиев, а в 60-е гг. XX в. к нему присоединились заслуженные деятели науки РФ доктора философских наук М.А. Абдуллаев, А.Г. Агаев, М.А. Вагабов, С.М. Гаджиев. Они заведовали вузовскими кафедрами, а профессора М. Абдуллаев и А. Агаев были первыми председателями Дагестанского отделения ФО СССР, которое с 1997 г. возглавляет М.И. Билалов.

М.А. Абдуллаев, А.Г. Агаев, М.А. Вагабов, С.М. Гаджиев создали наиболее многочисленную и поныне линию изучения социально-политических, в основном межнациональных и религиозно-атеистических отношений. В этом направлении трудились А.Б. Баймурзаев, Р.М. Салаватов, А.К. Алиев, Т.Б. Савина, Ю.В. Меджидов, С. Ш. Муслимов, М. Г. Мустафаева, М. Б. Мустафаев, Л.Х. Авшалумова, З. М. Абдулагатов, М.Я. Яхьяев, М.Г. Курбанов и др.

Другое направление неформально возглавлялось академиком РАН А.А. Гусейновым (который, кстати, формировался как ученый вне Дагестана, потому является советским и российским философом, будучи дагестанцем по национальности, но не имеющим отношения к философии «дагестанской национальности»), к проблемам этики, эстетики приобщились М.М. Курбиев, О.М. Гусейнов, Т.Э. Кафаров, Р.М. Абакарова и др. Несколько выбивались из традиционной дагестанской проблематики исследования М.Т. Батырмурзаева, А.М. Магомедова (диалектика), Х.М. Фаталиева, У.А. Раджабова, Ю.Н. Абдулкадырова, О.Р. Раджабова, Р.А. Акимова (философские проблемы естествознания), М.И. Билалова (теория познания). Этим поколением дагестанских советских, а затем – российских философов заложены также традиции сотрудничества и обмена опытом с философскими кафедрами и факультетами Москвы, Ленинграда, Ро-

стова-на-Дону, Ташкента, Краснодара и других научных центров СССР. Главными авторитетами для них, еще в молодые аспирантские годы избравших специальность диалектический материализм, были выдающиеся отечественные философы П.В. Копнин, В.А. Лекторский, В.С. Швырев, Э.В. Ильенков, С.Т. Мелюхин, М.Н. Алексеев. Позже целый ряд дагестанских философов – К.М. Магомедов, А.М. Ибрагимов, М.Я. Яхьяев, И.А. Ахмедов, А.А. Саидов, А.Г. Качабеков, А. Д. Дибраев, М.Р. Рамазанов успешно окончили Ростовский государственный университет.

В этой системе отсчета зарождения дагестанской философии профессору Ахеду Гаджимурадовичу Агаеву принадлежит особое место. И не только потому, что занимался актуальными для республики идеологически и политически значимыми вопросами мировоззренческих и этноконфессиональных отношений. Активный инициатор новаций, организатор и администратор гуманитарной науки, он был на острие духовных процессов развитого социализма как общественной системы СССР, неутомимым рупором соответствующих социальных преобразований. Марксистско-ленинская философия смотрелась совершенно закономерным ядром, которому принадлежало решающее слово в развитии советской культуры, всех сфер общества.

Но вернемся к национальной философии. Столь необходимые ей национальный дух, национальная идея и идеология вполне логично улавливались А. Агаевым и находили свое выражение в его индивидуальной советской философии – во всяком случае, в его теоретизированиях в понятии дружба народов, сближении и слиянии дагестанских народностей в единую нацию – этому философ посвятил порядка десяти монографий [10–16] и множество статей. В фундаментальной по своей теоретической интенции монографии о нациологии производится успешная попытка придать своему учению методологию развитой теории – со строгим понятийным аппаратом, логической семантикой, развернутыми принципами и т.п. В книге дается категориальное осмысление национального бытия, национального сознания, национального самосознания. Автор решительно отходит от традиций публицистики, становится на рельсы гуманитаристики, позаимствовавшей методологию философии естествознания [15].

Другое дело, А. Агаев не избежал характерных многим тогда иллюзий и ошибок «забегания вперед», реально «торопил историю», не предвидел стохастичности общественных процессов, не осваивал методологические новации синергетики, антропного принципа, постмодернистской деконструкции и т.п. И не поэтому я не отношу А. Агаева к родоначальникам национальной философии Дагестана. Дагестанец Агаев был советским философом, как и многие его коллеги и ученики. Их изыскания принесли пользу развитию республики. Просто его философия не стала национальной, и тогда, и сейчас дагестанская национальная философия еще не развернута.

Зримое в «дружбе народов» единство этносов как национальная идея требует своего наполнения тысячелетним национальным духом как гранью общечеловеческого духа. Осмысленная таким образом национальная идея должна быть интегрирована с цивилизационным будущим Дагестана, и как таковая тоже она не развернута в идеологию – они нуждаются в завершении нациогенеза на основе единого языка, дальнейшего государственного и культурного строительства Дагестана. Духовный опыт нации, ее неповторимый исторический путь, особенности ее культуры не должны быть заменены исканиями специалистов-философов, как сегодня мы наблюдаем в Дагестане. С трудом складывается универсальный философский язык, многие региональные доктора философии не освоили терминологию, методологическую культуру, ключевые разделы и проблематики философии как науки. И, что важно, значимость мировой, советской, российской философии для Дагестана и дагестанцев, с одной стороны, и национальной – с другой, различна.

Национальная философия Дагестана на пути своего становления. В этой связи возлагаются определенные надежды на открытую в 2006 г. в ДГУ специальность «философия». Сегодня на отделении философии вуза центральной в структуре курсов специализации стали проблемы онтологии, теории познания, методологии науки, философские проблемы естествознания. Предстоит ориентировать студентов на глубокое изучение гуманитарной культуры, экзистенциальных проблем, философии постмодернизма...

Ныне Дагестану нужна аксиологическая эволюция, переход к новой иерархии ценностей, определяющих систему евразийской духовности. Качественно изменившаяся в эпоху информа-

ционного общества современная коммуникация требует философского освоения всеобщих и универсальных ценностей, чем долгое советское время пренебрегали дагестанские философы, по существу далекие от онтологии, гносеологии, аксиологии и других классических разделов мировой философской мысли.

Определение цивилизационного курса на гражданское общество регионального типа, выстраивание иерархии общечеловеческих ценностей с учетом менталитета и религии дагестанских этносов, подчинение этому курсу и иерархии экономических, политических, образовательных и других сфер общественной жизни – важнейшая задача Дагестана, цивилизационное будущее которого мы усматриваем с ориентацией на евразийское геополитическое пространство. Перспективы самого философского образования и науки в формирующемся полицентричном новом мироустройстве, мы связываем с исследованиями, в том числе в области этнических процессов. Все эти подходы могут приблизить дагестанское общество к его национальной идее с сохранением идентичности и языков наших многочисленных этносов. Философия Дагестана достигла духовной зрелости для участия в судьбе своего народа и должна взять на себя ответственность указывать ему путь в достойное будущее в неразрывной связи со своей культурой. Так мы реализуем мечту А.Г. Агаева и других видных и талантливых дагестанских философов, поколения которых рано и или поздно станут творцами оригинальной и самобытной национальной философии.

Список источников

1. *Билалов М.И.* Философия нации в одной философской судьбе (К 75-летию со дня рождения А.Г. Агаева) // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4 (20). С. 29–33.
2. *Билалов М.И.* Незамкнутая проекция на горизонт будущего // Гуманитарий Юга России. 2014. № 2. С. 130–136.
3. *Черепанова Е.С.* Региональный принцип в историко-философском исследовании // Рабочие тетради по компаративистике / Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб.: Web-кафедра философской антропологии, 2003. С. 35–38. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/cherepanova-es/regionalnyuy-princip-v-istoriko-filosofskom-issledovanii> (дата обращения: 02.02.2024).
4. *Хэ Л.* В каком смысле можно говорить о национальной философии? // Вопросы философии. 2023. № 3. С. 81–91.
5. *Акаев В.Х.* Исследование общественной и религиозно-философской мысли народов Северного Кавказа: достижения, трудности и перспективы // Изучение культурного наследия народов России – актуальная задача: материалы Всерос. науч.-теорет. конф. (8 декабря 2006 г.). Махачкала: Эпоха, 2007. С. 19.
6. *Акаев В.Х.* Национальная философия как выражение духа национальной культуры // Дагестан в культуре и цивилизации. Философско-политологический прогноз : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (28–29 сентября 2018 г., г. Махачкала) / под ред. М.И. Билалова. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2018. С. 13–21.
7. *Абдуллаев М.А.* Из истории философской и общественно-политической мысли Дагестана (с древнейших времен до присоединения Дагестана к России). Махачкала: Юпитер, 1993. 354 с.
8. См.: *Абдуллаев М. А.* Мыслители Дагестана XIX и начала XX в. Махачкала: Дагучпедгиз, 1963. 268 с.
9. *Абдуллаев М. А.* Мыслители Дагестана. Досоветский период. Махачкала: Эпоха, 2007. 767 с.
10. *Агаев А. Г.* К вопросу о теории народности. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1965. 286 с.
11. *Агаев А. Г.* Нация, её сущность и самосознание // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 87–104.
12. *Агаев А. Г.* Функция языка как этнического признака // Язык и общество. М.: Наука, 1968. С. 124–138.
13. *Агаев А.Г., Магомедов Р.М.* Дагестанское единство: история и современность. Махачкала: Дагучпедгиз, 1995. 94 с.
14. *Агаев А. Г.* Судьбы народностей. М.: Политиздат, 1978. 112 с.
15. *Агаев А. Г.* Нациология: философия национальной экзистенции. Махачкала: Изд-во Даг. гос. техн. ун-та, 1992. 220 с.
16. *Агаев А. Г.* Философия совести. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 336 с.

References

1. Bilalov M.I. Philosophy of the nation in one philosophical destiny (To the 75th anniversary of the birth of A.G. Agayev). *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 1999;(4):29-33. (In Russ.).
2. Bilalov M.I. Unclosed projection onto the horizon of the future. *Gumanitarny Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2014;(2):130-136. (In Russ.).
3. Cherepanova E.S. Regional principle in historical and philosophical research. *Workbooks on Comparative Studies. Humanities, Philosophy, and comparative studies*. St. Petersburg: Web-department of philosophical anthropology; 2003:35-38. Available from: <http://anthropology.ru/ru/text/cherepanova-es/regionalnyy-princip-v-istoriko-filosofskom-issledovanii> [Accessed 2nd February 2024]. (In Russ.).
4. He L. In what sense can we talk about national philosophy? *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2023;(3):81-91. (In Russ.).
5. Akaev V.Kh. Study of the social and religious-philosophical thought of the peoples of the North Caucasus: achievements, difficulties, and prospects. *Study of the cultural heritage of the peoples of Russia – an urgent task*. Proceedings of the All-Russian scient. and theoret. conf. (December 8, 2006). Makhachkala: Epokha Publ.; 2007:19. (In Russ.).
6. Akaev V.Kh. National philosophy as an expression of the spirit of national culture. *Dagestan in culture and civilization. Philosophical and political science forecast*. Proceedings of the All-Russian scient. conf. with international participation (September 28-29, 2018, Makhachkala). M.I. Bilalov, ed. Makhachkala: Don State Technical University Press; 2018:13-21. (In Russ.).
7. Abdullaev M.A. *From the history of philosophical and socio-political thought of Dagestan (from ancient times to the annexation of Dagestan to Russia)*. Makhachkala: Yupiter Publ.; 1993. 354 p. (In Russ.).
8. Abdullaev M.A. *Thinkers of Dagestan in the 19th and early 20th century*. Makhachkala: Daguchpedgiz Publ.; 1963. 268 p. (In Russ.).
9. Abdullaev M.A. *Thinkers of Dagestan. Pre-Soviet period*. Makhachkala: Epokha Publ.; 2007. 767 p. (In Russ.).
10. Agaev A.G. *On the issue of the theory of nationality*. Makhachkala: Dagknigoizdat Publ.; 1965. 286 p. (In Russ.).
11. Agaev A.G. Nation, its essence and self-awareness. *Voprosy istorii = Questions of History*. 1967;(7):87-104. (In Russ.).
12. Agaev A.G. The function of language as an ethnic feature. *Language and Society*. Moscow: Nauka Publ.; 1968:124-138. (In Russ.).
13. Agaev A.G., Magomedov R.M. *Dagestan unity: history and modernity*. Makhachkala: Daguchpedgiz Publ.; 1995. 94 p. (In Russ.).
14. Agaev A.G. *Fates of nationalities*. Moscow: Politizdat Publ.; 1978. 112 p. (In Russ.).
15. Agaev A. G. *Naziology: philosophy of national existence*. Makhachkala: Dagestan State Technical University Press; 1992. 220 p. (In Russ.).
16. Agaev A.G. *Philosophy of conscience*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House; 1995. 336 p. (In Russ.).

М.И. Биалов,
доктор философских наук, профессор,
Дагестанский государственный университет

НАШИ ЮБИЛЯРЫ OUR PERSONS

Персоналии

doi: 10.18522/2687-0770-2024-2-115-120

Дмитрий Владимирович Сень – историк казачества (к 50-летию со дня рождения)

Personalities

Dmitry Vladimirovich Sen' - Cossack historian (on the 50th birthday)

В нынешнем году отмечается полувековой юбилей известного российского историка казачества, доктора исторических наук, профессора Дмитрия Владимировича Сень.

Профессиональное становление Д.В. Сень началось в 1991 г. в стенах Кубанского государственного университета. К тому времени в этом вузе история казачества на Кубани и на всем Северном Кавказе выдвинулась в качестве одного из приоритетных направлений в исторических исследованиях. Учителя Д.В. Сень, профессора В.Н. Ратушняк и В.И. Черный, сформировали у него особый интерес к истории и культуре казаков-некрасовцев, более двух сотен лет живших за пределами своей исторической родины и сохранивших до Новейшего времени свои культурно-исторические особенности уже после возвращения в Россию в XX в. В 1999 г. в совете при КубГУ он успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную некрасовцам, а в 2002 г. издал по материалам диссертации монографию. Книга, представлявшая итоги сквозного исследования истории некрасовцев с возникновения этой социокультурной группы казачества в 1708 г. вплоть до 20-х гг. XX в., когда определенная их часть уже вернулась на родину предков, вызвала значительный интерес. Положения и выводы его были четко обоснованы. Он особо подчеркивал, что некрасовцы составили органичную часть Первого Кубанского казачьего войска и были связаны происхождением с верховым донским казачеством, что само это войско образовалось на Кубани после прихода некрасовцев, пополнивших ряды донских казаков, бежавших на Кубань после поражения движения старообрядцев на Дону в 1686–1689 гг.

В связи с историей некрасовцев и бегства их на Кубань во владения крымских ханов Д.В. Сень поднял еще одну важную и более общую проблему истории казачества – их отношений с мусульманскими соседями в Приазовье и Причерноморье. Показал, что политика крымских ханов по отношению к бежавшим с Дона казакам-старообрядцам во главе с Игнатом Некрасовым создавала «феномен “благоденствия”» для казаков, и они стали «полноправными крымскими подданными». При этом, указывал он, нет оснований для того, чтобы считать движение некрасовцев продолжением Булавинского восстания и чтобы видеть в поселении некрасовцев на Кубани появление независимой казачьей республики [1].

Отсюда возникала проблема углубленного анализа характера отношений между казачьими войсками и отдельными казаками, с одной стороны, и с этнополитическими образованиями и культурами окружающего мира – с другой. В этой связи Д.В. Сень правомерно обращал внимание, что в традиционной историографии такие отношения подавались несколько односторон-

ним и упрощенным образом. Они рассматривались прежде всего как отношения их с Московским государством. Что же касается отношений их с соседними мусульманскими государствами, то в центре внимания историков было исследование конфронтации, длительной и упорной борьбы казаков с ними. Неслучайно особый интерес историков, вплоть до последнего времени, вызывали боевые действия Войска Донского против османского Азова [2], морские походы донских и запорожских казаков против Турции и Крыма [3]. Конечно, Д.В. Сень не сомневался в значимости отношений казаков с московским самодержавием, однако в качестве общей гипотезы своих дальнейших исследований исходил из того, что такое освещение богатой и многогранной казачьей истории дает о ней лишь ограниченное представление. И самое главное, оно не вполне отвечает на вопрос о месте казачества в окружающем мире.

Вместе с тем стремление Д.В. Сени к отходу от одностороннего освещения истории казачества к учету сложности отношений с соседними политическими образованиями и культурами совпало с усилившимся вниманием отечественных историков к теории фронта, до того времени у нас по существу слабо известной. Эта теория, сформулированная в конце XIX в. американским историком Ф. Тернером на североамериканском материале, исходила из исключительной сложности приграничных отношений, которые ни в коем случае не сводятся к вооруженному противостоянию и включают в себя разные формы взаимодействия.

Между тем Д.В. Сень в полной мере осознавал сложность подобного направления в исследовании истории казачества и необходимость всемерного расширения эмпирической базы. Это означало, с одной стороны, продолжение изучения богатейшего материала отечественных архивов, как центральных, так и местных, который, как оказывается, за предыдущий период исследован далеко не в полной мере. С другой – обращение к материалам из турецких архивов, в которых также содержался большой комплекс документов, относящихся к казачеству. Работа с этими материалами была особенно сложной, поскольку круг османистов в России и Украине очень узок. В 2007 г. Д.В. Сень удалось найти в двух архивах Стамбула около пятисот документов XV – XIX вв., среди которых указал на особое значение документов переписки Дивана с Крымом второй половины XVII в., документов по Азаку XVII в., участия Крыма в войнах Турции XVIII в. [4, с. 15–16].

В 2009 г. в совете при ЮФУ Д.В. Сень успешно защитил докторскую диссертацию, научным консультантом был д. и. н. Н.А. Мининков. Тема и ее освещение вызвали большой интерес, на автореферат поступило множество отзывов российских и зарубежных ученых. По теме диссертации в том же году вышла в свет монография. На основании большого комплекса источников Д.В. Сень сделал вывод, что со второй половины XVII в. в отношениях между донскими казаками и мусульманскими соседями в Приазовье и Причерноморье наметился все более ярко выраженный вектор, ранее не просматривавшийся или просматривавшийся слабо. Заключался он в развитии отношений неконфронтационной направленности, которые при этом вступили в противоречие с традицией, в основе которой лежала война против «турских и крымских басурман».

Такая перемена происходила на рубеже 60–70-х гг., после Разинского восстания, когда связи донских казаков с турецкой стороной становились весьма оживленными и разнообразными. Также Д.В. Сень отметил, что походы на Крым 1687 и 1689 гг. «актуализировали в глазах казаков мысль о связи судьбы государства Гиреев с судьбами самих донцов», способствовали переходу «части казаков-нонконформистов в крымское подданство», связывая тем самым религиозный протест старообрядцев «нонконформистов» с политическим протестом против угрозы усиления московской власти на Дону [4, с. 262]. Указывая на бегство от преследований казаков-старообрядцев на Кубань в конце XVII в., он обращал внимание на факт их «успешной адаптации» и превращения в «подданных хана». А уже это, в свою очередь, стало предпосылкой создания и успешного осуществления плана ухода «крупного отряда донских казаков в ногайские владения Гиреев», который был успешно осуществлен в 1708 г. атаманом Игнатом Некрасовым [4, с. 264]. Тем самым Д.В. Сень показал, что некрасовское движение было не только казусом, возникшим в конкретных условиях поражения Булавинского восстания. Оно органично вытекало из общих тенденций в развитии взаимоотношений донских казаков с их мусульманскими соседями, в которых все более заметными становились неконфронтационные отношения.

В ходе своих дальнейших исследований Д.В. Сень выделил несколько основных направлений. Все они так или иначе выходили за рамки проблематики истории казачества и касались более общих вопросов русско-турецких и русско-крымских отношений и вообще международных связей на обширном пространстве контактной приграничной зоны в Приазовье и Причерноморье. Среди этих вопросов он особо выделил отношения, складывавшиеся в связи с положением, который получил «Азов ... после Азака». В частности, это касалось истории взятия Азова при Петре I, казалось, хорошо изученной. Д.В. Сень взглянул на ход этих событий не с традиционной, «русской» стороны, но со стороны ее противников, защищавших Азов, и такого малоизвестного сюжета, как участие ахреян в защите крепости.

Значительная часть этих людей, русских, украинцев и казаков по происхождению, уже тесно связали свою судьбу с османским Азовом, и переход его под власть России нес для них немало угроз. Такое население, как подчеркивал Д.В. Сень, составляло «часть прошлого этого поликультурного центра османских владений» [5]. По сути, вывод согласуется с выводом В.Н. Королева о наличии в Азове и его округе славянских дворов (хане) еще в XVI в. [6]. Вообще для Д.В. Сенья характерно особое внимание к вопросу об ахреях. В том числе это относится к исследованию им внутренних смыслов понятия. Он указывал на изменение его смыслового наполнения – «от маркирования лиц, переходивших в мусульманство, до обозначения конкретных (не всех!) групп изменников», и что «ахреянин – не всегда вероотступник... но всегда – изменник». И подчеркивал, что это понятие было распространено как в письменной документации, так и в устной речи [7].

Одной из проблем, которая находится в центре внимания Д.В. Сенья, является история аппарата управления на местах, а также в Войске Донском. Частью аппарата управления была работа по переводу письменных документов и устной речи в ходе переговоров. Поэтому переводчики и толмачи стали одной из тем его исследования. Установление имен этих лиц требовало большой поисковой работы в архивах, ее результаты позволили представить процесс установления связей азовской администрации с мусульманскими соседями и зарождения делопроизводства в Азове [8].

За последнее время Д.В. Сень также обратил внимание на службу толмачей в Войске Донском и установил ряд их имен. Но толмачи и переводчики были частью истории делопроизводства в России XVII – XVIII вв., которая также составляла тему исследований Д.В. Сенья. Частью этой истории, которую он выделил особо, являлось создание казаками – участниками Булавинского восстания особого информационного пространства, которое сыграло свою роль в распространении восстания, в связях между булавицами и кубанскими казаками-старообрядцами, ушедшими на Кубань еще в конце XVII в. Высоко оценивая исследование «повстанческого архива» Е.П. Подъяпольской, Д.В. Сень ставил при этом в ходе изучения переписки булавицев новые задачи. В частности, он особо подчеркивал то, что такая переписка раскрывает «“взгляд с Востока” на казачий Дон тех лет», со стороны турок, крымцев и ногаев. Вместе с тем он отмечал, что в ходе этой переписки Войско Донское в период пребывания К.А. Булавина войсковым атаманом реализовывало свое традиционное право внешних сношений, ликвидированное московской властью в 1671 г., после поражения Разинского восстания [9].

По существу, на всех публикациях Д.В. Сенья, посвященных казачьим сообществам, соседним тюркоязычным государствам и обществам и калмыкам, истории управления и делопроизводства, в той или иной мере сказывалось влияние антропологического поворота в современной культуре. Неслучайно поэтому за историей государств, обществ, управленческих и делопроизводственных традиций в центре его внимания оказываются конкретные люди как первого, так и второго исторического плана. В качестве такой личности, реальное значение которой было недооценено, Д.В. Сень указал царевича, «кубанского султана» Бахты-Гирея. По его мнению, это была в своем роде личность уникальная, заслуживающая специального историко-биографического исследования, деятель «не только регионального масштаба (Северный Кавказ)». В его лице он видел представителя крымской ханской династии, оказавшего влияние на османо-крымско-русские отношения первой трети XVIII в.» [10]. Он при этом указал на сложности такого исследования ввиду неясности в целом ряде вопросов генеалогии разных ветвей Гиреев, что затрудняет понимание характера взаимоотношений между ними.

Не меньшего внимания заслуживает вклад Д.В. Сенья в исследование биографий отдельных «кубанских» казаков, бежавших с Дона в конце XVII в. О жизни этих предводителей казачества известно было существенно меньше, чем о предводителях донских старообрядцев конца XVII в. Указывая на «лидерство» среди этих казаков Савелия Пахомова, Льва Маноцкого, Петра Мурзенко, Д.В. Сенья ставил вместе с тем теоретические вопросы, относящиеся не только к уяснению фактов, связанных с их биографиями и с общим состоянием казачьих сообществ в период их деятельности. Такое изучение позволяет, считает Д.В. Сенья, выявить «то общее», благодаря чему эти казаки сумели «объединить вокруг себя разных людей в кризисное время» [11]. Также он подчеркивал важность сравнения условий, в которых «родились и выросли указанные лидеры», связь между их социальной активностью и происхождением [11, с. 28]. В самом деле такая связь несомненна. Но она должна быть по возможности установлена на конкретных материалах их биографий. И, несомненно, указывает Д.В. Сенья, следует учитывать влияние общей ситуации «донского раскола», ставшего на рубеже XVII – XVIII вв. явлением, которое он не без определенного литературного пафоса, но по существу вполне справедливо оценил в качестве «казачьего Исхода на Кавказ» [11, с. 28].

Все исследования Д.В. Сенья отличаются обоснованным выбором актуальной проблематики, исключительно глубоким знанием историографии. Они построены на тщательной эвристической работе и глубоком эмпирическом анализе источниковой базы, способности его подводить итоги многолетних исторических исследований и выдвигать новые проблемы, соответствующие новому уровню осмысления исторических событий, явлений и процессов. Все это нашло наглядное выражение в его анализе современной российской историографии Разинского восстания, с середины 90-х гг. Аналитическая статья привлекает внимание нетрадиционным подзаголовком: «Новый этап изучения или “тема закрыта”?» Конечно же, как проникновенный историк исторической науки, Д.В. Сенья хорошо понимал, что такого состояния, как «тема закрыта», быть не может ввиду того, что не может быть остановлено развитие исторической науки и культуры в целом, частью которой она является, что такой подзаголовок может отражать лишь временное состояние в понимании проблемы. Тем более такой значительной, как Разинское восстание. Но такой подзаголовок давал возможность вместе с тем весьма точно обозначить современное состояние проблемы.

Д.В. Сенья ставил вопрос о переходе от характеристик восстания советскими историками к новым подходам к его истории в последующий период. Он отметил, что огульной критики наследия советской историографии удалось избежать, но при этом выделил новые подходы к важнейшим вопросам истории восстания. К ним он отнес сущностные характеристики движения, его социально-психологическую природу и особо отметил появление концепции «русского бунта», применительно в том числе к Разинскому восстанию. «Второе рождение», – так он характеризовал это любопытное историографическое явление, причем с полным на то основанием, его новое осмысление в связи «с современными историографическими практиками по “очеловечиванию”» восстания [12].

При этом отметил значимость современных исследований темы массовых народных движений в трудах В.Я. Мауля, В.М. Соловьева, О.Г. Усенко. Они дали анализ «моделей протестного движения повстанцев», определили «проявления народного монархизма, самозванчества, политического насилия», «в переосмыслении феномена русского бунта» [12, с. 236]. По мнению Д.В. Сенья, в историографии сохраняется точка зрения, согласно которой понятие «крестьянская война» имеет «определенный эвристический потенциал» [12, с. 237]. Привлекают краткие, но емкие характеристики Д.В. Сенем места Разина и Разинского восстания в фундаментальных общих трудах о времени царствования царя Алексея Михайловича, созданных И.Л. Андреевым и В.Н. Козляковым, с вопросом о личном отношении царя к этому выдающемуся событию его царствования, тем самым создаются предпосылки для более углубленного анализа известных вопросов царя к Разину, которое должно было задавать следствие [12, с. 239]. Отмечая достижения в исследованиях последних десятилетий, Д.В. Сенья вместе с тем указал на недостаток специальных источниковедческих исследований восстания, особенно на то, что отсутствует «проверенная временем традиция историографических обзоров по теме» [12, с. 252], недостаток знакомства с трудами современных зарубежных историков [12, с. 254]. Впрочем, сама по

себе эта статья Д.В. Сень в значительной мере восполняет недостаток современных историографических обзоров.

Среди историков Д.В. Сень известен также как трудолюбивый и успешный организатор науки. Он проявил себя в качестве руководителя авторского коллектива при работе над первым томом «Истории донского казачества», охватывавшего период до начала XVIII в. включительно и изданного в 2020 г. в составе трехтомника под общей редакцией А.И. Агафонова. Он был также организатором ряда конференций, посвященных истории казачества и архивного дела. Особо следует отметить огромную работу Д.В. Сень в качестве организатора донского казаческого семинара, начавшего свою работу на базе ИИМО ЮФУ с 21 мая 2021 г. Семинар, в котором к настоящему времени было уже проведено семь заседаний с выступлениями известных исследователей России и ближнего зарубежья, поднимает разные актуальные и дискуссионные вопросы истории казачества – от эпохи позднего средневековья до советского периода – и пользуется широкой известностью.

Впереди у Д.В. Сень большие творческие планы. Коллектив историков ИИМО ЮФУ поздравляет его с полувековым юбилеем и желает новых успехов на благо отечественной исторической науки.

Список источников

1. Войско Кубанское Игнатово Кавказское: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар: Изд-во КубГУ, 2001. 385 с.
2. Куц О.Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. М.: Старая Басманная, 2014. 596 с.
3. Королев В.Н. Босфорская война. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 2002. 704 с.
4. Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009. 280 с.
5. Сень Д.В. Из истории борьбы за Азов в 1695–1696 гг.: участие ахреян в защите османской крепости // Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.). Избр. тр. Ростов н/Д.: Альтаир, 2020. С. 36–50.
6. Королев В.Н. Славяне турецкого Азова // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 1999. № 2. С. 16–20.
7. Сень Д.В. Ахреяне как образы «чужого»: славяне Приазовья и Кубани XVII – начала XVIII в. // Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.). Избр. тр. Ростов н/Д.: Альтаир, 2020. С. 136–169.
8. Сень Д.В. Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII – начало XVIII в.) // Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.). Избр. тр. Ростов н/Д.: Альтаир, 2020. С. 73–83.
9. Сень Д.В. Информационное пространство Булавинского выступления и повстанческая переписка 1708 г. с Кубанью // Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.). Избр. тр. Ростов н/Д.: Альтаир, 2020. С. 201–212.
10. Сень Д.В. Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) // Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.). Избр. тр. Ростов н/Д.: Альтаир, 2020. С. 286–303.
11. Сень Д.В. Новые данные о представителях потестарных структур кубанского казачества (конец XVII – XVIII в.) // Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.). Избр. тр. Ростов н/Д.: Альтаир, 2020. С. 271–285.
12. Сень Д.В. Народное движение под предводительством С.Т. Разина в историографии середины 1990-х – 2000-х гг. (Новый этап изучения или «тема закрыта»?) // Историческая экспертиза. 2021. № 3. С. 232–263.

References

1. *The Kuban Ignatov-Kavkaz Army: historical paths of the Nekrasov Cossacks (1708 - late 1920s)*. Краснодар: KubSU Press; 2001. 385 p. (In Russ.).

2. Kuts O.Yu. *Don Cossacks of the Azov Epic and the 1640s: political and military history*. Moscow: Staraya Basmanaya Publ.; 2014. 596 p. (In Russ.).
3. Korolev V.N. *Bosphorus War*. Rostov-on-Don: RSU Press; 2002. 704 p. (In Russ.).
4. Sen' D.V. *Cossacks of the Don and the North-West Caucasus in relations with the Muslim states of the Black Sea Region (second half of the 17th century - early 18th century)*. Rostov-on-Don: SFU Press; 2009. 280 p. (In Russ.).
5. Sen' D.V. From the history of the struggle for Azov in 1695-1696: participation of the Akhreyans in the defense of the Ottoman fortress. *Russian-Crimean-Ottoman borderland: space, phenomena, people (late 17th - 18th centuries). Selected works*. Rostov-on-Don: Al'tair Publ.; 2020:36-50. (In Russ.).
6. Korolev V.N. Slavs of Turkish Azov. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Society Sciences*. 1999;(2):16-20. (In Russ.).
7. Sen' D.V. Akhreyans as images of the "foreign": Azov region and Kuban slavs in the 17th - early 18th centuries. *The Russian-Crimean-Ottoman borderland: space, phenomena, people (late 17th - 18th centuries). Selected works*. Rostov-on-Don: Al'tair Publ.; 2020:136-169. (In Russ.).
8. Sen' D.V. Interpreters and translators in the activities of the Azov voivodeship administration (late 17th - early 18th centuries). *The Russian-Crimean-Ottoman borderland: space, phenomena, people (late 17th - 18th centuries). Selected works*. Rostov-on-Don: Al'tair Publ.; 2020:73-83. (In Russ.).
9. Sen' D.V. Information space of the Bulavin uprising and the rebel correspondence of 1708 with Kuban. *The Russian-Crimean-Ottoman borderland: space, phenomena, people (late 17th - 18th centuries). Selected works*. Rostov-on-Don: Al'tair Publ.; 2020:201-212. (In Russ.).
10. Sen' D.V. Biographical facts on the elites of the Crimean Khanate: problems of source study (the case of sultan Bakhty-Girey). *Russian-Crimean-Ottoman borderland: space, phenomena, people (late 17th - 18th centuries). Selected works*. Rostov-on-Don: Al'tair Publ.; 2020:286-303. (In Russ.).
11. Sen' D.V. New facts on representatives of potestary structures of the Kuban Cossacks (late 17th - 18th centuries). *Russian-Crimean-Ottoman borderland: space, phenomena, people (late 17th - 18th centuries). Selected works*. Rostov-on-Don: Al'tair Publ.; 2020:271-285. (In Russ.).
12. Sen' D.V. The people movement led by S.T. Razin in the historiography of the mid-1990s - 2000s (A new stage of study or "the topic is closed"?). *Istoricheskaya ekspertiza = Historical expertise*. 2021;(3):232-263. (In Russ.).

Н.А. Мининков,
доктор исторических наук, профессор,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета

**Редакция журнала и редакционная коллегия сердечно поздравляют
Дмитрия Владимировича, многолетнего автора и добросовестного члена
редколлегии нашего журнала, с юбилеем и желают ему здоровья, счастья
и творческих успехов на благо просвещения!**

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, М.С. Шипитко

Подписано в печать 24.06.2024. Выход в свет 26.06.2024.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 14,34. Тираж 250 экз. Заказ № 9552

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, M.S. Shipitko

Signed print June 24, 2024. Publication June 26, 2024.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 13.95. Publ. sign 14.34. Edition 250 copies. Order number 9552

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, of. 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,

Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Статья оформляется в формате .doc или .docx (MS Word) через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках.**
4. Полное название организации **на русском и английском языках.**
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках.**
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов).**
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfnu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2024-2.

Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2024. № 2